

Павел Козлофф

В срок яблоко спадает спелое.

Наследственный дар.

Раскаленный диск закатного солнца пламенел над обрамлявшим горизонт лесом. Безоблачное небо, чистейший, пастельной голубизны свод, с земли казался испестренным бесчисленным вкраплением песчинок. Жаркий воздух и к вечеру, при всей эфемерности, сохранил безнадежную неподвижность, не давая отмашку полету фантазии в поисках путей для явления прохлады.

И, все-таки, вечерний чай собрали не в глубине дома, где толстые стены были щитом от жары, а на крытой, но раскаленной веранде. Хозяйка считала, что здесь можно курить, не причиняя близким вред и беспокойство. Струился дым, и создавал подобие завесы вокруг худощавой, седовласой интеллигентной дамы, которая, и без огнедышащего эффекта, смотрелась весьма значимой фигурой. Марья Егоровна даже и не боролась с привычкой курения. Ей казалось, что беспощадность никотина, в ее случае,

сильно преувеличена. Неспешные затяжки дарили привычное удовольствие, и способствовали стимулированию мыслительного процесса. Дело в том, что госпожа Вишневская была ученая дама. Более того – весьма ученая. Доктор медицинских наук. Профессор НИИ психиатрии.

Вишневская выглядела, да и была, натурой открытой и чуждой равнодушия. В ней ощущался действенный интерес к окружающим. Она готова была принять выдаваемое, как допустимую действительность. Но, за кажущейся простотой, был начеку пытливый ум. Марья Егоровна всегда отдавала голос «за», пока не выявлялось что-то «против». Пожалуй, так смотрела бы Фемиды, осмелся кто-то снять повязку с глаз богини. Пусть сострадание в сердцах, но правосудие дороже.

Компанию ей составляла дочь, Анна Андреевна. Лет сорока, в расцвете зрелой красоты. Ее облик убедительно подчеркивал родственное сходство с матерью, но не требовалось особой наблюдательности, чтобы выявить явные различия. Дочь Анна была величественна в движениях и убедительна в их отсутствии. Имела более холерный вид, куда решительнее взгляд. Глаза смотрели пронзительно. Цвет имели изменчивый или, может, трудно определяемый. Из-за их затаенности в тени надбровных дуг и густом обрамлении ресниц. Но, вместе с тем, ощущалась в ней склонность к мечтам. Не мечтательности, отнюдь. «Ей не чужд полет фантазии» - так думала мудрая мать. И Анне, порой, удавалось украсить житейскую прозу возникновением провидческих открытий. Ей, как бы, ниспосланных.

Не сломленные несусветным зноем, как будто их погода на дворе, мать с дочерью неспешно пили чай. Ничто не отменило тот серьезный разговор, который женщины вели вполголоса, в раздумьях. И поднимался ввысь дымок от сигареты, когда должна была возникнуть мысль.

- Ты, Аннушка, счастливый бы, казалось, человек. Тебе не пришлось искать призвание. Ты получила откровение и заключила брак со звездами. Я только так трактую вашу внезапную встречу с Георгием, любовь, и скорый брак.

- Меня подготовила бабушка Лиза, что суженый мой – звездочет. Так как же тут было ошибиться, когда Георгий мне сказал: «Люблю», а я узнала, где седьмое небо.

- Бабушка Лиза тебя ко всему подготовила. Она у нас и сама все предугадывала, да и исторические хроники толковала проникновенно. Только вот, мне порою казалось, что велик в ее прошлых обстоятельствах художественный вымысел.

- Но ты ведь тоже искала истину. А разве может быть что-либо важнее, чем отыскать свои корни?

- Ну, конечно, может. В нашем случае, заикнуться на поисках корней происхождения – бессмысленно. Потому, что можно прожить в потемках. Надо следовать

мироощущению. А не тем страницам в книге судеб, которые, вдруг ты сочтешь, написаны специально для тебя.

- Бабушке и люди верные приезжали – рассказывали. И она, сама, читала в прошлом. Все говорило об одном. Что Лизавета - дочь великого «старца». И что же к ней тогда Вырубова людей присылала, чтоб не дали ей пропасть? И в документах бабушка носит фамилию Вербина, как созвучная специальная память о святой девственнице. Которая прабабушку спасла, не дала семени «старца» погибнуть.

- Да, Аня, все может быть и так. А может - этак. Бабушка Лиза теперь и слышать не хочет ни о каком ясновидении, и считает это дьявольским наваждением. И день, и ночь поклоны бьет у святых икон. Там, при монастыре. И стремится жизнь свою довести до смерти благодной. Я была у нее, она и поговорить со мной не отказалась.

- А меня-то, мама, она видеть хочет? Могу я съездить к ней?

- Ну, конечно, Аннушка. Вот отдохнете вы на юге, ты к ней и съезди. А то годы ее немалые, все может быть.

- А, все-таки, я чувствую в себе великую кровь. Отсюда и ясновидение, и мысли я читать могу. Да. А у Тины другой, неистовый дар «старца» проявляется. Она ведь девочка еще совсем, а весь мужеский пол к ней тянется, стоит ей только взглядом одарить.

- Что это ты несешь такое несусветное? Сама ты, достаточно, фригидна. Тебе звезды подавай. А Тиночку ты в Мессалины наметила. Что ты, Аня, побойся Бога.

- Я никого не намечаю. Но если есть таков ее удел, то я ему противиться не стану.

- Что же ты, девочку шестнадцатилетнюю, дочку свою, определяешь в развратницы?

- Но, мамочка, ведь ей семнадцать. А Джульетте было четырнадцать. И Тина давно уже не девочка. И ей решать, в чем видеть в жизни смысл.

- Податься в современное хлыстовство и совершать, как норму, свальный грех?

- Теперь все называется иначе. И уже давно везде сексуальная революция.

- Да! Ты прости меня, конечно, но тебя лечить надо. Тебя уж точно. А Тину – наверное. Если, правда, то, что ты рассказываешь.

- Ну, конечно. Лоботомия, электрошоки, медикаментозное вмешательство – все придумано для того, чтобы мозги на место поставить. Только мозгов уже там не будет, да и душа уйдет. И будет НОМО овощ.

Солнце завершило зрелищный парад своего ухода. Начинало темнеть и, неожиданно, повеяло прохладой. Марья Егоровна задумчиво курила в тишине. Анна Андреевна смотрела распахнутыми глазами вдаль, и светились они верой в будущее. Блеснули темными изумрудами, и спрятались, когда Вербина сказала, поднимаясь:

- Все будет хорошо, добрая моя, любимая мама. Мы отдохнем, а осенью к тебе приедем, в Ленинград. И все обсудим, и к бабуле съездим. Пойдем, прохлада к отдыху зовет.

- Да, Аннушка. Окончен день тяжелый.

***

Откровения Анны.

Анна Вербина поехала на юг. Погода все время стояла пляжная, без каторжной жары и со спокойным морем. И неизменно потрясал момент возникновенья южной ночи, когда пьянит обманом близость звезд, с недосыгаемым и равнодушным блеском.

Родители Алены и Владика Прониных и Анна Андреевна, помимо своих детей вывезли в Сочи еще трех их одноклассников – Андрея Болдина, Шурочку Ижевскую и Марину Вдовину. Пронины не первый год останавливались в частном доме, там нашлось место и для Шурочки с Андреем. Анна Андреевна отдыхала по путевке, и администрация санатория отыскала возможность поселить ее дочку с подругой в том же корпусе. Вышло так, как всегда происходит в компании знакомых людей, но случайных попутчиков. До возвращения в Москву оставалось два дня, но все уже торопили время. Случился ожидаемый перелом в настроении. Последние две недели перед заключительным школьным годом решили отгулять дома, напоследок детства. Взрослые подустали и ждали отъезда не менее откровенно. Было здорово, но трудно найти человека, который не говорил бы, что после двух недель устает отдыхать. Солнце становится в тягость, а море не в радость. Путевка у Анны Андреевны кончилась.

***

Через стеклянные двери холла Марина видела друзей, что-то бурно обсуждавших на залитой солнцем площадке у лестницы, ведущей на пляж. И была почти на выходе, когда Анна Андреевна позвала ее, негромко и убедительно.

- Всего несколько минут-...

- Ну, Анна же Андреевна. Я целый день готова вам отдать.

И впрямь, общение с Вербиной не шло в счет времени. Как будто бы действие ауры Анны влияло на четкую скорость минут с тормозящим эффектом.

Природная энергия ее порывов смягчалась женственною грацией движений. Строгое, порою властное лицо, удивительно преображалось и светилось добротой, когда Вербина общалась с милыми ее сердцу людьми. А весь ее облик, и, как казалось, пронзительный взгляд, делал ее появление, где бы то ни было, событием. На нее оборачивались. Она привыкла.

- Марина, я говорила с Пронинными. Мы должны лететь послезавтра в десять, ты знаешь. Я предложила, я просила их остаться еще хотя бы на сутки. Мне нужно. Их дети ни в какую, да и родителей не удержат. А Шурочка - так просто ее ждут. Лишь с Тиной нет проблем. Пожалуйста, Марина. Это нужно. И прошу тебя – попробуй предложить сама. А не так, что от меня исходит. – Анна Андреевна пристально смотрела Марине в глаза, мягко опустила руки ей на плечи. – Прощу тебя, девочка.

- Так разве же необходимо всем одним рейсом улетать? Мы и приехали вместе случайно, и все общение происходило по накатанным рельсам школьного знакомства.

-Ты права. Но раньше считалось нормой поведения, что, если знакомые люди, свои личные поездки на отдых соединяют в единый вояж, то происходят согласования. У нас билеты, рейс известен. И коли мы меняем планы, то предложить своим ребятам продлить наш отдых дня на два, я думаю, ты тоже считаешь долгом.

- Ну, конечно, правда, ваша. Я предложу, я знаю аргументы.

***

Марина сразу подняла вопрос. Ей было незачем искать подхода к теме.

- Я не хочу так скоро уезжать. Как вспомню осень, город, и дожди ...

Вся их компания барахталась в отливе и, в разной степени, уже достигла берег. Волны ласково сопротивлялись, перестукивались галькой. И Марина продолжила.

- Ведь дополнительная пара дней у моря куда милее, чем неделя городской суеты. Анну Андреевну попросим, ей в санатории билеты поменяют.

На призыв реагировали многогласно и отрицательно. А Шурочка сказала, что в тот же вечер уезжает в Ленинград.

Тина спокойно слушала отказы. И молчала. Только по дороге к санаторию сказала неожиданно: «Ну, и, слава Богу. Остаемся. Здесь рай и море, хоть полно людей. И, кажется, вчера, вернулся тот, кто меня впечатлил расцветом своей брутальной юности. Должно быть, путешествовал в горах. Я покажу тебе».

Не собирая мыслей, на ходу, Марина процедила: «Горячая какая ты натура. Есть риск перегореть».

Марина Вдовина не бредила любовью. Она не торопила ход событий. В мечтах, порою, уносилась далеко. Но постоянный поиск чувственных утех ей не казался стоящим усилий. И не совсем типичной выглядела ее достаточная отдаленность от подростковой сексуальной практики.

- Но, Тина, я же знаю, что это ты растревожила бедную свою маму. Опять безумная любовь, и сногшибательный избранник. А ум, которому многие позавидовать могут, буравят эротические бредни.

- Нет. Мама первая придумала остаться. Но может перекинуть на меня. Легче всего сказать, что это – Тина. Да мне какое дело - здесь иль там. Мир соткан из любви. Ты, видно, севера дитя. Там созревают позже. А я не стану противиться. Пусть опалает всех вокруг огонь, что есть в моих желаньях.

- Да разве же я в самом деле? Тебя природа будоражит. А я влюбляться не спешу. В срок яблоко спадает спелое.

- Какая ты, Марина, рассудительная и образованная девушка.

* **

Анна Андреевна, когда отъезжающие на рейс садились в автобус, провожала их задумчивым взглядом. А потом отвела прищуренные глаза к безоблачному небу. Марина и Тина все повторялись, то «Жалко», то «Пожалеете». А, вскоре, то ли двинулись на пляж, то ли поехали с экскурсией на озеро. С несвойственным намереньем: «Мне надо отдохнуть», Анна Андреевна спустилась на террасу, где тень и панорамный вид на море.

И, виделось издалека, сидела неподвижно. Не отводя от горизонта взгляд. Пока не начал резать тишину далекий гул встревоженных моторов, и не понесся ввысь серебряный орел, их сорванный полет маршрутом на Москву.

И, закончив набор высоты, лайнер будто завис на секунду, осознав кульминацию взлета. А затем, с прощальным ревом, рухнул в море под крики ужаса зрителей.

***

По возвращении в Москву Анна Андреевна не медлила ни дня. Мать рассказала ей, как бабушку найти, и все пыталась в телефон:

- Что, Аннушка, случилось? Быть может, сначала ты ко мне. Расскажешь. Я чувствую, что-то стряслось.

- Да все нормально. Я ведь хотела к бабе Лизе. Вот, после отдыха, и собралась.

- Не хочешь говорить – воля твоя. Но успокой меня только, что нет никакой беды. Ни с тобою, ни с Тиной.

- Все в порядке, милая моя, хорошая. А к тебе я на обратном пути заеду. Ведь будешь терзаться, пока глазами и сердцем не уверишься.

- Ну, бабушку целуй, и позвоните вместе. Скажи – дочка услышать хочет.

***

- Вот так гостя пожаловала, и во время-то как, – баба Лиза как взяла внучку за руки. Так и ввела ее в избу. И отпустила только в горнице, когда устроились они сидеть друг против друга.

- Я знала, Анечка, что предстоит нам встреча. И, не далее как вчера подумала: «Неужто она опаздывает?». А ты - тут как тут.

- Да. Я к тебе с вопросами. Только ты разъяснить мне сумеешь.

- С измалетства все тебе разъясняла. Как же еще вопросы сохранились?

- Вот скажи мне, Лизанька, что тревожит меня? Отчего я примчалась к тебе?

- Примчалась ты, потому что любишь меня, старую. Ведь я тебя взрастила, и всю душу вкладывала.

- Ну, баба Лиза, что я буду свои чувства к тебе описывать? Ты же читаешь у меня в сердце.

- У тебя появились сомнения, потому что понять не смогла. А понять не смогла от гордыни. Возомнила, что все уже знаешь.

- Ругай меня, бабушка. Ругай меня, милая. Только вразуми. А то боюсь, что сомнения перейдут в уверенность неправильности всей моей жизни.

- Ведь ты с любовью относишься к людям, и стремишься делать добро?

-Я думаю, что так.

- Ведь ты не торгуешь своим третьим оком? Не ищешь благодарности, не жаждешь поклонения?

- Да что ты. Ты ль меня не знаешь?

- Так что ж за горе?

- Я не предвидела, и проспала.

- Впервые чушь такую слышу. Ты отговаривала всю компанию лететь этим рейсом в Москву?

- Ну, да. Я и Марину просила мне помочь. Но делала я это из-за Тины. Та встретила очередного принца.

- Так это Тина с просьбой и сбила тебя с толку. Не стала бы ты, Аннушка, как дочке не хотелось бы, менять билеты и отлет откладывать. Да и друзей на то же уговаривать. Это что, ерунда, в конце летнего сезона билет с юга в Москву на близкую дату оформить?

- Нет, это очень сложно. Я беспокоила Георгия, он через метеорологов сумел возможность отыскать.

- И это ради того, чтобы Тина свела знакомство с каким-то хахалем?

Анна даже покраснелась, и ловила каждое слово.

- Тебе открылась близость катастрофы. Ты всех своих пыталась уберечь. А Тина? Отвлекающий пролог перед трагедией. Сумела своей просьбой отвлечь от сути дела. Но не смогла тебя остановить. Ты все предвидела. И сделала, что в силах.

- Но я же, бабушка, заснула на террасе. Может, солнце разморило. И не думала о самолете. Только чудовищные крики на пляже меня разбудили.

- А что же ты хотела – работать, как машина? Или бегать и кричать – он рухнет, помогите? Ты платишь нервами за каждый момент откровения. И ясновидение пеплом осыпает твою голову. Смотрите, люди, моя внучка моя ненаглядная, плетет в косу свои седые пряди! – У Лизы на глазах блестели слезы.

- Наверно, это обморок случился. В лучшем случае. Тебе бы к матери, Марье Егоровне, на месяц, в санаторное залечь.

- Вот еще, чего не хватало. Ты ей, бабуля, ненароком не скажи. Мне и сейчас уже спокойно. А побуду у тебя пару дней, и получу заряд энергии, как минимум, на год.

- А я за тебя, Аннушка, молиться буду. И молитва моя будет светлая. Потому, что ты чистая душа.

****

Марина Вдовина, семнадцати лет от роду, блондинка, с чертами лица правильными и аккуратными, не считала себя семи пядей во лбу. Среднего роста, спокойная и окруженная аурой спокойствия, самодостаточная – она импульсивно ощущала доброе отношение большинства и только усиливала его приветливостью и теплым голосом среднего регистра. Не умом, так сердцем она тревожилась, как разобраться в этом многообразном мире взрослой жизни, куда ей предстояло вступать. Тут появилась внезапная связь с Вербиной старшей. Анна Андреевна доверилась ей, тем самым дав понять, что Марина всегда найдет в ней поддержку. Прошлое исчезло с

обломками Ту-154 на дне Черного моря, через трагедию продолжали жизнь Тина, Анна Андреевна и Марина. Тина была подруга, а Анна Андреевна виделась наставницей. И Марина ей позвонила.

- Ты не опаздываешь, самое время поговорить, - Анна Андреевна приготовила чай. Закатное осеннее солнце создавало атмосферу остановившегося времени в просторной гостиной со старинной мебелью и раздвинутыми тяжелыми драпировками на окнах.

- Располагайся поудобней.

Анна Андреевна присела на диван, Марина устроилась в кресле. Начинало темнеть.

- Мы ведь до школьных ваших лет все жили на Кавказе. Быть может, Тина говорила. Георгий Александрович ученый, там офис наблюденья звезд - обсерватория. Он астроном. Сейчас подчиняется нашим обстоятельствам. Приезжает в Москву, по возможности. Я бы век там жила. А Тине надо учиться, быть с ровесниками. Замуж, да, чего уж, замуж выходить. Но вот послушай, какая существует история. Я расскажу немного, - Анна Андреевна пристально смотрела в окно, будто читала прошлое из воздуха.

- Мой прадед - подробный о нем будет позже рассказ. Раскрывшийся уникам, гений рассудка и плоти. Душа его была огромна, а энергетическая мощь из него просто выплескивалась. Собою он мог жестко управлять, но не всегда считал, что нужно это делать.

- Простых кровей, абсолютно безграмотный, он умудрялся разобрать причину недуга, болезни. И, подчас - болезнь заговорить, добиться исцеления.

Другой дар - телепатия. Что для другого - зрение. Давала, без труда, работать с мыслью. Он мысль читал. Мог, без труда, внушать.

- И видел в будущем. Все видел - что случится. И чья за этим будущим вина. - Анна выговорила все единым духом, и замерла, как в ожиданье эха.

Марина ловила каждое слово, сердце часто билось.

- Он умер... погиб. И даже не узнал.... У него уже были дети, достаточно взрослые. Он не знал, что любимица его, Мария... Она его боготворила. Была беременна. Как только он погиб, Мария разрешилась. Родилась дочка не ко времени. В Россию пришла революция.

- Ладно, Марина, а то история будет очень долгая и грустная. Прабабушка умерла не родами, а вскоре. Но девочка выжила, в ней принимали участие. И бабушка моя сподобилась расти. Росла она в деревне, и все дивились ей. Указывала, если кто вдруг

потерялся – где находится. С утра уж знала, кто к ним в гости забредет, хотя не звали. Все сходилось. Но совсем особый случай – про утопленницу. Она тогда сказала, кто убил. А откуда знает – сказать не могла. Сама не ведала.

С убийцей быстро разобрались, а с бабушкой еще быстрее. Ее тайно и спешно вывезли в Москву. А то народ деревенский начал судачить: «что это за ведьма подрастает». Потом она подрастала в городе. Елизаветой ее звали, и девушка из нее выросла славная. А за три года до начала она уже знала, что будет война.

Меж тем, на улице стемнело. Еще не успели зажечь фонари. Чернели здания на сером фоне неба. Проемы окон стали как глазницы ночи. И Анна Вербина задернула гардины. Зажгла торшер, Потом присела вновь. И чувство, как при чтении древней книги, усилилось.

- Бабушке рассказали тайну ее рождения. Ты слышала про экстрасенсов? От отца Елизавета унаследовала дар. Ей был и к помыслам людей открытый доступ, она могла предвидеть их поступки и судьбу.

А вокруг Советский Союз, и Сталин, и храмы рушат. И Бога у них нет.... И Лиза, бедная моя бабушка, с даром пророчицы и страдающей душой, потратила многие годы, чтобы быть как все. Беда.

Документы ей сделали, что сирота. Отец и мать – рабочие крестьяне. Старая дева - интеллигентка растила ее и поставила на ноги. Учиться бабушка пошла в университет. И даже комсомолкой стала. Лиза Вербина.

Для нее не было тайн в людях, и что впереди могла разобрать. Но любовь куда выше знаний. Его звали Егор. Бабушка знала, что будет - Егор погиб в конце сорок второго. Но за месяц до смерти он получил отпуск с фронта: дочка родилась. Вот...

- Достаточно воспоминаний. Главное – этот феномен, ясновидение, пророческий импульс – как хочешь назови. Столько терминов в специальной литературе. Мама в меньшей мере обладает даром, но она старается максимально его реализовать. Закончила медицинский, психотерапевт с огромной практикой и кучей научных трудов. А я мечтательница, мне интересны откровения. Я могу видеть будущее, и достаточно определенно. Но, что такое наш маленький мир, когда есть вселенная и вечность. Я могу предвидеть, даже предупредить. Как в Сочи. Но ты и Тина меня слышали....

- Тучи предвещают грозу. Но кто-то выйдет сухим, другой промокнет до нитки, а третьего убьет молнией...

- Я давно бы тебе о себе рассказала. Но все повода не было. Дико ведь сразу начать – ты знаешь, а я экстрасенс. А теперь уж деваться некуда. – Анна Андреевна задумалась на миг. – Сейчас, куда не глянь, увидишь объявления. Все готовы судьбу

предсказать, и от порчи избавить, от сглаза – деньги плати. Я этим людям не судья, суд на них сыщется. Так много шарлатанов. А я природным даром не торгую.

- Но ты, Марина, как вторая моя дочь. И знай, что я с тобой постоянно. И жизни бояться не надо. Стараться не делать ошибок - достойная позиция. Слава Богу, я вижу, ты так и думаешь. Я только близких мне людей стараюсь окружить вниманием, а их, что пальцев на одной руке. Ты, девочка моя, из их числа.

Беседа предстояла длиной в жизнь. Но в этот вечер уложилось много. Марина, с благодарностью, простилась. Ей задали усвоить материал, который сильно отличался от учебных.

В раздумьях, медленно, Марина шла домой. «Я, маленькая девочка, вырастила себя с духом амазонки, - она вела отчет своей судьбе. - Родители решали свои проблемы. А мамочка носилась надо мной, пока не убедилась, что самый крупный недостаток у ребенка – синдром отличницы. Но то подготовительный этап. И это великое счастье, что вдруг появляется кто-то, (ну, назовем его Анной Андреевной), с огромным пророческим даром. Указывает, словно камень на распутье, каков конец манящих вдаль дорог. И остерегает от неправильной.

Так, слава тебе, Анна Андреевна. Отличница приветствует тебя!»

***

С максимализмом юности наивное дитя решила уповать на предсказания. Но у девушки был сформирован характер, и часть важных поступков заложена в нем.

Марина не вспомнила теперь, но был в ее истории момент, когда девочка четко решила, чего в жизни точно не будет делать.

На вид открытая, Марина создала свой персональный мир, начав строительство с создания позиций, вернее, внутренних устоев. Наверно, многие считают о себе, что имеют собственное мнение. Наиболее расхожий самообман.

Но Марина была с малых лет одинока, с внушенным принципом самостоятельности, и примером крутого отца. Владислав Анатольич служил образцом совершения жестких поступков.

Ребенком, в одиннадцать лет, она, летом, играла на даче с соседской девочкой, ровесницей, Аленой. Зимой Марине подарили фокстерьера. Она привязалась и не чаяла в нем души. Щенок бегал с соседской дворняжкой и так заигрался, что и на ночь его не смогли загнать в дом. Это был ее друг, и он предал. Марина плакала всю ночь. А утром пес вернулся, радостный, голодный.

Марина покормила беглеца. Но собралась в Москву. И пса с собою. Вернулась вечером, усталая, одна. Про пса сказала, что в дороге потерялся. А ночью порвала все

фотографии, где бедолага был запечатлен. Она была в ветклинике. Собаку усыпила. Он предал. Справедливость в личных чувствах слабый довод. Марина поняла, что не научится предательство прощать. И это свойство сохранилось навсегда.

***

И еще. С самых первых дней знакомства с Тиной, Марина, не задумываясь, включилась в интересную игру, предложенную подружкой как занимательная необходимость.

- Ты знаешь, - доверяла тайну Тина, - наверное, все взрослые так могут. Но мама моя уж точно, потому что она сразу знает, что я не подумую.

-Ну, и у меня родители, иногда. Но я думала, они догадываются.

- Кто их знает, этих взрослых. Но мама моя точно все мысли читает, поэтому я сначала отдумую, а потом уж иду ей на глаза.

- А что же ты думаешь, когда не думаешь?

- Я просто, что вижу, то через голову и пропускаю. «Вот идет пацан» - например – «он достаточно смешной, но, наверное, это пройдет». И, дальше: «Надо предполагать, что пройдет, а что останется. И про себя тоже. Может, я сейчас не смешная, а вырасту смешной. А вот идет девица. Наверное, домой».

- Так что же, если мама твоя в голове читает, она говорит, прочитав ерунду.

-«Ну, Тина, у тебя и ветер в голове. Постарайся собраться, девочка» - вот так, приблизительно, она и говорит.

- Но я люблю думать. Папа показал мне, как это интересно и полезно.

- Да кто тебе мешает! Смотри, какой огромный день. Тебе, если хочешь подумать, ну, я имею в виду, о чем ни будь личном, совсем не обязательно делать это, когда кто-то рядом. Обдумай все свое, а потом иди – и ветер в голове.

- Мне кажется, что с Тиной Вербиной вам дружить интересно. - некстати заметила Маринина мама вечером, когда девочка обдумывала Тинины слова.

«И, впрямь, наверное, читают. Мама, моя родная – ну, и пусть, ради Бога. Но посторонних к своим мыслям допустить? Я научусь так делать, что пусть прочтут, и скажут: «Ну и дура».

***

А следующим утром после беседы с Вербиной старшей, когда время позволяло надеяться, что звонок не сочтут нарушением права на сон, Марина позвонила и спросила у Анны Андреевны:

- Вы могли бы сегодня уделить нам какое-то время? Мы долго с папой вчера разговаривали. У него к вам вопросы. И просьба. И предложение.

- Так заезжайте в середине дня. Положим, в два. Нормальное время?

- Это самое лучшее время из всех возможных.

***

Вдовин приехал ровно в два. С огромным букетом из роз и тяжелой корзиной фруктов.

- Я даже и не помню, на «ты» мы или официальничаем, Анна, так сказать, Андреевна?

- Я думаю, мы не были на «вы». Но не виделись изрядно, так что теперь как скажите.

- А как вы позволите, добрая наша фея? Ведь по гроб жизни благодарны будем, что Маринку от смерти спасли.

- Так, значит, «ты». И никаких не хочу слышать благодарностей, потому что я к Марине сердцем прикипела. И заслуга ваша, что такую дочку на свет произвели и воспитать сумели.

- Ну, спасибо, Анечка, за добрые слова. А, насчет воспитания, так это она сама состоялась такая разумница. Да и гражданка Вербина примером наставляла, да и советом никогда не обделяла. Мне Марина вчера рассказала о многом. Ты же не наказывала ей молчать?

- Я, Влад, Марине доверяю. И в мыслях нет учить, о чем рассказывать другим, о чем молчать. Представь, могла ли девочка тебе условие поставить: « Ты, папа, никому не говори!»

- Вот откуда в ней мудрости кладезь. Так, хорошо, Анечка. Все ясно, что мы никому не скажем. И я понял, что могу тебе свою, так сказать, просьбу, изложить?

Анна присела на диван и указала Вдовину на кресло, приглашая к беседе.

- Сначала вопрос прямой и, безусловно, главный. Меня ты можешь отнести к числу людей, которым ты вниманье уделяешь?

- Ну, Владислав, уж это не вопрос. Вы с Катей в поле моего вниманья. Мы даже, я так думаю, друзья.

- Вопрос другой. Тебе дано предсказывать события. Могу я попросить подумать обо мне? Какие мне светят в ближайшее время раскладки?

- Я чувствую, что смогу это сделать, потому что.... Давай помолчим.

Владислав как будто сгруппировался в кресле, и застыл, в напряжении. Анна буравила его взглядом, зрачки то расширялись во все пространство глазного яблока, то утопали в глубине бездонных омутов глазниц. Но отошли метаморфозы глаз и Вербина промолвила:

- Послушай. Я не буду говорить о личной жизни потому, что твои ощущения правду тебе говорят. И жена у тебя навсегда, любимая и любящая. Только странно, что будет неожиданность от близкого человека. Но не от Кати.

- А вот о жизни деловой.... Ты, Влад, трудоголик. И много исходил дорог, прикладывал усилий. Почти впустую. Я не знаю историю метаний и поисков. Но ты, наконец, нашел. И направился по верному пути. Сейчас есть дилемма. Так ты должен полностью к новому повернуться. Я знаю, как тяжело расстаться с тем, во что вкладывал усилия и надежды. Но я вижу еще больший успех в новом деле.

- И на сегодня я все, что смогла, рассказала. У тебя светлая голова. И я желаю удачи.

Вдовин расслабился, но кресло покидать не собирался.

- Теперь другой вопрос. Марина говорит, ты к супругу своему уезжать собираешься?

- Ну, это, может, только через год, когда девочки школу закончат.

- Еще вопросы можно задавать?

- Об этом лишнее спрашивать.

- Тогда о важном. Георгий – астроном. А к астрологии он как относится?

- Относится он хорошо. Наверное, как ты к проектированию космических кораблей. Он астроном на должности в НИИ. И астрологией там не занимаются.

- А нельзя попросить его, в частном порядке, составить мой гороскоп?

- Георгий очень ответственный. И звездами - одержимый. Он может сделать личный гороскоп. Что предвещали звезды и планеты в тот миг, когда ты появился на земле.

Но лучше будет сделать это так. От тебя требуется точный час, и день рождения, и месяц. Мама жива? Так, может, она и минуты припомнит? У Георгия есть ассистент. Молодой и талантливый. Астрологией бредит. Обратимся к нему, а Георгий поможет в работе. Они вместе составят. Не беда, что тебя он не знает. Но Марине он истинный друг.

- Так. А теперь вопрос почти последний. Там, где обсерватория, земли Краснодарского края?

- Ну, да. В горах, над Геленджиком.

- Я хочу купить там участок и дом построить. Мы можем обменяться информацией? Я узнаю минуты и часы, а просьба насчет гороскопа очень сильная. А тебя, Анечка, прошу дать мне точный адрес, где ты мечтаешь скрываться в горах. Ведь мы друзья, а наши дочери как сестры. Я там хочу построить дом. Пусть будет нашим общим горным замком. А ты – душой горного приюта. И соглашалась иногда принять нас в гости. А если уж совсем серьезно: Марина об этом мечтает. Она собиралась со мною подъехать. Да где-то застряла, вот-вот подойдет. А у меня, прости, дела. Я не могу сказать просто: «спасибо». Даже ты не представишь, как я благодарен за все. Ну, значит, на связи.

- Удачи тебе, Владислав Анатольич.

Примерно через час заехала Марина. Вернулась Тина, от разъездов по делам. Готовились обедать. И зазвонил Маринин телефон.

- Да, папа. Она рядом, - и слушала внимательно отца.- Да, обязательно. До вечера.

- А я и не знала, Анна Андреевна, что у вас и к котировке акций существует интерес. Отец сказал, вам не безразлично, что акции «СибУгольМет», в которые он месяц назад вложил две трети своих капиталов, сегодня выросли в цене в два раза.

***

После школьных выпускных экзаменов, еще до окончательного выбора ВУЗа и целеустремленной подготовки к поступлению, Анна Андреевна встретила с неожиданной просьбой Марины.

- Я буду с папой говорить, и объясню. Но вы-то меня понимаете? Отец теперь публичная фигура. Газеты, журналы. Фамилия «Вдовин», и сразу же мысли: «ага, это тот, воротила». И я не хочу, чтоб про меня шептались: «Вот дочка того Вдовина идет». Да и все как бы заискивать станут. Я папиной фамилией горда, нашей фамилией. А я хочу, чтобы меня по моим достижениям знали. Если они, конечно, будут. И я хочу стать Рябинина, как мама до замужества.

- Ах, голова ты моя светлая и гордая. И, правда, ведь, продумываешь все шагов на пять вперед. Если ты остановишь выбор на философском факультете, то без труда постигнешь Канта и Спинозу.

- Я, в самом деле, не гнушаюсь иногда подумать. О факультетах тоже. Так как же мы решим последовательность разговоров?

- Пожалуй, правильнее, если я начну. Мы с ним беседуем, порой. А то еще вспылит. И встретит, как девический каприз.

У Воробьевых гор толпилась юность, чтоб штурмовать пути к вершинам знаний. И Тина Вербина, изменчивая нимфа, теперь была, как все, абитуриентка. Избрав джинсу на время, как броню.

Марина получила все бумаги, чтобы заполнить дома. А не писать, где придется. Как, вынуждено, делали иногородние. Тина укладывала документы в сумку. Внезапно зазвонил телефон.

- Марина Рябинина? Владислав Вдовин приветствует. Я только хотел узнать, а отчество вы менять не собираетесь?

- Папа! Милый мой, хороший! Я только что из приемной комиссии. Мы поступаем на филфак!

- Умница, Рябинина-Вдовина. Мама очень рада, что ее фамилия опять в студенческих списках. А я тобой горжусь, что нашу фамилию заслужить хочешь. Ни пуха, ни пера, тебе и нашей Тине.

- Здесь нет неуважения к отцу. И я обязана ответить – к черту!

***

Тогда же, в канун студенческой поры, после приказа о зачислении и поздравлений счастливых студенток, Владислав Анатольевич Вдовин, в первый раз, абсолютно, как с взрослой, побеседовал с дочерью.

- Ты, Марина, не думаю, что себя обделенной считаешь родительским вниманием, или любовью?

- Ну, папа, милый мой. Давай не будем задавать вопросы, на которые один из нас, он твердо знает, услышит положительный ответ. А, другая, не скажет плохого, потому что не правду не может сказать.

- Умница. Тогда, ну что же. С этим ясно. Причину и следствие тебе предстоит проходить, а ты с материалом знакома.

- Главное, что я вас с мамой люблю. Уважаю, и понимаю. Таков результат, и процесс был, видимо, неплох. Если я вас хоть чуть устраиваю, как зрелый плод вашей любви.

- Так. В семье лад да гармония. И красавица дочка – девица на выданье.

- И думать об этом не желает.

- Да все другие об этом думают, и тебя вовлекут. Но, Марина, я тебе расскажу.... Нет, лучше ты мне доложи, не вышло ли неожиданных встреч за год, что прошел с катастрофы в Адлере? Не преследовал ли кто тебя?

- Что за странные вопросы? Если бы что-то меня беспокоило, я бы тут же связалась с тобой.

- Хорошо. Вопрос с другой стороны. Посмотри эти фото, не видела ли ты этих молодцев, случаем?

Владислав Анатольевич выложил перед Мариной пачку фотографий. Снимков было немало. Но героев фотосессии было трое, что Марина тут же вычислила. Сначала разделила фотоснимки на три отдельные группы. И, внимательно, с персонажами ознакомилась.

- Нет, я не могу сказать, что знаю этих людей. Но не могу сказать, что я их точно не видела. Может, и встречала когда. Но в памяти не отложилось.

- Так вот. Эти ребята из моей охраны. Целый год прикреплены к тебе. И настолько ненавязчиво тебя охраняли, что даже не примелькались.

- Они следили за мной?

- Боже упаси, взрослая моя, самостоятельная дочка. Они тебя охраняли, чтобы спасти в случае опасности. Они следили, чтоб за тобою не следили. Ты, вот, Рябиной решила стать, чтобы смотреть на тебя не сбегались, из-за отца, через чур делового и успешного. Ну, милая, это самообман. И расчет на людей простодушных. Так люди простодушные тебя и под фамилией Вдовина принимать будут, какая ты есть. А, кому надо, узнает мгновенно, кто такая появилась в стенах вуза.

- Так зачем ты карты открыл, что у меня свита задействована? Они, наверное, и подготовку специальную имеют, если охрана их работа?

- Потому, что до этой поры мушкетеры охраняли тебя, но докладывали обстановку мне. И, уж прости меня, я направлял их действия. Надеюсь, что тебе во благо. А теперь это твоя гвардия. Тебе решать, как строить их работу. Потому что мы с мамой в Москве жить не можем. Ты же знаешь, весь холдинг развернут в Сибири. А ты студентка МГУ, и жить тебе в Москве, пока занятия. И у тебя здесь должен быть свой дом. Верней, достойная квартира. Мама приедет, чтобы помочь все обустроить. Вы с ней должны еще

женщину подыскать, помощницу по хозяйству. А с охраной и водителем я тебя сегодня познакомлю. И, поверь мне, они не только профессионалы. Я думаю, тебе полезно знать, что я им доверяю полностью. Они сумели проявить себя. Это твоя охрана; и все свои поручения ты озвучиваешь им. А они - или сами делают, или оперативно ищут исполнителей.

- Это странно, непривычно. Но, ты прав, необходимо. И удобно. И мой папа опять будет рядом, наездами. Мама, может быть, чаще. И я тоже буду к вам в гости, с визитами. И охрана с водителем будут со мной. И еще заведу я ткачиху. Может, к ней подыщу повариху. А Анечку Андреевну – ты ей не говори – я назначаю сватьей дамой Боборихой.

Владислав Анатольич рассказал о ребятах:

- Я Мартынова знаю уже лет пятнадцать. Он из десантных войск, был в моей личной охране. И страшен в бою, хоть с виду скромняга. А Стас и Михаил – бойцы его призыва. Мартынов старше, был у них инструктором единоборств. Но главное другое. У них найдешь извилины в мозгах и правильно заряженные мысли. Они будут делать, что ты сочтешь нужным. Ты ведь не собираешься ставить перед ними невыполнимые задачи?

В тот же день состоялось знакомство. Редкий случай, когда результат первой встречи, показал, что тебя понимают без слов. К Марине не пришло, вполне способное смутить, чувство неловкости, что из нее играют «королеву».

Сергей Мартынов так и состоялся координатором прикрепленных к Марине спецов из охраны Вдовина. Сказался год, который эта группа проработала по охране дочери главы холдинга без ее ведома. Они настолько были в материале, а «материал» не доставлял хлопот, а только удивление своей безмерной правильностью. В огромном городе опасность понаставила силков, и есть прогноз, что все обречены. Но юная наследница индустриальной империи шла по минному полю проблем, как путеводная звезда сапера. «Что делать, Владислав Анатольевич? Мы готовы в лепешку разбиться. Но ваша Марина лишает нас такой возможности своим примерным поведением и отвращением к порокам. Вот Тина, подруга ее, другое дело. За ее сохранность хоть прибавку зарплаты проси. Но, как-то у нее все образуется. Везучая. А нам даже совестно в отчетах совсем ничего не писать, кроме как «Все нормально, спокойно».

- Значит, вы окружили Марину такой атмосферой, что проникнуть в нее может только добро. Ведь работа ваша не в том, чтобы каждый день мою дочь от насильников спасать, вытаскивать из-под горящих балок, и извлекать из полыньи. А в том, чтобы с ней ничего не случилось плохого.

***

- Милый мой папа Владислав Анатольевич! Бригада мне ваша понравилась. А как наше взаимодействие будет строиться?

- Не пиши мне писем на деревню дедушке. Это не моя бригада, а спецотделение охраны Марины Вдовиной. Не вся троица будет у тебя под рукой постоянно. Они и у меня на службе, и в Сибири у них родные-близкие. А у тебя их основная временная работа. И если ты сочтешь, что кто-то не очень нужен тебе в определенный момент, ты можешь им командировку сделать, или отгулы. Ведь с их службой никак не увяжешь нормированный рабочий день.

- А какие проблемы мне с ними доступно решать?

- Нет задач, решение которых им не под силу. А твоя лишь одна – им свою задачу озвучить.

Вот так Владислав Анатольевич Вдовин снарядил и напутствовал во взрослую студенческую жизнь свою кровинушку, Марину Владиславовну Рябинину.

***

На факультете начались занятия. И круг знакомых стал широк и разношерст. Марина сообщала Мартынову, а, впрочем, любому, как она их мысленно называла, из «ребят, помогающих ей жить», свои планы на ближайшие дни. Вносила изменения со сменой обстоятельств.

В ВУЗе сразу обозначились проблемы. Ну, месяца, наверно, через два. Один пижон из параллельной группы, и двое хватких «казанов», секс-символов второго курса, Марину, как бы, выбрали. Неожиданно, обнаружив «крепость», все трое принялись за вылазки. И каждый вечер кто-то мог пойти на штурм.

- Сергей, - Марина не смотрела на Мартынова. Беседа шла за столиком кафе. – Мне неудобно говорить об этом. Тот, первокурсник, не дает проходу. Он прямым текстом уговаривает, предложенья гнусные витиевато делает. Но хамство «старших» просто мерзко обрисовывать. Они и руки даже распускают. И это в институте, между лекций. Мы думали – факультет – безопасное место. Вы не могли этого видеть. Никто не ожидал, что там можно ждать агрессии. И я прошу вас разобраться. Да вы же знаете меня – неужто я могла кому-нибудь дать повод?

- Нет, Марина, здесь другие причины работают. Придется вам об этом узнать. Все дело в Тине Вербиной. Ведь она подруга ваша?

- Да, и давнишняя. С начальной школы.

- А я ее уж больше года наблюдаю. Я думаю, вам не надо вводный курс проводить, и вокруг да около источника угрозы кантоваться?

- Что с Тиной? И какая связь, что ко мне внезапно стали липнуть развратные подонки? Вводный курс опускаем.

- Тина Вербина нимфоманка, ей лечиться бы надо. Мы и в прошлом году наблюдали, что она вытворяла. Не в школе. А в университете столько свежих для нее самцов. Вот она и развлеклась. Со многими. А те другим дали знать, что девочка доступна.

- Все это не так, Сергей. Я знаю ее мать. Она моя наставница, прекрасный человек. И Тина не ханжа, и сексуальна. Ей нужен секс, как подпитка энергетического поля, которое разряжается в творческие процессы. Это наследственный дар, от прадеда.

- Так вот. Вербина этой подпиткой настолько активно занимается, что скоро запись будет на прием. А кто не хочет в очереди стоять и следует гнусной логике, тот думает: а что ж подружку не задействовать? Не лед же они и пламень, подруги эти?

- Поэтому такие наглые приставания?

Мартынов лаконично кивнул. И, тут же, спросил:

- Как вы скажете – подонков совсем из университета убрать? Или так разобраться, чтоб за версту обходили порядочных девушек?

- Смотрите сами. Но я хочу спокойно и уверенно ходить по этой жизни. Они для меня никто. Мне нет до них дела.

- Все ясно. Можете про все это забыть.

Сергей хотел проводить Марину до машины. Но она решила прогуляться - до дома недолгий путь.

- Спасибо. До связи, - Марина протянула руку.

А Сергей, на прощанье, сказал:

-Вы простите, я все же решусь на одно пожеланье. Вы бы наставнице своей, матери Тины, посоветовали, чтоб дочь искала другие источники питания, или не в таких количествах. Или вообще перестала разряжаться в творческие процессы.

***

Маринин вопрос был решен очень быстро. В соседней группе, не без удивленья, простились с самым ярким из парней. Он перевелся в другой институт, сказав, что так удобней.

Те двое, со второго курса, наверное, себе не изменили. И множили число любовных побед. Но свои атаки на первокурсниц прекратили полностью. Поддерживали связь лишь с теми, кто их внимания искал. С Мариной здоровались предупредительно вежливо, как бы извиняясь за недоразумение. А с Тиной, так даже почтительно. Оставалось гадать – почему?

И неожиданно, на факультете, к Марине подошел молодой человек невысокого роста. Сразу видно – спортсмен. На него многие студенты смотрели с интересом и почтением.

- Простите, вы Рябинина Марина? Меня зовут Артемьев Александр, учусь на пятом курсе, на химфаке. Если есть пять минут, уделите, пожалуйста, мне.

***

Ни чему не удивляться, или, по крайней мере, делать вид, Марина стремилась давно. Еще отец давал ей советы. А недавно, с Мартыновым, был деловой разговор, где конкретно затронули такое состояние.

- Это даже не пожелание, а необходимое условие – сохранять абсолютную невозмутимость. Если брови стремятся на лоб от степени удивления. Я знаю, Марина, вы, наверное, в девяноста процентах, соблюдаете такую установку. Но надо на сто. Воспитать в себе, как чувство долга. Я говорю армейским языком. Но я и есть солдат.

***

- Давайте, пожалуйста, с вами познакомимся.- Так продолжил разговор спортивный пришелец. - С этой целью я и оказался здесь, на факультете. Недели две назад я встретил Караванова Володю, мы с ним по молодежной сборной на чемпионате мира знакомы. Я ведь тоже туда вхожу, как и ваш родственник. Он и просил вас найти, а то, говорит, видите вы редко. Спроси ты у Марины, может ей чего надо? И, говорит: «будь другом, содействуй ей во всем. Вы же на одних горах, Воробьевых, высоты науки штурмуете».

Марина хладнокровно проглотила «родственника».

- Спасибо вам большое, Александр. Да у меня, похоже, все нормально. Но все равно – забота и внимание - самое ценное содействие в жизни.

- Вы уж придумайте, чем я могу быть полезен. А то Володя отчет потребует, что для Марины сделал хорошего. Я и так уж, от себя, анонс озвучил: «Кто Рябинину Марину, первокурсницу филфака, попытается обидеть - бросит вызов сборной ВУЗов по дзюдо». Вот мой телефон, я буду ждать задачу для решения проблем.

И Марину, кто видел, пытали: «Что к тебе Артемьев приходил?»

- Я буду секцию дзюдо на нашем курсе, среди вас, подружки милые, вести.

- Ну, мы все туда запишемся. Если Артемьев у тебя в помощниках.

***

- А как вы себе представляли – приходят на курс три богатыря, и бьют морды проклятым насильникам? - с улыбкой обрисовал Михаил Панкратов. Сейчас он отвечал за Маринин покой. – У нас есть много знакомых, которые знают, что мы можем полезными быть. Они готовы нам во всем содействовать, чтоб поддержать баланс возможностей. И через спорт, да и другие сферы – нет смысла называть. И в России. И по всему земному шару поискать можно. И это ведь антикриминал. А силы его безграничны, потому что он борется со злом.

Михаил был самый молодой в охране Рябининой, и не хотел скрывать энтузиазм.

Марина привыкла к своей команде. Будто старшие братья заботу несли о сестренке. Водитель Валерий как будто бы жил на колесах. Когда бы ни был нужен, он, похоже, как раз проезжал за углом. Рябининая старшая отобрала возможных кандидатов для помощи дочери по хозяйству. Но утверждать на роль взялась хозяйка дома, и интуиция шепнула верный выбор. Тамара Петровна усвоила вкусы, привычки и весь распорядок. Своим присутствием вносила в дом тепло, жизнь в «своих стенах» протекала в ритме нормы. Марина охотно училась, и результаты говорили за себя.

Время любви – такой аспект не выделялся. И в школе были мальчики, и поцелуи, ласки. Когда-то очень жаркие. Когда-то слишком нежные. Один роман продлился аж полгода. Но Марина в последний момент избегала окончательной близости.

Романтические представления! Уже, практически, никто не вспоминал подобных бредней. Но в девушке они были сильны. Душа подсказывала ей, что настоящая любовь куда сильнее сексуальных обольщений. И что секс и любовь не во всех ситуациях разные вещи. «Секс ради ублаженья зова плоти, я думаю, предательство любви. А если я так думаю и чувствую, и знаю, что любовь должна придти? В школе жизни так много предметов. И суток не хватает для познания. А чашу личности я не хочу расплескивать». Девушка была мудрая и с твердыми устоями.

Круг «близких», образованный в Москве, Рябининой пришелся очень по душе.

Но все же отмечались предпочтения. Сергей Мартынов стал как мудрый старший друг. А Миша Панкратов был проще и ближе. Они беседовали и абстрактно рассуждали. Однажды, начав разговор с ерунды, они втроем ушли в глухие дебри. И представляли разные позиции, с которых можно рассмотреть убийство. Сергей рассказывал про беспредел в Чечне, где приходилось убивать, чтоб постараться выжить и спасти, и не было раздумий в ходе боя. А Михаил поведал быль из жизни. Он тоже был в Чечне, но много позже.

- В нашей роте собрался различный народ. Все незнакомые друг с другом изначально. Но одногодки. Времени пообтереться, да что там, времени познакомиться нам не досталось. Чьи-то имена, несколько фамилий. А у меня сразу как бы товарищ, Василий Петухов. Все он рядом со мною оказывался, и расспрашивал по ходу дела. Так,

нормальный вроде парень. Не слишком пугливый, а только все удивлявшийся. И прослужили мы бок о бок месяца три. Когда одногодков настолько поубавилось, что все наперечет, и как одна семья. А товарищ мой Петухов удивляться совсем перестал, и разговорчивость ушла. В ту ночь, когда мы из села боевиков выбивали, Петухов пропал. Не досчитались, и трупа никто не видел. Прошло два месяца. И забрасывают нас листовками. Часто такое бывало, в землю втапывали при перемещениях. А тут, будто сама рука протянулась. Поднял и рассматриваю. И такой во мне гнев поднялся, и злость. Потому что в листовке этой бывший Петухов Василий, а ныне, принявший ислам, и имя мусульманское, боец против российских интервентов, обращался с призывом к нам последовать его примеру. И фотография мерзавца, с автоматом. И уже борода отрастает. Вот его бы я убил не задумываясь, попадись он мне. И с автоматом, нападающего, и с мольбой о прощении и пощаде, пресмыкающегося – все равно бы убил. И рука бы не дрогнула.

- Да это ж предательство! Какие тут раздумья? - Сергей подчеркнул очевидное.

Марина пристально смотрела на Михаила, пока шел рассказ. Потом взглянула на Сергея и, слегка сожмутив веки, тихо спросила:

- И, значит, надо убивать?

- Зачем вам убивать? Вы нам скажите. А мы устроим так, чтоб сам не жил, - Михаил был слишком серьезен в этот момент, и Марина заподозрила шутку.

Но посмотрела на Сергея, и поняла, что это так.

***

Как-то лекции окончились чуть раньше, и Марина, не задерживаясь, вышла. И неволью застала момент расставанья Михаила с красивой и юной блондинкой. Он поймал ей такси. Нежно обнял, и что-то ей все наговаривал. А потом, с поцелуем, из объятий освободил. Помог ей сесть в машину, и провожал в потоке взглядом ее замедленный отъезд. Марина не сочла бестактным сказать, что наблюдала сцену.

- Простите, я нечаянный свидетель. Но ваша девушка мне показалась очень славной.

- Это невеста моя. Ее зовут Ирина. Я вас на свадьбу хочу пригласить, если сможете.

- Ну, конечно же, Миша. Мне очень радостно, когда близкие мне люди любят и женятся. И когда же событие?

- Еще точно не знаю. Но хочу, чтоб быстрее. Нет хуже, чем медлить и ждать.

Прошло какое-то время, и Марина нечаянно вспомнила, что жених Михаил был настроен играть свадьбу, не откладывая. Рядом был Мартынов. Она его спросила.

Сергей нащупывал ответ и не спешил его озвучить.

- Я думаю, удачно, что вы спросили у меня. Там, пока что, проблемы с тяжелым прогнозом. Ира снова в больнице, за здоровье придется бороться.

- В моих воспоминаниях нет впечатления больной. Она мне показалась очень юной и трогательной. Я еще порадовалась за Михаила, что славную девушку, и красавицу он в жены берет.

- Она красавица, и славная. Тем беспощаднее недуг. Сейчас будут делать повторную химиотерапию.

«Синдром отличницы» сработал, и в ход беседы не ворвался всплеск эмоций.

- У Иры рак? – вопрос был в том же тоне, лишь чуть тише.

- Лейкоз, - Сергей не сделал паузу - молчание звучит, как приговор, - сейчас болезнь успешно лечится. Но не за свадебным столом.

А позже, вечером, когда Сергей провожал Рябинину домой из театра, где играли сверх новую версию «Чайки», Марина попросила:

- Пожалуйста, Сергей, сугубо между нами. Вы дайте мне название больницы, и фамилию, и отчество девушки Михаила. Не нужно, чтоб он знал.

***

А наутро попросила Мартынова подъехать. Просьба Марины переросла в задание. Он должен побеседовать с врачами, узнать прогнозы и возможности лечения.

К вечеру Марина знала, что «химия» лишь только полумера. А лучше всего, и почти стопроцентная гарантия – это операция по пересадке костного мозга. Прекрасно делают в Швейцарии. У них есть база доноров, так что не уходит время на ожидание.

Стоимость вопроса сто двадцать тысяч долларов. Михаил отчаялся достать.

Будут делать химию.

***

- Я не знаю, как это лучше сделать, но хорошим людям надо помогать. Ты же, папа, не раз говорил мне такое.

- Да, госпожа Рябинина. Какие же вы, гуманитарии, сострадательные. – Вдовин сразу был готов к ответу. – Помочь, конечно, надо. Но подарки такие делать

недопустимо и безнравственно. Я помогу с решением проблемы, но пожелание исходит от тебя. И действия должны быть твоими.

- Я не знаю, что и как я могу предложить. Научи меня, папа. Ты всегда моя точка опоры.

- Ты можешь сказать Михаилу, что по твоей инициативе наш холдинг создает фонд помощи. На что ориентирован – определит устав. А первым деятельным актом, ты попросила, чтобы стало выделение средств Михаилу Панкратову. Всей суммы сто двадцать тысяч долларов единовременно.

- Так, теперь ясно. И куда он должен обратиться?

- Нет, еще не все. Пятьдесят тысяч долларов ему безвозмездное пособие. А остальные деньги – беспроцентный кредит на семь лет. Пусть позвонит мне в канцелярию. И скажет, что Марина Владиславовна назначила связаться.

- А зачем моя роль так представлена?

- Во-первых, потому, что ты ее сыграла. Он мог бы обратиться сам, но этого не сделал. Я знаю этих гордых одиночек. Их преданность сильна, но честь всего превыше. Ты тоже понимаешь, что к чему.

- Я не хочу быть благодетельницей. Нельзя ли все проще оформить?

- Ну же, Марина, я думал, ты тоньше в людях разбираешься. Они тебя уважают, и ценят все твои достоинства. Но ребятам нужен командир, чтоб заботился о каждом. Ты сама к этому пришла, и за Панкратова просишь. И что за глупость - манны небесной предлагаешь падение. Или мне позвонить и сказать: «Панкратов, я хочу дать тебе сто тысяч». «Ну, скажут все, а Вдовин идиот».

***

Девушку Иру прооперировали в Швейцарии. А Марина Вдовина усилила свою охрану.

Не количеством. Безмерной преданностью. И авторитетом своей личности.

***

Рассвет над Москвой-рекой.

Тина Вербина тем и была особенно хороша, что сначала ее только как бы замечали. Потом останавливали взгляд. Начинали всматриваться и разглядывать. И девицы пытались решить, наконец, да что же это в ней такого? А сильный пол загадок в ней не видел. А просто большинству она была желанна, как средоточье женского начала, бурлившего в ней выше всех достоинств.

Но Тина рано во всем разобралась. И настроила мощный защитный рефлекс, чтоб придерживаться полноценной жизни, а не стать рабыней сладострастья.

Рябинина, она же Вдовина Марина, напротив, сразу останавливала взгляд. Классическая красота ее лица и нежные белокурые волосы напоминали лик мадонны. Но глаза не смотрели простодушно. Может, оттого, что общее ощущение угловатости тела, свойственное подросткам, сохранилось в облике молодой девушки. И, в целом, наблюдался диссонанс. Рябинина себя судила строго, так как быть простодушью в глазах. Грудь, обрамленная сутулостью, смотрелась так, будто владелица старалась утопить ее в объятьях плеч. Марина вызывала интерес, но не всеобщий. Как бы - на любителя.

Подруги не витали в облаках. Они, со своих жизненных позиций, держались мнения, что получаешь по заслугам. И время торопить не надо. С друзьями были просты и открыты. Учились на филфаке МГУ. А Тина много и увлеченно занималась танцами.

- Ты знаешь, я, наверное, не хотела бы стать балериной классической школы – уж очень строги там правила и условен язык танцевальный, - говорила она, когда смотрели сцену «Теней» из «Баядерки». Но тут же вскакивала и, лишь делая намеки на географию перемещений, руками подпевала всем движениям примы. Ее влекло, и она записалась в студию современного балета. На просмотре для поступления спрашивали о подготовке и просили станцевать. Были какие-то организаторы, но они только вызывали пришедших на просмотр, а отбор вела совсем молодая темноволосая девушка. «Экая ты Марго Фонтейн» - подумала Тина. Пришел ее черед проверки. – «Я никогда не занималась. Но, пожалуйста, посмотрите»... Цыганский танец, записанный на диск с телевизора. Тина знала рисунок и порядок движений, напела мелодию концертмейстеру. Обернула шалью плечи, опустила голову на грудь. От всего отрешилась. И, медленно, начала.

«Откуда это – ни одного неверного движения, руки разговаривают, голова царственно фиксирует позу. А глаза.... Этот цыганский после девяти лет Академии танца так не станцевать. Да из нее душа сейчас выскочит» - проносилось в голове у девушки-балетмейстера. И наступил заключительный иступленный всплеск. И закружилась цыганка стремительно. А потом - вытянулась в струну и, разом поникла, рухнув на колени и обмякнув полностью.

- Так... Тина Вербина..., Меня Елена Ниловна зовут. Я рада буду работать с вами. Это же не проба возможностей? Вам дано..., Вы должны. Я уже знаю, с чего мы начнем. Я хочу сделать номер для вас...

Тина обвела зал глазами – все с изумлением смотрели на нее. Концертмейстер привстал со стула и не отрывал глаз поверх очков.

***

А у Марины в душе царил сумятица. Ровесники ухаживали за ней, случилось даже два романа. Но это были свои ребята, как бы друзья. И вдруг появился в жизни человек, которого иначе как ухажером, и определить нельзя было.

Познакомились они в самолете, Марина возвращалась из тура по Голландии. А господин летел из Штатов, в Амстердаме пересадка. Он летел в бизнес классе, дважды прошел мимо. Место рядом с Мариной было не занято.

- Можно я присяду? – спросил он на третьем заходе.

-Что вдруг? Вам плохо? - Она сразу и не поняла. Лет за тридцать, одет добротно, без роскоши. Спортивная стрижка.

-Я не хочу, чтобы мне было плохо. А будет, если после возвращения в Москву у меня только и останутся сожаления, что я не познакомился с вами. –

- Как пафосно. По крайней мере, у вас не должно быть сожалений, что вы плохо изучали Пушкина. Это почти как: «Я утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я».

Меж тем он присел. И они познакомились. Да отчего и нет. Большинство знакомств людей молодых, как ни копни, исторически банальны.

Максим предложил довести в город, он оставлял машину в парковке у аэропорта. И когда остановил машину возле Маринино дома на Тимура Фрунзе, сказал: « Простите. Спасибо. Спасибо вам. Я к другу ездил. Он разбился в Америке, на машине... Я ездил в Луизиану. Там, под Новым Орлеаном, все случилось. Мне было невозможно одному. Спасибо».

Перед сном Марина все пыталась вспомнить лицо своего нового знакомого. Но черты расплывались, да и слова все рассыпались. Только, будто повторял он: « друга похоронили» и «было невозможно одному». – «Максим» - прошептала она, засыпая.

***

Нового знакомого звали Максим Петрович Ромин, и был он собой совсем не плох. Среднего роста, стройный. Как и стрижка - на вид спортивный. Еще не шагнувший в средний возраст симпатичный русоволосый господин. Он старался, и получалось – так и

выглядело: идет молодой господин. Но не красавец, да и не броский. С Америкой его связывал бизнес. И трагедия – три года назад его друг и компаньон, заводила в детских играх и генератор всевозможных начинаний, Игорь, жизнелюбивый настолько, что казался определенным в бессмертие, погиб, так нелепо и пошло. Ночью, на загородной дороге, на огромной скорости машину занесло. Разбилась вдребезги. Тело Игоря вырезали автогеном. Был один и мертвецки пьян.

А начинали они браво, и двигались плечом к плечу. То было в середине девяностых, тревожном, смутном времени в России. Страна обратилась к капитализму, дух предпринимательства будоражил. Что делать? - не так уж сильно мучило, надо было незамедлительно ЧТО-ТО делать. Максим и Игорь были в первых рядах, когда поставка компьютеров приносила большие прибыли; успешно занимались недвижимостью и заработали достаточные деньги. Компания «Макгор» объединяла автосалон, четыре автосервиса и выступала инвестором в строительстве развлекательного комплекса.

- Как распорядилось нами время! - говаривал Игорь. - Да, Максим, заниматься бизнесом надо неустанно. Я в тренинге. Ведь не зря я целыми днями пианино насиловал, настойчивый был, такой нахрапистый. И, наверное, стал бы таки... джазовым... пианистом.

- Ты, как есть теперь бизнесмен, так и будь им. Я так думаю, что современный бизнес - это состояние духа, заряженность. И у нас нет возможности расслабляться. Пока что.

- - Но дай хотя бы помечтать. Может, когда я стану богат, чтобы сделать что-то для души... Я хотел бы.... Представь – пусть это будет такое музыкальное зрелище. Ну, положим, «Болеро» Равеля. Крещендо в музыке и чередование состояний и ситуаций на сцене. От возникновения... - развитие, становление, взлет и, наконец, - к смерти. Замкнутый цикл, и...

-Твоим явившимся мечтам нужна быстрее разрядка. Сегодня вечером нас звали на банкет. Там есть рояль. « Директор холдинга исполнит несколько джазовых композиций». Пусть послушают, как художник от бизнеса свои планы в нотной шифровке представит.

***

Сестра Игоря, еще до начала перестройки, уехала в Америку на постоянное место жительства – брак с собиравшимся в эмиграцию евреем. Совместные переживания и период адаптации сблизили пару и сделали действительной семьей.

- Съезжу-ка я к Ольге в Нью-Йорк. Давно зовут. У супруга ее, Эпштейна, отпуск. Так обещает прокатить по Штатам, просветить. Да и братишку Олега возьму, на будущий год школу кончает. Пусть посмотрит – многие сейчас за границей учатся.

Поездка была недолгой, но результативной. Самого младшего брата миссис Ольга просветила в плане возможностей дальнейшего образования. Бездетные Эпштейны предложили Олегу поселиться с ними. А Игорь, цепким взглядом делового человека, усмотрел возможности сотрудничества с американской автомобильной компанией и привез проект договора на открытие совместного бизнеса – идея не абсолютно оригинальная, но могла быть прибыльной.

- Подержанные автомобили в Штатах – их не убивают, как наши. Дороги хорошие. Да и гоняют их, как правило, не дольше трех лет. Много модификаций. Их просто сдают, чтобы новый получить. Уже люди солидные начали возить к нам такие машины. Что за проблема - паром и растаможка. А спрос у нас...

Договор подписали. Компания «Макгор» открыла еще один салон – по продаже подержанных автомобилей из США. Игорь контролировал этот сегмент, регулярно ездил в командировки. И из одной не вернулся. Трезвенник, водитель от Бога, человек дисциплины и долга, он разбился на ночном пустынном американском шоссе в пьяном безобразии.

***

- Да, Марина, что уж говорить – жребий мой измерен.

- Ну, сегодня, может ваша жизнь и продлится, Максим Петрович, а завтра – как знать, как знать?

- Нет уж, вы обещайте мне, что если ваша воля, то и завтра, и впредь.-

- Нет, Максим, это я филолог. Мне сам Бог велел как-то стилизованно выражаться. А вы – двадцать первый век на носу, и господин такой солидный.

- Так куда мы отправимся радоваться жизни?

- Поедем, а там решим. Можно я за рулем?

Они сблизилась достаточно быстро. Максим звонил и возникал, а Марину сначала просто согревало такое внимание. А потом вдруг он стал ей симпатичен, и даже приятен, и даже нужен. «А почему бы и нет?» Ей уже не казался странным некий стереотип, пожалуй, даже протокольный распорядок, который Максим приносил в их свидания. При встрече он был оживлен и находчив в беседе, а потом как бы выговаривался и только больше поддакивал и все смотрел на девушку, подчас отвечал невпопад. Ее это смущало. И все же привычный ироничный настрой нашептывал ей, что «настоящее чувство молчаливо». Но что это – любовь? «Если да, то все же это достаточно прозаичная сказка» -

мелькало у Марины порой. «Может, это пролог, а потом – все закружится» и она смотрела на спутника с гордостью. Неброский, но четко мужское начало.

Вечер в китайском ресторане пролетел незаметно. Много полушутливой болтовни, только порой Марина ловила серьезный, пытливый настрой во взглядах Максима. И начинала что-то выискивать на столе, прежде чем опять встретиться глазами. А в конце ужина Ромин представил как бы проект.

- Я говорил – прошло больше трех лет как компаньона моего Игоря не стало. И я должен – не памятник, он жив для меня. Игорь, хоть и деловой был, весь в бизнесе, но мыслил он образами, и часами за фортепьяно - не привязывали же, это артист жил в нем, художник.... Так.... Хотел он перфоменс сделать, рассказывал свои планы, и Равель чтоб звучал. А я думаю - лучше будет сделать фильм. Отснять многое. И туда же вмонтировать кадры с Игорем, у меня сохранились. Мне посоветовали взять «Картинки с выставки» Мусорского, для оркестра переложенные – вот тебе и Равель. Оркестровка ошеломительная. Я уже общался с режиссером, он кинодокументалист, но тем и лучше. Он написал сценарий. Ты же говоришь, подруга у тебя танцует замечательно. Одну картинку – не помню, как называется - он хочет хореографию. Может, попросим ее.

- Нет вопросов. Мы даже можем в студию сегодня заехать, как раз занятия.

И они вышли под руку на Тверской бульвар, и прошлись немного в сторону площади Пушкина до перехода, чтобы сквозь два потока транспорта пересечь бульвар. И только ступили на мостовую, не сделали и пары шагов, и едва успели отпрянуть: на огромной скорости, чудом не задев, промчалась мимо темная машина и стремительно исчезла вдали. Было страшно....

Они застыли на тротуаре. А полукругом сзади проходящая публика недолгое время обменивалась впечатлениями, разделив ситуацию на аспекты: кто-то благодарил судьбу, что такая видная пара избежала гибели; кто-то клял лихача. И общее мнение было, что таких мерзавцев надо лишать прав и сажать. Только «видная пара» не стимулировала незадачливых сострадающих. После недолгих минут оцепенения пара выбралась из сочувствующей кучки и все-таки пересекла проезжую часть до бульвара. Встревоженные сердца бились в унисон. И через площадь на них дружелюбно смотрел Александр Сергеевич....

- Выходи за меня, стань мне женой. - Максим держал Марину за руки. И крепко обнял, когда она прижалась к груди...

***

То ли в продолжение хода событий, может, вследствие стресса. Или всецело захватило чувство. Но в этот вечер они стали любовниками. Ромин был изумлен и, невольно, испуган, осознав, что ласкает в объятиях девственницу.

Но Марина, с огромным доверием и всем пылом юности, приняла акт физической связи с Максимом, как законный этап их духовной любви. В отношениях появилась нежность и, явственно читаемая на лицах, общая тайна.

- И я тебя познала, как ты познал меня. Песнь песней. Двадцать первый век.

****

- Ты как Катрин Денев в молодости, моя невеста, девочка моя.

- А я-то думала, что я Венера Боттичелли, или Николь Кидман на худой конец... Максим, ты - не как кто. Ты - это ты. Не Брэд же ты какой-нибудь Пит, и, слава Богу, не Том Круз. Давай завтра никуда не пойдём. И за день просмотрим множество книг с иллюстрациями и журналов, и определим, как кто мы или как никто.

- И так ясно: ты умная, как Софья Ковалевская. Самая умная.

- А ты, как Аполлон – древний человек, названный так за красоту.

Но, между тем, такие содержательные беседы длились недолго. Бизнес Максима требовал постоянного участия, а он, так сказать, несколько «отпустил бразды правления». Да и у Марины занятий никто не отменял. Супружество не обсуждалось, воспринималось как нечто последующее.

- Я хочу познакомить тебя, представить всем мою невесту.

И они стали выезжать. Гости, рестораны, тусовки, походы в концерты, «где надо быть». Марина не была дикаркой, но круг общения Максима – бизнес партнеры с супругами и подругами – был ей чужд и не нравился. И это напрягало. Хотя, ради Максима, она старалась быть любезной и общительной. Правда выходило, что статус «невеста» практически определялся как должность, с полномочиями и обязанностями, и Максим в светской жизни существовал в другом образе – казался деланным, жестким, чужим.

- Это временно, - все повторял он. И, как-то, Марина не выдержала.

- Что временно? Самодовольные полудурки с Альбинами, Кристинами, Элеонорами Яковлевнами?

- Нет, то, что ты встречаешься с ними. Ну, может, придется пригласить кого-то на свадьбу. А потом мы будем жить своей жизнью. Но для того, чтобы нормально шли дела, требуется имидж. Никому не нужен партнер - загадка.

«Может, оно и так. Жизнь покажет. Любовь не вечный праздник», - думала Марина, - «и я не Софья Ковалевская».

***

На факультете, помимо занятий, Рябинину еще попросили помочь американским исследователям древнерусской литературы – два преподавателя с переводчиком. Нагрузка дополнительная. Благо переводчик – Алик, Маринин ровесник, был из русских переселенцев. Москву прекрасно знал, по городу их таскать не надо было.

Чудной он был, этот Алик, занятный. «Пойдем, говорит, старушка, я тебя кофеем напою». «Да мне некогда, прости».- «Уж куда там когда, если дядя поджидает каждый день. Кто он тебе – муж?». «Да нет». – «Ну, вот это и славно. А то запер бы тебя в клетку, а ты птица свободная, да?». – «А что это ты за птица, что вопросы задаешь не по теме? В древнерусской литературе нет страниц моей истории». – «Все в ней есть. «Все было в старь, все повторится снова»... Приезжай летом в Нью-Йорк, я тебя на «Феррари» покатаю. Любишь скорость?» - «Какой русский не любит быстрой езды?» Но больше я люблю «Житие протоппа Аввакума». До завтра».

А Тина все спрашивала: «Замуж – не замуж..., понятно. Но ты говорила, ему танец нужен для фильма. Вот и приходите, познакомишь с женихом».

И вечером, - Марина напомнила, Максим загорелся, - поехали они к Тине на занятия, в студию.

***

По дороге Максим рассказывал о разработках сценарного плана, что они с Федоруком (режиссером) придумали:

- Так вот. «Картинки с выставки» у композитора завершаются безумно торжественно. Апофеоз называется «Рассвет над Москвой-рекой». Или «Богатырские ворота». А Федорук предложил – сделать на эту часть зарисовки нашей свадьбы, потом кадры с Игорем, - еще подумать надо – как? А потом – уход камерой на природу. Я думаю финал правильный, от частного к общему и вечному? Ну, что ты молчишь?

- Да, да, решайте, это ваши планы, - Марина соглашалась, не моргнув. А в голове, все, знай, крутилось: «тачает сапоги пирожник и кружева прядет сапожник.... Что он о свадьбе, да о свадьбе. Нет, чтоб я слушала слова любви».

- Ну как ты, такой одержимый Тарковский, контроль ведешь строительным подрядом? Коррекцию проводишь разным сметам? Все это успеваешь и умеешь, мой ненаглядный господин мой Максим Петрович? – и она вопросительно вглядывалась в жениха, пока он парковался.

- Потому, что я люблю тебя. Your love has given me wings – и они поцеловались. И, в обнимку, подошли к подъезду с лаконичной вывеской «Студия современного балета». Марина постаралась отстраненно объективно оценить спутника. Он как раз посерьезнел перед знакомством с лучшей подругой невесты. И решила: - «Да!».

Тине позвонили на мобильный, она вышла навстречу. Волосы лентой подобраны со лба. Балетная репетиционная экипировка. Накинутый махровый халат, чтобы «не остывать». – «У нас «классика» заканчивается» и «Очень приятно», - Максим встретил прямой и оценивающий взгляд. Тина казалась маленькой, пониже Марины, тем более без каблучков. Но встреча с ней сразу делалась событием. Вас захватывала энергия, переполнявшая Маринину подругу. Энергия доминировала, в голову не приходило оценивать Тину по степени различных достоинств. «Артемиды, кажется, охотница.... На нашей почве. Огонь» - пронеслось в голове у Ромина. Из зала доносился широкий вальс и убедительный женский голос, вдохновенно диктующий последовательность движений.

- Сейчас будет перерыв, я вас познакомлю, и поговорим, - Тина адресовалась к обоим, но смотрела теперь на Марину, глаза в глаза. А у Максима зафиксировалось: «Тина красивая..., смугляночка,... Но не проста...», - и он с теплотой посмотрел на невесту, чуть сжал ей локоть.

Рояль отзвучал, в зале неровно зааплодировали – так балетные благодарят педагога за урок. Распахнулась дверь, кто-то вышел. Тина сказала: «Подождите», и буквально через минуту пригласила войти.

- Да, проходите, - балетмейстер стояла у рояля. Что-то писала и не двинулась навстречу. Только, когда гости прошествовали вдоль зеркала через весь зал, женщина подняла голову, и обнаружилось, что она молода. «Лет двадцать семь», - подумал Ромин, а Марина – «да ей не боле тридцати пяти».

- Меня зовут Елена Ниловна, я преподаю в театре и в студии. Тина рассказала о вашем предложении, я знаю музыку. – И, вопросительно, взглянула на Максима.

Елена Ниловна, она умела слушать. Слегка отвернув голову в сторону и как бы уйдя в свои мысли; чуть опустив веки, так что прикрывались глаза. А у Максима было ощущение, что не он один рассказывает замысел. А, будто ведут они обсуждение с этой необычной (такое впечатление) балериной Еленой Ниловной, что рассказ приобретает образность. И какие-то дополнения продолжали вертеться в голове, когда он смолк.

Марина пыталась вспомнить, на кого же похожа преподавательница. «Да, Господи, она же совсем как Лиля Брик. Те же четкие и загадочные черты. Но это не подражание, это такой тип. Декаданс. Как ты попала в наши дни, как живешь в них?».

Елена Ниловна прошла, задумчиво, по залу. Да, то, что балерина, по ней читалось за версту. Воспитанное тело неуклонно соблюдало усвоенные с детства навыки классического танца. Она не ходила, не семенила, не шагала – она плыла и горделиво несла себя в неторопливом движении. Действовало это завораживающе. Марина – так даже невольно вздрогнула, когда Елена заговорила:

- Я попробовала представить, как это может быть. И надо вслушаться в музыку, у меня есть «Картинки» с Рихтером, и в оркестре. Маазель, кажется, дирижирует. И давайте

встретимся с режиссером, важно знать, что будет в кадре до и после. И в каком ключе сам танец будет снят. Не будет же это просто сценическая версия, - речь лилась ровно, будто рассказ о недавних деловых событиях, а не размышления о неожиданном заказе. Елена продолжила: – И, если есть время, поприсутствуйте у нас сегодня. Посмотрите, как мы работаем. Может, и не нужны мы вам. Что за кот в мешке? Других балетмейстеров хватает.

- Мы хотели, чтобы Тина, - начал, было, Максим.

- Насчет Тины – это верно. Но она станцует все – и что Бежар поставит, и Ратманский... Правда, я знаю ее возможности и буду при постановке видеть, каким будет воплощение. – Елена перевела взгляд с Вербиной на гостей. - А сегодня я хотела показать студентам, как по-разному можно трактовать классику. Это даст представление, о моем подходе к творчеству. Раз уж вы с планами, так должны вникать.

Перед уроком джаз-балета Елена Ниловна вернулась в зал одетая также, как студентки. Задание надо было показывать. Она обозначала требуемое в полности, но мастерски и изящно. То, в чем ученики совершенствовались, на сцене и в телевизоре делалось исполнителями с легкостью. На сцене был результат, продукт. А на уроке Максим с невестой увидели, как оттачивается каждое па, каким трудом достигается виртуозность.

Тина упивалась движением. Будто языческая жрица, совершающая тайный ритуал, она самозабвенно проделывала заданные педагогом комбинации. И получалось здорово. Тело было создано для танца, а темперамент захлестывал. Марина любовалась и изредка, с гордостью, посматривала на Ромина.

Урок закончился. Все были на исходе сил.

- Спасибо.... Отдыхайте. Не садитесь, подвигайтесь еще.... Послушайте, - Елена Ниловна, в черной балетной пачке с удлиненными полями, сомкнула кисти рук в замок и будто разминала их во время рассказа.

- В начале двадцатого века, еще до «Дягилевских» сезонов в Париже, в Петербурге должен был состояться вечер балета. Юная балетная прима, восходящая звезда, сетовала молодому хореографу, который «все мог», что придется танцевать уже известные всем номера.... «Сыграйте» - и балетмейстер передал музыканту ноты... Сорок минут, всего лишь сорок минут .... Но больше было и не надо. Два гения... и вдохновение. Анна Павлова и Михаил Фокин дали миру «Лебедя» на музыку Сен-Санса, - Елена слегка опустила голову, поднесла руки к подбородку, на секунду зажмурила глаза. На протяжении дальнейшего повествования она оставалась у рояля и перемещала взгляд по лицам присутствующих. Каждый, на мгновение, становился ее доверительным собеседником.

- У Павловой был зачарованный лебедь. О смерти в ее песне не было ни слова, это был гимн Красоте. Анна Павлова скончалась во время турне - ее час настал неожиданно. Последними словами были: «Приготовьте мой костюм лебедя». Вечные гастроли по истории Искусства.

Потом появился «Умиравший лебедь». Галина Уланова сделала миниатюру трагедией. Отчаяние при расставании с прекрасной жизнью, последний порыв и... примирение с неминуемым уходом.

Плисецкая – гордая, царственная птица. Фаталистка – не страшно умирать, смерть – это тоже часть жизни. Природа бессмертна. Божественная Майя...

- То, что хочу я вам показать, это попытка решения чисто актерской задачи. Я хочу показать вам, что в искусстве никогда не нужно стараться сделать кальку с эталона. Кто-то метко сказал: «Будь собой, другие места уже заняты». Подумайте – а если лебедь не хочет жить? Или, вдруг, он играет со смертью: орел или решка - все равно. Индивидуальность, выявление ее – эта задача стоит перед нами. Мне, кажется, здесь собрались единомышленники. Я давно уже «говорящая» балерина, но попробую показать свой эскиз на тему шедевра. Только поставьте диск. Пусть звучит виолончель.

Елена ушла в левый верхний угол зала. Зазвучала музыка. Началось знаменитое скольжение спиной к зрителю вдоль пространства сцены. Руки сливались с арпеджио арфы.

Но она повернулась анфас. Странное, страстное пламя горело в глазах. Исполнительница неукоснительно выплетала канву танца. В музыке и в движении зафиксированы два всплеска. Как Елена сумела их отразить и наполнить! Безусловно, она была хорошей балериной. Даже не на пуантах и в четверть ноги Елена танцевала впечатляюще; изящность и утонченность облика, в сочетании с абсолютной убедительностью каждого движения, завораживали. А эти два всплеска у нее обернулись пароксизмами страсти. Далее все стало стремиться к угасанию. И, наконец, этот неожиданный лебедь почти успокоился в финальной позе на полу. Как вдруг Елена, резким движением шеи, вскинула голову и, - когда отзвучала последняя нота, - глаза, исполненные надежды, остались устремленными в зал.

Зрители, на вздохе, выдержали паузу. А потом студенты чуть не отбили ладони в аплодисментах. Максим и Марина тоже хлопали. Только девушка это делала, как бы стесняясь своего присутствия. «Да уж, заказчики приехали, меценаты» - стыдливо пронеслось в голове, но она посмотрела на Тину и успокоилась. Та уже подходила к ним, открытая и приветливая: «Вы подождете?», и, получив подтверждение, скрылась в раздевалке.

Максим хотел было что-то выразить, но Елена Ниловна такую возможность ему не предоставила.

«Вот так, дорогие гости», - она остановилась с ними на секунду, серьезная и замкнутая.- «Мой телефон», - протянула визитку – «Ваш режиссер. Думаю, будет нормально, если он свяжется со мной в конце недели. Спасибо», - и она стала ускользать, лишь добавила: «Если не передумаете».

-«А как фамилия этой преподавательницы, этой учительницы лебедей?»,- спросил Максим у Тины на выходе.

Марина странно на него взглянула. А Тина ответила: «Гусева».

***

Конец вечера провели втроем. Ужинали и разговаривали.

- А почему такая молодая балерина, и только преподает? Ей бы на сцену, ведь танцует она замечательно, - Марина озвучила вопрос, возникший у них обоих. Максим даже чуть склонился к Тине, подчеркивая интерес.

- Елена то ли в аварию попала, то ли что еще случилось, но травма была серьезнейшая. Ее счастье, что инвалидом не осталась. Давно это было. Танцевать по настоящему нельзя. Она замечательно движется, в каждом па безукоризненный профессионализм. И актриса – тут слов нет. Ей бы режиссера – была бы звезда.

- Ну, а что там у нас с теми, кто звезды изучает? Анна Андреевна обещала выбраться в Москву.

- Да, мама приедет одна и скоро. Стосковалась. А вы так и не вспомнили номер машины, что чуть не отправила вас на тот свет?

- Какое там.... - Марина как бы через силу покачала головой. – Но такое не забывается. Будто специально на нас летел. Номер был абсолютно смертельный.-

- Да, Марина, сейчас смеешься. А ведь были на волосок... - у Максима выговорилось очень серьезно и даже горестно.

Перед прощанием Тина поклялась, что не оставит в покое Елену и постарается ускорить творческий процесс.

- А мама приедет – приходите. Я сразу дам знать.

-Сегодня же ей позвоню. Мы ждем ее. Пускай не медлит.

- Так и порешили, - откланялась Тина.

А Максим подытожил: «До скорого».

***

Но следующее событие не заставило себя ждать. Максим собирался праздновать день рождения. Матушка, как он ее называл, умерла. Отец жил во Внуково, Максим часто навещал, благо – совсем рядом. Отец с трудом передвигался, ноги не слушались. Тетушка, сестра матери Максима, вела дом и помогала Петру Михайловичу.

- Так что, Мариша, ты моя главная родственница. Будешь царицей бала? – Максим вопросительно смотрел исподлобья.

- Нет уж. Могу быть царицей Мира, Владычицей морскою, но царицей бала – уволь. Царица бала в современном ресторане - это поп-дива, или шоумен. Тебе нужен распорядитель?

- Да нет, все само как то образуется. Но только ты - не главная гостя. Ты – главный подарок. А Тину одну приглашать, или у нее есть кто?

- У нее всегда кто-то есть. Ты пригласи, а она сама разберется.

Конец июля выдался не слишком жарок, но давал себя знать. Кто-то предложил, а Максим ухватился за эту идею – устроить праздник на теплоходе.

- Здорово,- сказала Марина, - А если это в один вечер, то где же просторы, где широта водной глади?

- Смотри, какие вечера ясные. А теплоход - прекрасный ресторан на плаву. Несколько палуб для танцев и прогулок; речной ветерок, движение.

Двадцать восьмого июля к семи часам вечера гости стали съезжаться к причалу у Устинского Моста на Москве-реке. Тина приехала одна. К ней тут же прилепился Саша Федорук, режиссер предполагаемого фильма. И собрались «нужные люди». Те, кого Максим сумел найти в Москве.

Тина, помимо подарка, передала Ромину что-то типа письма в конверте.

- Елена Ниловна поздравляет.

Он тут же вытащил вложенный листок, и отошел чуть в сторону, приклеился глазами. Это было стихотворение, но специальное. Начальные буквы каждой строки стояли поодаль, были пропечатаны красными буквами, и сверху вниз читалось посвящение: МАКСИМУ. А, в целом, послание выглядело так:

М не выпала большая честь

А дресовать Вам поздравленье

К о дню рожденья – повод есть

С обрать гостей, к столу присесть

И выпить что-то для веселья.

М ы все взрослеем постепенно.

У дачи. Гусева Елена.

У Максима возникло ощущение, что сделана большая глупость. Не догадался попробовать пригласить эту загадку, эту Жар-птицу. Она сама прислала ему «перо». Вернее - пробу пера.

В конверте он нашел подарок номер два. Диск, без какой-либо пометки содержания. К счастью, Тина была рядом.

- Это «Лебедь», - объяснила она - давнишняя запись. До травмы. Елена танцевала на концерте.

Они беседовали на крытой палубе. Прибывшим предлагали что-то выпить, кто-то еще опаздывал с приездом. В нише, маняще, темнел экраном огромный монитор.

- Марина, вот. Тут Тинина учительница танцев прислала поздравление. И запись «Лебедя» с концерта, она танцевала на публике. Не хочешь посмотреть?

Рябинина взглянула, удивленно.

- Гости твои. Тебе решать, что делать. А я хочу, конечно. Не все кому то улыбаться и что-то лопотать.

Максим распорядился. Монитор ожил. И по глади голубого экрана, мелко-мелко перебирая ногами, на пуантах, направляя крыльями рук в рисунок безупречного танца полет юной души, в белоснежном оперении, проплыла та, что поделилась с Максимом по опыту прожитых лет: «Мы все взрослеем постепенно».

А гости, по окончании просмотра, окружили виновника торжества. «Ну, Ромин, теперь мы знаем секрет маршрута. Плыдем мы к лебединому озеру, а это представили гида. Отличный экземпляр. Эй, там, швартовые, отдайте-ка концы» Так начался этот праздник.

Но, вместо ощущения простора, Марина будто задышалась в вакууме. Отрезанность от суши, хоть до берега рукой подать. Вынужденное соседство с малоприятными людьми. И одиночество, хотя Максим не отпускал ее почти ни на секунду. «Все это временно» - твердила без конца. Но эта установка не работала. Лишь будила вопрос - «А зачем?»

И вдруг, за спиной, Марина уловила в разговоре свои, с Максимом, имена. Не обращившись, слушала слова, а суть их раскаленным железом вертелась в душе.

- Ну, Ромин как увидел ее в самолете, так начал окучивать. Представь, сколько Вдовин сейчас стоит? И такие персоны не беднеют. А она единственная дочь.

- Только напрасно он всякие гуляния устраивает. Такую банкноту надо под брачный договор, и в церковь. Или ЗАГС. Одно из двух. Немедленно.

- А то ее по частям растащат. Кто красоту от шеи до макушки, кто-то что ниже, но куда похуже.

Она вышла на свежий воздух открытой палубы. Отстающие берега Москвы-реки представлялись незнакомыми таинственными поселениями.

И вдруг подошел господин. Такой выхолненный и гламурный. И, не вступая в разговоры, сразу выставил предложение:

- Вы, Марина, такая славная, интеллигентная, молодая и броская. Вот моя визитка. Когда вы с Роминым расстанетесь, я буду счастлив с вами встретиться. Мы можем поехать в Средиземноморский круиз, не то, что в болотной тине бултыхаться.

- Кто вы? Что вы? Он мой жених, – Марина прошептала, почти не разжимая губ. А, мысленно, так вовсе не сдержалась: «тварь ты такая зализанная».

- Ну, вы-то у него невеста не первая. Да и не пара он вам,- и, не дожидаясь ответа, ускользнул во внутреннее помещение, не оставив следов своего присутствия.

Что-то еще происходило. Среди сплетенья голосов внезапно выскочил один.

- И что же Ромин в своей Марине, такой плоскодонке, с пришитой к нелепой фигуре красивой головой, сумел откопать? - Марина глянула в сторону голоса, и попала на отклик второй собеседницы, - Говорят, у нее невероятно богатая родня.

- «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?» - пропел кто-то, неожиданно.

Но, наконец, поздний вечер и долгожданный Устинский мост подтвердили, что что-то все-таки временно.

Максим Ромин успешно проплыл сквозь рубеж середины четвертого десятка.

***

Обе девушки хотели и смогли приехать в Шереметьево – прилетала Анна Андреевна. Рейс чуть задерживался, и они вновь вспомнили о дне рождения на воде.

Тину несколько беспокоило, что случилось, когда Максим, после парохода, захватил и ее, чтоб подбросить домой. Марина устала, да и настроение что-то было не то.

- Ну, ладно, - сказал Максим невесте, - Поднимайся в квартиру. Может, душ пока примешь. Освежишься, и все пройдет. А я Тину отвезу, и вернусь.

И в машине приставал. Почти дошли до дела. Но Максим вдруг резко остановился в действиях, поправил внешний вид. «Через год встретимся», - сказал он, и, высадив Тину, умчался. И Тина молчала. Так дико и нелепо мог выглядеть ее рассказ о женихе в преддверье свадьбы.

- Да что мне до них, я их просто не видела – отмахнулась Тина от всех плававших гостей. - Что меня волнует - все же, не вижу я тебя женою Максима этого. Он, вроде, нормальный. И даже почти пятнадцать лет разницы – ерунда. Но... Не твое это, Мариша, быть женою нувориша. Тебе нужен человек, чтоб вы жили, душа в душу. Спутник по жизни. И чтобы эту жизнь вы вместе строили. Ну, не знаю, мне так кажется.

- А я не думаю о том, кто для чего мне нужен. Максим сумел меня достать, и крепко держит. В нем есть, что женщин может удержать. Да не это важно. Я сама себя с малых лет строила. Сомнительно, что вместе с кем-то строить, есть идеал любви. – И продолжала. - Только вчера он спрашивал – когда? Максим мне не чужой. Я думаю о нем. Но, видит Бог, со временем я думаю все хуже.

Тина посмотрела на подругу с сочувствием, и вздохнула:

- Слава Богу, мама приезжает. Пусть она посмотрит. А то уж замуж невтерпеж -

Анна Андреевна расцеловала обеих, отступила на шаг, пристально оглядела. И девушки опять приникли к ней, застыли на минуту. Возникло чувство просветленного покоя, и защищенность наполняла души.

- Анна Андреевна, да вы какая-то прозрачная, как горная река. Да, Тина, мама-то твоя какая ясная.

- Будешь тут ясная, когда три года в горах, - ворчала Тина, а глаза радостно блестели, - Питалась воздухом и травой.

- Ну, будет тебе, дочурка моя строгая, – Анна Андреевна поправила волосы и без того хранившие аккуратность - Вот вы - красавицы у меня. Совсем взрослые девицы.

- Да мы уже и старушки почти, по теперешним меркам. Теперь время пятнадцатилетних – не унималась Тина. – Давайте быстрее. Пробки. До дома едва ли доберемся за те часы, что ты была в полете.

Анна Андреевна смотрела радостно. Девушкам, три года ее отсутствия, показались вечностью – столько событий вместили они. Анна Андреевна по-другому чувствовала время. Для Анны Андреевны это измерение начинало работать только тогда, когда она выходила из своего уединенного мира. И начинала жить заботами и чаяниями тех, кто ей дорог.

Анна Андреевна приехала в Москву.

Вечер, наполненный разговорами, рассказами, обменом впечатлений, успокоил бурную радость встречи и настал момент, когда молчаливые паузы, не в тягость ни кому, возвращали мысли Марины к насущным проблемам. Тина вспомнила о неотложном телефонном звонке и вышла. Анна Андреевна взяла Марину за руку и заговорила вполголоса:

- Ты, родная моя, мучаешь себя, но ответ ведь сама отыскала. Может, не сформулировался еще четко, но есть.

- Так не выходить мне за Максима? Он мне близок. – Марина шептала еле слышно.

- Ты знаешь ответ.

- Можно я с Максимом завтра приду?

Марина вглядывалась в родные, но такие непознаваемые глаза. Еще днем они зеленели малахитовыми переливами. А сейчас утонули в ресницах и лишь порой поблескивали черным жемчугом.

Приходите обязательно. Но не устраивай ему смотрины. Познакомимся, поговорим. Только знай: может и через трудности, но у тебя все хорошо сложится. А сейчас ответ один. И он в тебе созрел.

***

Марина не смогла себя сдержать. Она знала, что ответит Ромину. Но ей хотелось, чтобы Вербина сочла оправданной ее любовь. А самого избранника – достойным. Марина открыла Максиму секреты про чтение мыслей.

- Так что же мне делать, когда перед нею, как голый.

- Ты помнишь «Стихи о Советском паспорте» Маяковского? Вот и читай их про себя. И это будут твои мысли. А если что-то не пойдет, то рисуй, мысленно, сугубо положительные картины. И, что видишь, то через свою голову и пропускай.

- Какая это полезная технология, чтобы выглядеть загадочным! «Что видишь, то и пропускай». Такой подход к мыслительным процессам мог только истинный филолог предложить.

- И очень важно: чем сильнее твоё внимание к картинам в твоих мыслях, тем больше впечатленье, что все они твои. Я вижу, слышу – все звучит, как бред. А мне, порой, абсолютная правильность речи претит настолько, что так и тянет исковеркать все подряд.

- Не надо, пожалуйста. Мне надо хоть что-то улавливать, когда тебя слышу.

- И шутки понимать – не грех. В моих речах любое слово – откровенье.

- А ты сама – мое открытие. Дай я тебя запатентую.

- Нет, ты меня уж слишком часто видишь. А если видишь, то не пропускаешь. И это трудно твоей бедной голове.

***

Анна Андреевна их встретила приветливо.

- Да, я и есть родительница Тины. И Марина мне как дочка. Вы садитесь удобней. Скоро Тина придет – будем чай пить.

Гости заняли кресла. Анна Андреевна присела на диван и обратилась к Максиму:

- Девочки вчера мне рассказывали: и как на пароходе плавали, и как вы фильм задумали снимать, и руководите вы в разных местах. Я и подумала – какой солидный господин. А вы так молоды. Можно без отчества называть?

- Да что вы, к любым чертям, какое отчество? А я и представить не мог, что у Тины такая молодая мама.

- Моя молодость в них, в девочках теперь живет. А за комплимент спасибо. Максим, я все с мужем, в командировке. Людей видим мало, обсерватория закрытый объект. Расскажите о себе немного.

- Как я докатился до жизни такой? – и Ромин улыбнулся. Марина утонула в кресле.

Марина знала его историю как трудное становление человека Максима Ромина. Но в рассказе по запросу все произошло четко, просто и быстро. Максим будто рапортовал об успешно проделанной работе.

- А вот девочки говорили - друг у вас погиб? - напомнила Анна Андреевна.

- Да, друг и компаньон. Почти четыре года прошло, в Америке. Трагическая история. И непонятная.

- Как же вы теперь? Другие компаньоны?

- Нет, стараемся справляться. Помощники, заместители на всех подразделениях.

- Вот что, молодые люди,- во время возникшей паузы Анна Андреевна поудобней устроилась на диване, - у меня перемена климата, да и привыкла - порой, среди дня, - как бы уйти в себя, сделать паузу. Тина скоро будет. Может, вы побеседуете?- думаю, есть о чем поговорить, - а я тут помечтаю немного. Не буду мешать?

И Анна Андреевна несколько расслабилась, прикрыла глаза. Марина начала пытаться Ромина, как все-таки выглядит подробный сценарий, разработанный Федоруком. Тот объяснял достаточно невнятно.

- И зачем тогда балетмейстершу напрягали? они с Тиной уже в процессе.

- Все будет. Может, мы сначала танец отснимем. Будет отправная точка. И все пойдет, как по маслу. Смотрите. Завидуйте.

- Если задумали, так надо делать. У тебя же в бизнесе все по четкому графику. А вдруг выскочит автомобиль, как на Пушкинской, и поминай, как звали, - Марина убеждала полушутя-полувсерьез.

- По теории больших чисел вероятность повторения такой ситуации -...

- Все, все, все. Не могу слушать. А вдруг это не случайность, а злой умысел?-

- Как будто ожогом рот? Типун вам, простите, конечно, девушка, так сказать, на язык.

- Это вам типун, и никаких извинений.

Пришла Тина, приготовили чай. Говорили о том, о сем. Марина, порой, замечала, что Анна Андреевна пристально поглядывает на Ромина. Настало время уезжать. Распрощались. Вербина старшая попросила Марину заехать завтра в удобное время. Результаты «смотрин» интересовали девушку. Но... Марина смотрела на Максима с особой теплотой. И легкостью. И болью. Может потому, что все же сожалела о неотвратимости созревшего в ней ответа...

Ветер гнал по мостовой первые желтые листья.

***

Максим говорил: « Ну почему? Ну почему? Что не так? и в чем моя вина?» Марина смотрела на него нежно и отрешенно. Молчала. Нежность во взгляде настраивала Максима повторять вопросы вновь и вновь, вслух и про себя.

Он не знал, что прощальная грусть непреклонной Марины, не о нем. А об опыте первой и взрослой любви, чей огонь загасили плевками.

Медленно и молча, проследовали они от памятника Грибоедову к Чистым Прудам, молча сели на лавочку.

- Почему, Марина, объясни же мне, - Максим ждал и заслуживал ответа.

- Потому что не надо делать жестоких ошибок, когда можно не делать их. Все было искренне и правильно. Ты мне близок и дорог. Я думаю, так будет всегда. Ты говоришь, я много значу для тебя. Спасибо – и она задумчиво опустила голову.

Максим смотрел на нежный изгиб шеи, прекрасный трогательный профиль, завитки белокурых волос. – «Останься» - прошептал он. Марина распрямилась и посмотрела ему в глаза.

- Эта была общая страница. Она сохранится в книге моей жизни; ты, я думаю, не захочешь вычеркнуть ее из своей. Но она закончена, и мы должны перевернуть лист. Я знаю, звучит патетично. Но бывают ситуации, когда только высокий слог может ничего не испортить.

***

Тот, кто инициирует разрыв, себя не избавляет от страданий. Марина пыталась латать бреши сторонними образами, но все вращалось вокруг горечи утраты. Своих иллюзий, своей чистоты. Ни на чей счет она не заблуждалась.

«Летучих нимф был полон пруд лазурный, дриадами одушевлен был сад», - шептала она строки Шиллера. – «И я, словно дриада, чудесным деревом цвела. Ты подрубил меня под корень. Потому, что хотел не меня, а с папиным богатством породниться. Так в древних мифах некто Эрисихтон в священной роще дерево сгубил. И кровь потекла по стволу, ветви сделались мертвенно бледны. Нимфа погибла, но возмездье предрекла. Эрихистон был наказан неутолимым голодом. Когда он съел, безумный, все вокруг, он начал поедать себя. И оттого погиб. Но у тебя, Максим, особый голод будет. Это будет голод по духовности. По тому, до чего ты не сможешь возвыситься. И никогда не утолишь его». – Надумала девушка такую комбинацию, и почти сама себя утешила.

«Сколько бреда вмещает моя голова!»

***

Анна Андреевна встретила Марину радостно.

- Ну, я вижу, поступок совершен, мудрая ты моя и решительная. – Марина, молча, прошла в гостиную, молча, опустилась во вчерашнее кресло. – Сейчас чай на травах, сама собирала. Чувствуешь аромат? – Анна Андреевна разлила напиток, присела.

- Так, а теперь послушай. Твое решение известно. Сама разобралась. А если бы не так, то я бы тебя сегодня предостерегала. Не простой он, Максим Петрович. И в его прошлом что-то темное есть. В поступках далеко не самостоятелен, кто-то направляет. Это доброжелатель, но предвзятый. А Максим далеко не управляемый, он из тех, кто рвется быть первым везде. Его «эго» превыше всего. Да, он любит тебя. Но при этом преследует

цель, чтобы у него была замечательная во всех, очень важно, отношениях жена. А стала бы ты женой, и цель была бы достигнута. И кто его знает, каким бы он стал. Он женится, но на той, что окажется сильнее в своем эгоцентризме. А что из этого выйдет - не могу сейчас сказать, не знаю. Это достаточно далекое будущее. Главное, что вы разошлись. Потому что со всеми, кто с ним рядом, что-то отрицательное да случится. И еще – он помешан на Маяковском, все время о нем думает.

- А мне-то чего ждать? – спросила Марина тревожно и безнадежно.

- У тебя хорошо все сложится. Много путешествий, встреч. Ты будешь счастлива. У тебя чутье души безошибочное. Это свойство. Чтобы желанная судьба свершилась, надо суметь принять ее. Ты сможешь.

- А могу ли я чем-нибудь Максиму помочь?

- Скажи, пусть Пастернака почитает. Ну, а всерьез – ведь ты уже пыталась?

***

На факультете Вдовину ждал сюрприз. В деканате сказали, что специалисты из Америки, с которыми она работала весной, прислали запрос и приглашение - просят в течение семестра консультировать их на завершающей стадии научного труда. Колумбийский университет ждал.

- Так что решайте, Марина, будете вы академический отпуск оформлять, или командировку мы вам сделаем. Но ехать в Нью-Йорк обязательно. У нас с факультетом искусств Колумбийского университета предполагается обмен студентами. Они телемосты хотят проводить, много планов.

- Да я и не отказываюсь. Просто неожиданно очень.

- Чего ж тут неожиданного. Читаю из приглашения: «Исключительное умение не просто дать толкование трудного для нас фрагмента, но и проведение аналогий с более известными источниками. Госпожа Рябинина уже сейчас является глубоким ученым. Мы надеемся, что, кроме огромной пользы для нас, она сумеет получить у нас на факультете практику и станет прекрасным специалистом в области филологии». Нужно было письмо из Колумбийского университета, чтобы у нас открылись глаза – какое сокровище у нас подрастает. Они также направили приглашение в посольство. Надо подъехать с паспортом насчет визы.

-«Алика убью, только он мог надиктовать такую ахинею.... Но здорово, черт возьми!»

А вечером Алик позвонил: «Ну что, старушенция, маляву получила?»

- Я убью тебя. Что перед факультетом на смех выставляешь – такие дифирамбы посылать.

-Э, нет. Там каждое слово - правда. Джордж и Диана именно так ценят твою помощь. Стали бы они сыр-бор городить, если бы ты им не нужна была. Пеняй на себя, что так хорошо древнерусскую литературу знаешь. Да еще и русская красавица. И как английским владеет, чтобы самое сокровенное в фолиантах раскрыть на иностранном наречии.

- Уж я тебе раскрою русскую душу, дай только добраться до тебя.-

- Где раскроешь? На Пятой авеню? Или на Эмпайэр Стэйт Билдинге? – Там здорово – сто второй этаж и смотровая площадка – весь Нью-Йорк как на ладони. Только ее решеткой огородили, чтобы не повадно было приезжим души раскрывать. Встречу тебя в «Кеннеди».

***

А Ромин все думал и думал об одном: «Это была первая настоящая и стоящая страница. До этого я жил по служебным распорядкам и должностным инструкциям. Если такая страница закончилась, а жизнь отошлет меня к руководству по эксплуатации, я не смогу жить, как не могу жить сейчас».... «Зачем я испил живой крови, лучше бы я всю жизнь питался падалью» - проносилось у него в голове, и каждый раз он будто сплевывал с отвращением. Он вспоминал, как истерически листал Пушкина, чтобы найти озвученный Мариною отрывок и мимоходом вставить в разговор продолжение. Как ходил к психологу, чтобы определить политику поведения и не выглядеть перед девочкой идиотом. Как понял, что искренность его чувства – это главное, и этого много. Не хватило лишь чуть- чуть. Максим Петрович не смог отбросить Максима Петровича. А теперь, не нужный никому, он был не нужен сам себе.

Позвонил Федорук. Постановочный период в балетной студии завершился. На пике вдохновения родились две миниатюры.

- Что так? – механически спросил Максим, и тут же встрепенулся – Едем.

Он влетел в зал и начал поедать все глазами, и не мог насытиться – так ощущал он свой неторопливый вход и приветственные обращения.

Сначала станцевала Тина. Воплотилось исступленное хождение по мукам. Заданная амплитуда метаморфоз предполагала широчайший разлет, а Тина еще перехлестывала. Музыка брала за душу, а танец Тины вырывал ее с корнем – так прочувствовал Максим.

А сверхпрограмным номером была «картинка» под названием «Катакомбы», которую Елена Ниловна станцевала сама. Не было сверхсложных танцевальных

комбинаций. Все, как в музыке – аккорды, полужазы. И томительные ферматы. Елена, как бы ниоткуда, появилась в загадочной упрещающей позе со взглядом василиска, так и переходила из одного астрального образа к другому, не открывая тайны, а извещая о ней. Максима обожгло сверкающей, пронзительною мыслью...: «Елена Ниловна... Птица Феникс».

Ведь свершилось все, чего и быть не могло. От здравого порыва женитьбы на миллионах, дойти до романтической любви, до Пушкинской Татьяны. Или, как там? Все не так. Но смысл один.

И потом - этот Лебедь. Ромин сразу почувствовал, что что-то внутри не в порядке. Значит, нет аксиом, и другая идет перестройка.

И Максиму удастся прожить, что в мечтах заложил Игорь Разин?

«Так вот он, самый главный вопрос – утвердительно стучало у Максима в груди, - и Елена поможет мне на него ответить».

Простившись с Тиной, Ромин дождался Гусеву у выхода.

- Что ж, не смогли вернуться в юность? – внезапно прозвучал вопрос. - Назад, Максим, заказаны пути. А зрелость - вся ваша. Бескрайнее поле. Стройте планы.

- Буду Жар-птицу ловить. И не отпущу. Одно перо у меня уже есть. Она подарила...

***

Алик встретил Марину в аэропорте, и произошло это так радостно, на удивление. Он подхватил ее на руки, бережно поставил, расцеловались. Чувствовали себя непринужденно, будто выросли вместе. Быстро добрались к машине. И понеслись по автостраде. Марина видела на карте: от аэропорта Кеннеди - по радиусу - в Манхэттен. Но они ехали другим путем.

Алик как с цепи сорвался. Неслись куда-то очертя голову, скорость запредельная. Назвать стрессом то, что испытывала Марина – не сказать ничего. Это был ужас...

Внезапно скорость упала. Они съезжали с улетного шоссе. Алик хохотал:

. – Вот так вот, милая моя. Это ерунда, вот на «Феррари» тебя прокачу – век помнить будешь.-

- Спасибо – выговорила Марина автоматически. Глаза не открывались, тело била дрожь.

- Да что с тобой, маленькая моя сестренка, не угодил?

Марина тяжело открыла глаза и смотрела на Алика ошарашено. Теперь ехали не спеша, постепенно вливаясь в автомобильный поток большого города.

- Слушай, прости меня, если что не так. Я всегда езжу быстро. И не подумал...-

Девушка овладела собой, но сердце колотилось.

- Мне кажется, я была близка к тому, чтобы не успеть сказать Нью-Йорку ни здравствуй, ни прощай.

- Да брось, машина в порядке. Да и дорога просто скоростная, а не гоночная. Я же тебя с ветерком хотел, чтобы влетела в новый мир стремительно – вот тебе и адаптация.

- И, чтоб души не раскрывала, ее ты в пятки мне загнал.

- Нет, раскрытие души осталось в программе. Пятым номером. А сначала размещение, души-макияжи, и ужин тет-а-тет.

- Ну, со своим уставом я завтра выступлю. А поужинать с тобой придется – должен же ты меня ввести в курс дела.

Выяснилось, что квартета в работе не будет. Алик выпал. Его брали в Москву, как сопровождающего и переводчика. Сам он учился на Факультете гуманитарных дисциплин, по окончании получит степень бакалавра.

- Три года полагается, а я уже шестой бултыхаюсь. Нечего спешить.

- Джордж - преподает. Диана в докторантуре на высшей ступени – Факультете Искусств. Мне то, с таким свиным рылом, да в их калашный-раскалашный ряд. Да и вообще, не очень-то я хочу бакалавром быть. Ерунда. Я гонщиком буду.

Они пришли в японский ресторан. Освещение приглушенное и столики обособлены, соседей не видеть.

- Здесь хорошо, хотя бы не в окружении сидеть, - Алик огляделся, - А то все торчат вокруг, пялятся..., и вождедеют.

- Как это так, - не расслышала Марина,- кто что делает?

- Вождедеют. Что же еще? - только и делают.

- Это как это – вождедеют? Сами по себе? Тебе-то что. Видимо, объект есть.

- Вот то-то и оно-то. Нашли объект, сволочи.

- Да что за предмет у них. На тебя, что ли, «вождедеют»?

И Марина пристально посмотрела на собеседника. И даже оглядела. И разглядела. Алик - как она не видела раньше? - был собою, несомненно, хорош, и даже более.

Марина продолжала говорить ни о чем, и наблюдала. Брутальный облик оброс соответствием повадок. В каждом движении головы, туловища и рук была какая-то нарочитая выделанность, демонстрация полного владения телом. Будто каждый палец, казалось, поддерживал беседу. И, в целом, Алик походил, на леопарда, лениво, в уверенности победителя, отворачивающегося от потенциальных жертв, не интересных на сытый желудок.

- Ух, ты, - Марина взглянула хищнику в глаза, - как же я тебя не видела? –

- Ты видела другое: что я братишка твой и друг, красавица моя русская - Алик мотнул головой в сторону остального мира, - а там все похоть и криминал. Ты ведь не вожделеешь меня? Потому что ты другая, сестрица Маринушка.

- Слушай, американский мой сводно-двоюродный. Тебе же со мной легко и просто. Так что, если хочешь душу излить, то я вся твоя, - и Марина удивилась, как же ей с ним свободно и откровенно.

- Ты что, за садиста меня держишь? Не буду я ничего изливать, душу твою чистую тревожить. Я через многое прошел. И ненавижу всю эту похотливую свору шлюх и пидеров. Может, я найду себя, но мне в одном вопросе разобраться надо. Ну, почему так медленно? Скорость, скорость, нажимай на газ.

- Спокойно. Притормози. И доставь меня, пожалуйста, в мой, на полгода, приют. Все покоя просит. Пока. Ты проводишь завтра на факультет?

-Yes. А сначала провожу, и пожелаю вам Good night.

***

- Ты же ничего не знаешь обо мне. Да, близость провоцирует. Близость – это желание, настроение. А женитьба – это поступок. И фатальный, - Елена только раз попыталась остановить стремительность судьбоносного вихря. Максим сжигал мосты:

- Я не хочу, и не буду думать о практике жизни. Я узнал, что значит мечтать и любить. Ты любовь моя и мечта. Если ты выйдешь за меня, я буду счастлив. А ты будешь сиять, ты будешь собой. Чтоб жить, мне нужно чувствовать: здесь, рядом, есть звезда моего имени.

- На звезды порой находят тучи, и холоден их блеск.

- Нет. Не важно. Стань моей женой, и все будет, как ты захочешь.

- Я хочу, чтобы ты не менял своей жизни. Она сделала тебя таким. Я узнала тебя и полюбила. Пусть я буду твоей персональной любовной и культурной программой. Ты сможешь настраивать меня, включать.... Господи, что за бред. Максим, я говорю, потому что доверяю. Мои привычки, мои настроения, они - мой мир, и я не хочу его менять.

- Ни в коем разе. Ты сохранишь их, а я буду думать: «Сегодня у моей супруги настроение, она по привычке ушла в себя – не будем ей мешать».

И Елена Ниловна прошептала: «Засылай сватов».

***

«Вы слышали, Максим Ромин женится на Волочковой»; «не на Волочковой, а на ее лучшей подруге»; «Муза ему нужна для ведения бизнеса», - пронеслись слухи в определенных деловых кругах. И реальность подтвердила – скоро свадьба.

Максиму хотелось устроить праздник из праздников. Благо, Елена против торжества не возражала. Напротив, поддерживала все предложения своего увлеченного жениха. И однажды предложила тоже:

- А не думаешь ли ты, Максим, что будет правильно и здорово пережить достаточное количество: «Горько», а потом.... Пусть гости проводят молодых в свадебное путешествие, сами же веселятся всласть до утра.

- Да, да..., Куда ты хочешь?

- Поедем в Венецию. Там как раз карнавал. Мы поплывем на гондоле. Сказочный город будет бурлить весельем, и ничто не помешает нам быть уверенными, что праздник в нашу честь. И все эти таинственные маски – наши гости.

- Ах, я дурак. Да и где мне придумать такое! Мы едем. А как бы еще сделать, чтобы наша память с постоянной радостью и благодарностью возвращалась к свадебным дням?

- Ну, я думаю, выцарапать на дворце Дожей – «Здесь были Лена и Макс» - предложила Елена задумчиво.

Свадебные события соответствовали замыслу. Только на дворце Дожей не расписывались. Зато на острове Мурано, что с Венецией рядом, и где уже больше тысячи лет стеклодувы создают шедевры из хрупкого материала, заказали и получили скульптуру «Влюбленные». Маэстро, так именуются лучшие художники, сведущие во всех тонкостях работы со стеклом и делающие каждое творение неповторимым, учел все пожелания сеньориты, нет, простите – сеньоры. Он оценил ее вкус и взгляд знатока – Елена давно любила и собирала Муранское стекло. Как принято, маэстро подписал авторское изделие. И еще была искренняя приписка: «С любовью».

Они вернулись в Москву. Обсуждения и пережевывания их союза продолжались. Еще когда Максим Ромин представлял окружающим невесту Елену, женщины сразу подумали: «ну и фифа». А бизнесмены (таков, в основном, был круг его общения) нашли ее, несомненно, привлекательной, но слишком сложной. На него смотрели с недоумением и действия не одобряли.

Советы Максиму были не нужны. Еленой он был очарован. И принял решение позволять себе исполнение желаний.

Елена не изменяла себе в общении с окружением мужа. Она не вступала в разговоры. Когда к ней обращались, отвечала односложно, бывала задумчива. Ее интеллигентная и учтивая вежливость сохраняла дистанцию в отношениях. «Странная» - о ней судачили, и отыскивали дефект: при движениях мысли Ромина слегка скашивала глаза.

Пара изредка принимала участие в светской жизни. К Елене попривыкли. Ромина бывала со всеми равна. Красота ее была очевидна, но дамы раскусили, что поводов для волнений нет: она и не думала посягать на их кавалеров. Максим делал деньги, держал открытый дом. Страстное обожание сменилось гордостью супругой. Шел двадцатый месяц счастья.

***

И вот, нарядные елки украсили Московские площади. Дни стремительно приближали Новый год.

Ромины планировали отпраздновать Рождество в подмосковном доме. Предпраздничная суэта властвовала миром. Максим жил на даче, готовил ее для гостей. Ездил с поздравлениями, принимал поздравителей в офисе. Надо было еще доделать что-то неотложное. Москва застыла в пробке и издергала нервы. С Еленой переговаривались по телефону – она любила городскую жизнь.

Так вроде и в этот день – Максим Ромин пытался по Киевскому шоссе прорваться в город на деловую встречу.

Но, в городской квартире, на Мичуринском, Елена Ромина, окончательно отрешенная от суеты, испытующе, не отрываясь, смотрела сквозь потолок в открывшуюся бесконечность.

Великолепная авторская работа из муранского стекла, драгоценное недавнее приобретение, утратила декоративное предназначение. Как бы выправленный в дугу и стремящийся ввысь бумеранг, насыщенный голубизною темного неба, с проникающими спиралями серебра, сослужил недобрую службу в безжалостных руках. Сведенная в верхней точке острым конусом, обращенная вниз, скульптура пронзила Елене Ниловне сердце.

Труп обнаружила домработница. Бросилась к консьержке, та к телефону. Милиция отреагировала выездом. В пять минут известие о трагедии пронеслось по двору. Раньше милиции возникла пресса. Вскорости в интернете, а вечером в газетах появились информации с броскими заголовками: **«Загадочный финал загадочной жизни», «От какой нечисти избавляет Муранское стекло», «Жрица искусства и творение: жертва и палач», «Бизнесмен убил жену голубым фаллосом из стекла».**

Максиму позвонила домработница Лариса. Он не расспрашивал, сорвался. «Что вижу, то и пропускаю. И, чем внимательней, тем больше впечатлений» - какой-то бред вертелся в голове. Пока Максим летел к дому, сознание тяжелыми волнами перекатывало: «Беда... Беда...»

Какие-то люди в подъезде, распахнутая дверь в квартиру и чужие люди в ней. А в спальне.... Нет, это не было страшно. Это было ужасно. Запредельное горе обрушилось на Максима и раздавило его. Елена была мертва. «И, чем внимательней, тем больше впечатлений». Реальная трагедия ее гибели выглядела настолько художественно выделанной, что горе воспринимало это как издевку. «А как же «Феникс, чудо-птица себя сжигая восстает из пепла» - возникли в памяти любимые Еленины строки, - Пригвоздили, чтобы не сгорела и не восстала». Механически полез в карман за платком, а нащупал сложенный листок бумаги. «Что я вижу?». И, морозом по коже, пронзило: «Письмо»

Максим развернул. Это была распечатка вчерашней электронной почты.

Елена писала:

По истеченье срока давности,

Раскрою я свои погрешности.

Особо я отмечу странности
Своей покорности и нежности,
Тебе подвластных губ и рук.
И... одиночество вокруг.

Ромин заезжал вчера вечером. Елена была радостна и оживлена. Говорили о зиме, о праздниках, о любви. Максим спросил о послании.

- Это так, - отшутилась, - лучше всегда просить прощения. Это от смирения души. Я скучаю без тебя, вот и мучаю письмами.

Отмучилась.

***

-«Все отмени, извинись, я буду звонить» - Максим хотел выключить телефон, но на секретаршино взволнованное: «Что случилось?» выдохнул – «У меня умерла жена» и сам оторопел от выговоренных слов.

Через мгновение опять пошел прозвон. Максим ответил, механически, условно. Менеджер Немченко, участливый сотрудник, спросил, нужна ли помощь?

-Не понимаю, что ты хочешь? Я обращусь, если будет нужда.

-Но тут, Максим, есть много документов, которые ты должен подписать. Быть может, чтобы дело не стояло, нотариус поднимет доверенность на право подписи, ты делал на меня минувшим летом. Он освежит число, и я пришлю с курьером. Ты сможешь подписать. Я разберусь с завалом документов, их нужно бы оформить декабрем.

- Совсем что ль обалдел? Жену убили, а я что-то доверять? И заверять? Я подпишу приказ о твоём увольнении, чтобы не лез, такой заботливый.

- Да я хотел, как лучше, - не унимался Немченко.

- Не думал, что ты идиот, Сергеич! Теперь, спасибо, буду точно знать.

***

Квартира дышала смертью. Работали люди следствия. Беззвучно глотала слезы домработница Лариса.

Лариса принадлежала к тем преданным счастливицам, которые, поправ собственное «Я», вопреки назиданиям, творят себе кумиров, и живут в тени своих избранников, служа им беззаветно.

Сначала она просто полюбила балет. Потом души не чаяла в Кате Максимовой. Потом боготворила Семеняку.

Но, когда Лариса увидела на выпускном концерте Академии танца Елену Гусеву, исполнявшую вариацию принцессы Флорины из «Спящей красавицы», весь восторг, все поклонение были отданы ей, окончательно и безраздельно. Елена не взошла на орбиту звезды, но спутнице не требовалась аттестация в картах небесного свода. Их отношения вписались в закон всемирного тяготения. Елена ценила любовь и верность. А для Ларисы было счастьем по возможности освободить сказочную принцессу от прозаичного быта. Только лишь считалось, что Лариса домработница. Она была подруга и помощница. И все утро держалась, чтоб не рыдать навзрыд.

Надрывно пульсировали часы на стене. Прикрытое простыней тело Елены тоскливо отражалось в зеркале на потолке.

***

Но вот, наверное, главный, распорядился: «Унесите». Появились санитары. Максим пошел было за ней, но главный обратился: - «Мы можем побеседовать?»

Следователя звали Виктор Васильевич Гуцин. Группу, им возглавляемую, определили на расследование. Гуцин был опытным специалистом, за ним числилось много успешных раскрытий.

-Когда вы видели супругу в последний раз, Максим Петрович.

- Вчера. Заезжал, перед тем как ехать за город.

-Вы расскажите, что считаете важным, а что нужно, я спрошу, – следователь дежурно приготовился протоколировать.

- Больше недели я жил на даче, в Крекшино. Елена здесь.- Максим смотрелся полностью опустошенным. - Вчера она написала письмо по электронке, вот я и заехал - во взгляде возникла такая тоска, какой и представить себе невозможно.

- Вы переписывались? - спросил Гуцин удивленно. Максим отвечал, хотя тоска в глазах теперь смотрелась мукой.

- Да нет, это так. Она натура художественная, прислала стихи...

-Что за стихи? – следователь взглянул в сторону Максима. – У вас с собой, помните?

Максим протянул листок. Гуцин прочел и попросил сделать копию: «Только, когда криминалисты все обследуют». И удивился: «Она что, писательница была?».

- Нет, она была балериной. - Максим смежил веки.

И вдруг вспомнил, и рассказал, что почему-то вчера Елена предложила: «Давай будем заполнять белые пятна. Ведь я хочу пьесу писать. Вот отроческие годы – мы выросли параллельно, каждый своим путем. Расскажи мне - так, кратко, просто для информации. А, если будет интересно, то можно включить расширенный поиск. Если я соберусь». И он что-то рассказал о своей юности. Сегодня был ее черед.

- Так... Максим Петрович! Вы сколько времени вчера дома пробыли? – вернул к действительности голос Гущина.

- Приехал около восьми. В половине десятого, думал - пробки рассосались, поехал на дачу....- отвечал хозяин, и думал: « Что это? зачем?»

-Может, ее тревожило что-то, беспокоило? Кто-то угрожал? - пытался выяснить следователь.

-Нет, - Максим, вслух, вспомнил, как безмятежно прошла вчерашняя встреча. Как Елена улыбалась, как не хотелось уходить.

- Нет, она была спокойна. В квартире был порядок – завершил Ромин, глядя на разгром в спальне. Блуждающий взгляд остановился на бледно-зеленых хризантемах в золотистой высоченной стеклянной вазе, стоящих на столике в прихожей.

– Только цветов этих не было.

- Хорошо. - Гущин обернулся к сотрудникам:

-Как там, управились? Василий, сними у хозяина пальцы. – Вы простите, это необходимо, чтобы выявить чужие следы.

И обратился к домработнице.

- Елена Ниловна... вчера... отпустила в пять. Я не знаю, что за цветы. Пришла утром как всегда в восемь. Дверь была закрыта только на верхний замок, но так случалось иногда. Внизу - ничего странного. Я обычно прибираюсь внизу, готовлю завтрак. Потом Елена Ниловна... приходила – Лариса закусила носовой платок, лицо жалостливо искривилось. - И тут я увидела осколки стекла на верхних ступенях лестницы, и приоткрытую дверь в спальню.

Две, расположенные на разных этажах, квартиры, Ромины объединили. На втором были спальня и кабинет.

- И что же вы сделали?-

Я тихонько окликнула, потом попробовала громче и начала подниматься.... Все боялась - странно, страшно.... А когда заглянула ... - и Лариса съежилась, плечи запрыгали. – Вы видели..., я не трогала ничего.

Во время Ларисиного рассказа Гуцин подошел к букету. Хризантемы холодно красовались на высоких ногах. Их было восемь.

***

Спальня поутру была местом преступления, не вызывающим вопросов ни по характеру произошедшего, ни об орудии убийства. Повсюду валялись осколки стеклянных ваз, статуэток. Хозяйка, обнаженная, раскинулась на широченной кровати. Волосы растрепаны, голова запрокинута. Грудь ее, как осиновым колом у вампира, была проткнута тяжелой, цельного стекла скульптурой, как бы обелиском. Он так и оставался в ране (так как воткнулся в пружины матраса), до того, как был бережно извлечен криминалистами для считывания следов.

- Так, а что это за стеклянные предметы, такое количество? -

- Елена Ниловна любила собирать, - проплакала Лариса.

Максим Ромин, чуть слышно, рассказал:

- Это Муранское стекло. Есть островок рядом с Венецией, больше тысячи лет истории. Лена говорила, что когда Муранское стекло преломляет свет, то открывается новый мир. Она любила в этот мир окунаться, гостить там.

- Выходит – коллекция. И как собиралась? – Гуцин боролся за истребление ненужных вопросов. Но, все же. Муранским стеклом была до смерти проткнута жертва.

- Дарили. Она покупала в Москве. Мы ездили в Венецию. А потом, она старалась каждый год, хоть на неделю, выбраться в Италию. С Татьяной ездила, подругой.

- Что ценного пропало в доме?

Только прозвучавший, этот вопрос стал главным. Максим ухватился за мысль. Решив - «что?», когда определят пропажу, станет ясно - зачем? и может быть – кто?

Ларисе разрешили осмотреть гардеробную, Максим прошел в кабинет. Встретились в спальне, без новостей: не было попытки взлома сейфа, нетронутым осталось его содержимое; дизайнерские туалеты, шубы драгоценных мехов в целостности и сохранности.

- Я не вижу ее побрякушек, драгоценностей. Что она носила постоянно – Максим взглянул на Ларису.

- Она на ночь складывала кольца, серьги и браслет на туалетный столик – Лариса в упор разглядывала то место, где надлежало драгоценностям быть.

- Да, бриллиантовый комплект. И еще два кольца, она на среднем пальце носила. И обручальное еще....

Следователь положил руку на исписанные листы: « Обручальное?.... Вот, в протоколе отмечено. На покойнице осталось, не снять».

Максима передернуло.

- Ну вот, ее постоянные украшения пропали – выговорил он чуть слышно.

- Сколько они стоят?

- Не знаю. Дорого. Бриллианты я ей подарил после свадьбы. А два других кольца старинные, от бабушки. Не знаю, дорого.

- Вы должны сегодня, как сможете, описать их мне подробно. – Тут взгляд Гущина остановился на оформленном, как поздравительный адрес, листе. На нем был пропечатан стихотворный текст.

- Тоже ее произведение? – и склонился к заинтересовавшему его объекту.

- Это поздравление. У Елены подруга в Америке живет. Хотела отослать ей экспресс-почтой к Новому году. Читайте. - Предложением Гущин воспользовался.

В назначенный день и назначенный год-

Есть воля к возврату минут и пространства -

Разлука пройдет у Покровских ворот,

Америка – греза, а Русь – постоянство.

Гулять на рассвете в березовой чаще.

Откинуть со лба непокорные пряди,

Решить – этот миг – он и есть настоящий.

Ижить этой жизнью есть чего ради.

Едва ли изменчивый мир тривиален,

Нам звезды светили, манили, молчали,

Когда мы пылливо глядели на небо

Ответ не слышали. Или он не был.

- А что это – начальные буквы в каждой строчке красные, и отдельно стоят?
- Это акrostих. Прочитайте сверху вниз – там обращение.
- Вера Гориенко.... Пойдите.... Так может?
- Ну да. Посмотрите. Она все стихи так писала.

Гущин взял листок с посланием Максиму.

- Это за что же она у вас прощения просила?
- Я с тем и заезжал, чтобы узнать. Она сказала – просто соскучилась.

Зазвонил телефон Елены. Гущин кивнул, Максим взглянул на дисплей:

- Это Татьяна, подруга жены. Что я могу сказать?
- Истерик не будет?
- Не думаю.
- Скажите как есть. Пусть приедет. Может, здесь поговорим.
- Ты можешь сейчас подъехать? Лена погибла... - Все узнаешь. Приезжай. –

Гущин видел, что Максим на пределе. И отправился к консьержке. Или еще какие обстоятельства надеялся выявить.

- Так букет этот точно после вас появился? – спросил он на выходе.
- Не было цветов, они же сразу в глаза бросаются.
- А она именно такие цветы любила?
- Разные.

***

Было начало девятого. Вечерняя консьержка заступила на смену. Ее приходилось сдерживать - так стремительно и достаточно толково из нее, вперемежку с причитаниями, исторгалась информация. – «Вечер беспокойный, так как к Агафоновым съезжались гости, вернее не съезжались, а подтягивались, очень растянуто во времени; нет, чтобы приехать и праздновать, долго собирались.

Ромины - нормальные, никаких от них беспокойств. Елена вчера не выходила. Максим - все точно по времени. Уехал в полдесятого. И здоровается, и прощается. Приветливый.

И, наверное, через полчаса пришел, (да, уже десять было), молодой и какой-то странный. Сказал: «К Роминой, от Гордиенко». Отзвонила. «От Веры?». Вы знаете, она была удивлена. И она говорит: «Пусть пройдет».

И вскоре он ушел, не больше получаса прошло. Стремительно, даже не взглянул. А странный потому, что беспокойный. Какой-то дерганый. Роста выше среднего. Одет? - не как к ним обычно господа ходят, но не раздраный. Шарф большой намотан, шевелюра. Но не космами. Лет, наверное, к сорока. Нет, не вызывал доверия». – Она смотрела на Гущина, будто выкладывала убийцу на тарелочке.

- Он с букетом был?

- Нет, пустой, руки в карманах. А с цветами все, кто к Агафоновым шел. Да, и совсем последний молодой господин, загорелый..., Большой букет.

-Что за цветы? –

- Не знаю. Были в бумагу завернуты.

Тут вошла невысокая, стильно одетая дама и бросила, не глядя: «К Роминым»

- Вы знаете, - начал, было, следовательно... Она глянула так, что стало ясно – знает!

-Я следовательно, фамилия Гущин.

-Татьяна...Евгеньевна Дорофеева. Мне Максим сказал..., она моя подруга. Где она?

-В морге.

Дорофеева, с закрытыми глазами, поворачивая голову из стороны в сторону, прошептала: «Тоже театр..., последняя роль». И так же, чуть слышно, спросила: «Что произошло?»

- Хм..., знать бы. Ее нашла домработница, утром. Подруга ваша погибла, ей пронзили грудь каким-то стеклянным копьем.

- Разбили сердце.... Ну и ну... Можно в квартиру?-

Поднялись вместе. Открытые двери, пустая гостиная. Дорофеева прошагала несколько ступенек, потянулась к отбитой стеклянной лошадиной голове. «Не трогайте, может там следы какие, мы еще работаем» - Гущин вопросительно посмотрел на подошедшего криминалиста, тот предложил все осколки забрать с собой: «В лаборатории посмотрим»

«Там случилось?»- Татьяна вопросительно смотрела на ручеек стеклянных осколков, - «Можно?» - и, не дожидаясь ответа, медленно проникла сквозь дверной проем.

***

«Нет у меня предположений, не знаю. Мы говорили вчера днем и собирались сегодня за подарками, на мост «Багратион». Купить муранских тигров» - она так и не сняла шубу. Сидела, утонув в кресле, Максим курил у окна, Лариса прижалась к дверному косяку. Все собрались в гостиной, молчали.

- А случаем, как писательница, не остались ли какие-нибудь записи. Может, дневник вела? – все эти конкретные, но обезличенные вопросы коробили Максима. Ему хотелось белугой выть, а приходилось давить из себя подробности.

- Елена ничего не сохраняла – ни писем, ни поэтических опытов. Какие там дневники! У нее: миновало – да и Бог с ним, - отделался скороговоркою Максим.

-«Мысль... изреченная... есть ложь», - прозвучало. Татьяна шептала себе.

«Что вы сказали?» - Гущин надеялся, что сможет встретиться с Дорофеевой взглядом.

-Тютчев сказал, - прошептала Татьяна и зябко прижала шубу к груди.

- А Гордиенко эта вам известная личность? – обратился Гущин.

Ответили одновременно. «Мы виделись» - Максим и «Конечно» - Дорофеева.

- А что это за деятель, кого Гордиенко вчера к покойнице присылала? Консьержка рассказала – приходил.

- Кто ж может знать? Может, из Америки кто, с оказией.

- Да позвоните ей, она и скажет, - Дорофеева написала номер.

- Сейчас в Колорадо ночь, - озвучил Ромин течение мысли.

- У них ночь, а у нас смерть, - Татьяна устало поднялась. – Прости, Максим, я пойду. Ничем я не могу помочь, ни ей, ни тебе.

- Вы можете помочь следствию!

«Какая жуть!» - твердили мысли, но Дорофеева сказала должные слова: «Когда будет нужно, я смогу это сделать. Сейчас нечем. Вот мой телефон. Завтра, или когда еще. Звоните Вере, я тоже ей позвоню. Не сейчас». И она стремительно двинулась к лифту.

***

Гордиенко трубку не взяла. Тогда Гушин попросил собрать все в доме фотографии.

Их было немного. Максим объяснил, что Лене «какие-то фото» были ни к чему. – «Она не жила ни воспоминаниями, ни мечтами, ну, сколько я знаю...». «Что же, только сегодняшним днем?».

- Да нет, сегодняшним днем она совсем не жила. Она жила... своими чувствами... в своем мире...

- Странная какая она у вас была. -

Гушина остановил схваченный камерой миг: Елена Ромина, темные волосы на ветру, напряженная поза сопротивления, шляпа, с трудом удерживаемая рукой. Динамичная, безумно живая. И следующая фотография – то же солнце, море, и Елена – крупный план. Не улыбка, а радость в глазах. Красавица.

«Это Венеция, этим летом». «Вместе были?»; «Она ездила одна...»

***

Консьержка пристально изучала каждое фото.

- Мы посменно дежури́м в подъезде. Только Дарья Иванна больна третий день. Так что я очевидец всех этих событий.

Фотографий то было всего-ничего, а остались уже единицы. Гушин уж было отчаялся, когда она позвала, не отрывая взгляда от объекта, и ткнула пальцем: «Это он».

На фотографии были трое, Елена, молодая совсем; девушка и юноша за правым плечом.

-Этот приходил вчера. Максим Петрович ушел, а он появился. Других не видела.-

***

- Давнишняя. Это Вера Гордиенко. – Ромин разглядывал фотографию. – Мужика не знаю. -

- Звоните в Америку.

Максим взглянул на часы, в Колорадо как раз время к полудню.

- Письмо отправьте электронное, карточку отсканируйте. Кто такой?...-

Максима лихорадило, но Гуцин диктовал, почти приказывал. Он знал как важно время, да и Максим забывался в подчинении и смене действий.

Пока Ромин возился у компьютера, Гуцин рассматривал фото. Елена не смотрела в кадр, чуть в профиль. Она выискивала что-то вдали, слегка восточная, почти красавица. Вера смотрела на зрителя пристально и очень дружелюбно. Открытое лицо, приветливое. Молодой человек позировал.

Максим прилип к экрану монитора, и что-то пристально рассматривал. Гуцин приблизился и занял место второго ряда. Ромин нашел стихи, и следовательно, вслед за ним, прочел:

Усталые часы, некстати,
 Бьют полночь. Не видать ни зги.
 Есть время..., но его не хватит...
 Йоркширский пес седой тоски
 Мне памятью терзает душу
 Едва забрезжит призрак дня.
 Нет сожалений у меня.
 Я сломлена и безоружна
 - У.Б.Е.Й.М.Е.Н.Я. Это она писала? Вам?

И, только через большую паузу, Максим выговорил:

- Елена. Смотрите – в почте два письма. Одно ко мне. Его я отдал. А это - кто же знает – кому? Адрес nizaro@columbus.com. Я не знаю. Письмо сохранено, как черновик. Отправила она его, или собиралась – какая разница?

В этот момент зазвонил телефон следователя. Он выслушал. Взглянул на Ромина, с предельной осторожностью спросил:

- Простите, у вас были вчера с супругой... отношения?

Максим застыл в недоумении, потом прошептал: «Что?», и потом: «Ее... изнасиловали? Прежде чем убить?»... И зажал голову руками. И через мгновение, стиснув зубы, полупшепотом, решительно отчеканил:

- Я звоню Вере, а потом вы оставите меня. Я не насиловал, не убивал..., я сам жертва и если для Елены уже все, то я должен еще собраться и проститься с ней.- Выдолбил номер на клавиатуре телефона.

- Вера? Ромин Максим. Прости, у нас горе. Елены не стало.... Потом.... Посмотри письмо в компьютере, кто это с вами на фото, - и, выслушав, Гущину:

- Никита Поленов. Он художник, живет на Сретенке.... Вот телефон...

***

Гущин набрал мобильный номер. Абонент не отвечал.

Пришло время сказать себе: «Завтра». Охотничий гон обузда усталость. «Завтра» стреножило бег мыслей, переключало.

***

Утро началось с кабинетной работы. В заключении криминалистов не определенные идентификацией следы пальцев были обнаружены на дверной ручке, вазе с цветами, перилах, кое где на стеклянных осколках и на главном вещдоке – обелиске.

Елена не сопротивлялась убийце, более того, она разделась сама. И занималась любовью. Наверное, с будущим убийцей. Он вошел в нее, а потом пронзил сердце стеклянной молнией. Так в переводе с языка заключения патологоанатома выглядела история последней любви Роминой.

Но на скульптуре сохранились следы двух неизвестных рук, и это даже как бы коробило.

Гущин набрал номер Веры Гордиенко, представился. «Всего несколько вопросов. Зачем вы посылали Поленова к Елене?». Голос Веры был чист и проникновенен, речь как бы состояла из отрывков музыкальных фраз. «Я, думаю, Никита боялся, что Лена не захочет его видеть. Я не посылала его. Они давно не виделись, жизнь развела. А я с ними в отдельности продолжала быть близка. Вот он мог, поэтому, на меня и сослаться. А что, он сам не мог объяснить? Я не могу ему дозвониться». «Еще не беседовали. Ромина была найдена убитой после визита этого Поленова». – «Найдите, поговорите с ним, я думаю - он расскажет. У него проблемы, но... Вы думаете – он убил? Лену? Нет, нет. У него разлад в душе, он нуждается в помощи и ... пальцем ни кого не тронет...» «Он был любовником Роминой?». «Никогда! Позвоните после разговора с ним, а я буду думать».

***

Гущин поехал на Сретенку, в Костянский переулок. Дверь открыла немолодая женщина, волосы плохо прибраны, исхудалая, большие горестные глаза. Она, изучающе, посмотрела на гостя, и спросила тихо: «Что вам еще надо? Разве он не рассчитался с вами?». «Постойте, вот удостоверение. Я майор Гущин Виктор Васильевич. Мне нужен Поленов Никита».

«А... я думала... Никита в мастерской, сегодня там ночевал», - «Вы кто ему будете?» - «Жена» «А что телефон не берет?» «Это нормально, когда он пытается работать. Так зачем он вам?» «Где мастерская?» «На Масловке. Давайте, я вам покажу».

В коридоре с высоченными потолками шаги дробно сотрясали тишину. Остановились у двери под номером 25. Анастасия, супруга, тихонько постучала, потом еще. «Никита, это я». Еще постучала и, при отсутствии ответа, вопросительно посмотрела на следователя. Перехватив взгляд, медленно опустила глаза, да так и оставила их на полоске света, пробивавшегося из-под двери.

Участковый, понятые, плотник - все заняло минут двадцать – дверь открыли. Поленов Никита Михайлович, сорока трех лет от роду, с исколотыми венами, уткнувшись в грудь подбородком, уже не хотел ни дозы, ни еще чего, бездыханный и остывший. Мастерская походила на захламленный склад. Только расчищенный уголок у стены, где стол, диван, хозяин. «Я думаю - не криминальный» - предположил судмедэксперт.

Анастасия все рвалась к мужу, но труп унесли. Гуцин попросил ее проехать в отдел. Анастасия, незамедлительно, начала рассказ. Вернее – поток воспоминаний. Рефрен в рассказе так звучал: «Вы не представляете, какой Никита был замечательный». Гуцин записал в протоколе: « Был успешный художник-портретист, много заказов. Психопатический тип. Клиенты не нравились, работал ради денег. Своего рода слава. Пить особо не любил. Жена узнала о наркотиках лет пять назад. Не лечился. Типичная картина. Зависимость. Работать не вмоготу. Деньги кончились. Набрал заказов, предоплата. Последний уговор – лечиться. Необходимы деньги».

- И вы знаете, вчера он нашел. И чтобы предоплату отдать. Он говорил клиенткам, что едет работать во Францию. Их напишет по возвращении. Не говорил, кто выручил, но у него много друзей. И отдал мне сто тысяч. Говорил – завтра поедем в клинику. Нашли хорошую, под Москвой. «А мне сегодня один портрет дописать и отдать надо». И уехал..., а я ждала.

- Да, госпожа Поленова, тяжелые обстоятельства. – Гуцин вздохнул. – Мы будем разбираться и разберемся. А вы пока дома побудьте, вы понадобится.

- Хорошо. Я буду ждать.

***

Отзвонились дактилоскописты. Пальцы Поленова оставили следы присутствия хозяина у Роминых. На ручках, на перилах, на обелиске. На осколках стекляшек, вроде, не нашли.

И в мастерской Поленова, где, казалось, картина ясна, присутствие своего постороннего тоже обнаружили. На шприце, поверх пальцев Никиты, были еще чьи-то.

Резиновый жгут с чужими четкими рисунками. И верхняя запыленная картина, на сколоченной в изголовье дивана полке, хранила свежий отпечаток. Будто пальцами на нее опирались. И это был не Поленов. Анастасия уверяла, что Никита, как правило, в мастерской посторонних не терпел. Работал он у заказчиков, а в мастерской искал лучшее фоновое решение.

- А друзья-то, у него, какие были? Приятели?

- Ну, конечно, у него было много друзей. Ну, раньше. А с кем из них он общался – не знаю. Мне подъехать?

- Я позвоню.

Гущин выехал в мастерскую Поленова с помощниками. Нужно было все картины просмотреть и описать. Работали не зря. На стеллаже, на отдельной полке, аккуратно проложенные друг от друга и прикрытые куском атласной ткани, стояли пять портретов одного периода – Елена Ромина в ранней молодости. И они отличались от более поздней портретной галереи.

На одном - Елена у балетного станка. Правая нога дерзновенно устремлена в небо, параллельно поднятая и мягко округленная рука делает стремление более сдержанным. Горделивый профиль (голова повернута влево, взгляд не читается) убедительно подчеркивает решительность позиции конечностей – «идите, я сказала все».

На другом - Елена обнаженная и вся удлинённая, среди зелени и желтизны диковинных растений.

Еще была Елена в кресле, с нарочитой гримасой лица. Елена осенью, с фоном из опавших и падающих листьев. И Елена наивная, вскинув глаза в ожидании откровения.

Да, была Елена в жизни и творчестве Поленова. И оставалась до последних дней.

***

- Картина, в общем, ясная, Валерий Семенович, - докладывал Гущин руководству, - и версия существует, только результатов экспертизы ДНК ждем.

- И с чего художнику этому свою бывшую возлюбленную убивать?

- Во-первых, Поленов продолжал Ромину любить. Уж больно бережно хранил ее портреты. Ну, если и не любил так сильно, то деньги ему требовались позарез. Заказчики хотели получить предоплату. А сам намучился с зависимостью, и надеялся с наркотиками завязать. Пролечиться. На это тоже деньги нужны.

- Слишком все обще. Как ты видишь ситуацию?

- Поленов приходит к Роминой просить денег. Она отказывает. В нем просыпается давняя любовь и ревность. Он насилует ее, и, от отчаянья, убивает. Потом крадет драгоценности. Отсюда деньги на лечение, возможность расплатиться с должниками. Пришел, неожиданный. Ушел стремительно. И пальцы его на стекляшке. Он же наркоман. Может, и приходил под кайфом, или ломка была. А потом, когда дошло до него, что наделал, тут и вколол себе под завязку.

- Имеет право быть. Ждем экспертизу.

***

- Анна Андреевна, милая моя, хорошая, что же такое стряслось? – Марина приехала в Москву всех повидать, а теперь сидела перед Вербиной старшей. – Я не могу в это поверить, у меня не получается.

- Вот и стряслось, хочешь – верь, хочешь.... С Тиной вчера разговаривала, она все пытается – как у вас? Как? Я и не говорю пока. Но придется. Не простит, если Елену свою не проводит.

Тина уже год как жила в Испании. Работала в балетной труппе. А Марина стажировалась в Колумбийском университете, приехала на месяц из Нью-Йорка.

- Сначала они писали, что Ромин убил свою жену. А теперь следствие открыло, что она погибла от руки любовника наркомана. Я позвоню Максиму. Я хочу поддержать его.

- Правильно, девочка. Тут что-то не так.

***

- Максим совсем никуда. Он не может ни понять, ни объяснить. Только твердит, что не убивал, и про птицу Феникс что-то. И про предсказание в стихах. Да кто ж его подозревать-то может?

- Он тебе-то рад? Видеть хочет?

- Об этом не говорили. Да и в утешительницы я не пойду. Так, сострадание.

- Сострадание - хорошо. Но помочь разобраться надо. Если получится. Мы можем с тобой навестить Максима Петровича?

- Спрошу.

***

Даже на лестничной клетке, у закрытых дверей, чувствовалось, что в доме предстоят похороны. Тело увезли в морг, но смерть осталась в избранном жилище.

Максим помог раздеться. «Спасибо, что пришли. Проходите» - сказал он механически и, следом за Анной Андреевной и Мариной, прошел в гостиную.

- Это моя тетушка, Клавдия Ивановна, - и представил тетушке посетительниц.

Какое-то время молчали. Марина преисполнилась горести: исчез привычный господин Максим Ромин. Знакомые черты с трудом просматривались в осунувшемся и измученном хозяине дома, все действия которого производились через неволю. Тетушка оказалась женщиной крупной, с властным и даже вызывающим выражением глаз, затаившихся на малосимпатичном лице. «Ну, мы-то за себя постоим» - вот что выражал ее взор.

Анна Андреевна нарушила тишину. Не нарушила, а просто влила звук голоса в молчание тяжелых мыслей.

- Максим Петрович, прости, чем мы можем тебя утешить? Только помолчать с тобою скорбно. Так и сделали. Но гибель супруги твоей таинственна и насильственна. И, чтобы жить дальше, нужно сделать трагедию раскрытой. Узнать, откуда пришла. Ты веришь – я только добра тебе желаю.

- Да, да, спасибо. Но ведь ведется следствие. И они говорят, что «нащупали нити», а скоро будет полная ясность.

- Я следствий никаких производить не собираюсь. Но я хочу помочь тебе, Тине, Марине. Всем, кто знал погибшую. Ты не обессудь.

- Вы что же это, провидица какая будете? Или наша русская мисс Марпл? – включилась тетушка, и на лице ее читалось осуждение.

Анна Андреевна смотрела на Максима. И он встрепенулся.

- Да, да, конечно. Не знаю, в чем ваша помощь может выразиться, но я хочу принять ее. В любом случае, с благодарностью за участие.

И впервые посмотрел на Марину, с открытой болью и теплотой.

- Анна Андреевна поможет, - как бы ответила она.

Сначала Вербина поднялась в спальню, прибранную, но зловещую. Пробыла там некоторое время. Максим показал почту в компьютере, распечатанное стихотворение - тоже. Сохранившееся стекло. И фотографии Елены. Вербина пристально вглядывалась.

Марина, с тетушкой, молчали в гостиной.

- А где фото с художником, о котором в газете писали? – задумчиво спросила исследовательница.

- Оно в материалах у следователя.

- Вы не могли бы выяснить, когда можно подъехать к нему? Скажите – у меня есть информация, что может быть интересной.

Максим узнал моментально.

- Сегодня в четыре.

***

- Ты должен собраться. Не барышня, чтоб вечно горе горевать. Помнишь? – какие бы не были горести – они пройдут. Надо только не сходить с пути. А он намечен правильно. Ведь ты же боец, Максимушка.

Тетушка Клавдия Ивановна присела рядом с Роминым и проговорила речитатив ровным, внушительным голосом. Он поднял голову, встретил ее убежденный взгляд

Настенные часы, подгоняя, отсчитывали время.

***

Когда Марина и Анна Андреевна вышли на свежий воздух, они, не сговариваясь, остановились, словно отдышаться.

- Вот видите – Максим совсем не свой. И атмосфера жуткая, и эта тетя.

- Да, - Анна Вербина качала головой, - Все это может вылиться в психоз. Он о каких-то кошках думает, и крышах. И, похоже, мемуары собирается писать. Во всяком случае, как память о Елене. Все время к этой мысли возвращается. «Время, - думает, - начинаю я рассказ о Лене».

- Ну, он из тех, кто справится со всем. Не исключу, что он играет горе.

- Но ему нелегко – это ясно.

***

Следователь Гуцин и Анна Вербина встретились. И, не начиная разговора, какое-то время друг в друга вглядывались.

- Так какой же информацией вы располагаете, - спросил Гуцин, слегка откинувшись в кресле и положив руки на подлокотники.

- Моя дочь была любимой ученицей Елены Ниловны, замечательного педагога. А воспитанница Марина чуть не вышла замуж за Ромина два года назад. Так что моя информация о доубийственном периоде почти полная, уважаемый Виктор Васильевич.

- Это интересно, и очень поможет следствию. Спасибо.... – и он вопросительно посмотрел на посетительницу.

- Анна Андреевна – выручила Вербина. Мой муж – доктор наук, профессор, астроном. Моя мать – доктор наук, профессор Вербина. Она психиатр, ее научные труды изучают во всех вузах страны и мира. Я старалась впитать откровения неба и тайны человеческой души, и это тоже моя информация.

- Все это, Анна Андреевна, очень впечатляет. Но какую ПОЛЕЗНУЮ информацию вы можете дать нам по делу Роминой? Или ее убийцы Поленова? Они в одном морге обслуживаются.

- Виктор Васильевич, поверьте мне. Я хочу получить информацию, нужную всем. И попытаться внести ясность, пока не поздно.

- Да куда уж спешить, всех поубивали.

- Вот. Шутите вы горько. Нравнодушный. Виктор Васильевич, случается, я предвижу будущее. И в тайнах прошлого бывают откровения. Вот вы сейчас думаете: «А черт те что городит эта дамочка. Отчего же миг такой напряженный, будто в преддверии события?»

- Не события, а открытия. Да и кто вам сказал....- и Гуцин не договорил. Смотрел на Вербину испытующе. Молчал не долго.

- Так, незаурядная Анна Андреевна. Спасибо, что пришли, и намеренья у вас добрые..... Мы не совсем серые, слышали о Мессинге, Ванге.... И если ваши опыты не растянуты во времени, то давайте попробуем.

- В первую очередь я хотела бы видеть скульптуру.

Вербина тщательно осматривала абстракцию. Некоторое время, сомкнув веки, держала на ней ладони. Проглаживала руками по всей протяженности. Потом отставила, окинула взглядом, и сказала: «Дальше».

- Да, Анна Андреевна. Вы скажите только – что?

- Покажите мне фотографию, где Елена и художник вместе. –

С фотографией Вербина разобралась быстро и, возвращая, наметила:

- Нужно в морг. И, Виктор Васильевич, это будет точка.

- Как точка? Вы скажите, кто убийца?

- Нет. Точка опоры. И будет, что сказать.

***

И в морге пробыли недолго. Сначала Вербина занималась Еленой, да и почти все время ею. Анна пытливо всматривалась в застывшие черты, как бы беседовала с покойницей. Ее интересовали руки. Много смотрела на смертельную впадину.

- Прямо в сердце попал и разорвал его, - Гущин шепотом то ли уточнил, то ли разъяснил. Анна Андреевна заметно думала.

- Давайте на художника посмотрим.

По сравнению с открывшимся беднягой Поленовым, Елена была торжественной мраморной богиней. Никита.... Видимо, последняя доза сразу оборвала его существование, не успев разглядеть черты в блаженном забвении. Косметологу предстояла большая работа перед прощальным ритуалом.

Анна Андреевна встала между покинувшими этот мир. Поочередно взглянула. Сама прикрыла лица простынями, и, повернувшись к Гущину, медленно, но уверенно пошла к выходу.

***

- Художник не мог убить Елену, да и не сделал этого. Нужно работать со скульптурой, - Анна Андреевна выглядела усталой и неудовлетворенной.

- Как, Анна Андреевна? Но столько улик и мотивов, - цеплялся за версию Гущин.

- Послушайте, Виктор Васильевич. У вас одна из версий. Ищите другую. В скульптуре этой огромный заряд негатива до сих пор ощущается. Она и сама кого хочешь убьет.

- Я ее в сейф убрал, где вещдоки. И запер, - вяло усмехнулся Гущин.

- Правильно, - но Вербина вернулась к задаче. – Виктор Васильевич, давайте узнаем историю этой художественной загогулины. Наверное, Ромин знает.

Максим знал только о приблизительном времени появления скульптуры в коллекции – середина минувшего октября.

- Вы справьтесь в галерее на мосту «Багратион», - отослал Максим.

Связались с галереей «Венеция». Там знали постоянных клиентов, и Елена Ромина была из их числа. «Ей всегда сообщали о новых поступлениях, но она и сама часто привозила стекло с Мурано». Подъехавший консультант, при первом взгляде на сине-серебристую скульптуру определил: «Эксклюзив. Не от нас. Островок маленький, мы работаем со многими фабриками, знаем всех маэстро. Взгляните на подставку, изделие должно быть подписано». Автографа не было. Только надпись: «Великолепная». Название? «Вы можете связаться с этим островом? Пусть помогут определить, что за работа, когда куплена?» - Гущин обратился с просьбой и тут же подумал: «Чушь». Консультант сделал снимок, обещал навести справки.

Анна Андреевна собиралась распрощаться, но Гуцин ответил на телефонный звонок.

- Подождите, пожалуйста, это Ромин. – И он выслушал Максима, поспешил ответить:

- Скажите этому господину, что необходимо к нам приехать, и чем скорее, тем лучше. Максим Петрович, забирайте его со всем, что есть в наличии. Тут Вербина, мы ждем вас.

С Роминым приехал некто Венедиктов, владелец ювелирного салона. Максим, представляя коммерсанта, отметил давнишнее знакомство, полное доверие и, можно сказать, «дружбу домами».

- Вот. Аркадий Борисович был в отъезде. Сегодня узнал, и тут же позвонил.

Аркадий Борисович положил на стол следователю небольшую деревянную шкатулку и сказал: «Пожалуйста». Виктор Васильевич вынул лежащие сверху листки. Глазам предстали драгоценности.

- Вечером двадцать третьего, около десяти, мне позвонила Елена Ниловна. И сказала, что с просьбой. Суть такова: завтра утром ей нужны деньги. Готовит для супруга сюрприз. Помню ли я бриллианты, купленные ими в салоне? Сумма нужна немалая. Она напомнила про два старинных кольца, которыми моя жена любовалась. Так вот, смогу ли я, взяв драгоценности в залог и получив от нее расписку, дать ей наличными пятьсот тысяч рублей? Буквально на неделю, до Нового года. Я не мог ей отказать. У меня не ломбард, но это близкие люди.

- Спасибо, Аркадий. – Максим почти забыл, что в этом мире зла, встречается добро. - Ты же знаешь – Елена имела полную свободу, и всегда разумно распорядилась ею.

- Да у меня и сомнений не было. Только был вечер на дворе. Я предложил встретиться завтра в офисе.

- Как рано? – спросила она. - Простите, но дело спешное.

Я сказал: «Давайте в десять».

- И еще, Аркадий Борисович, – говорила Елена, - Давайте я вам драгоценности пришлю, напишу расписку и доверенность. И подъедет к вам Никита Михайлович Поленов, он мой родственник. Он сейчас рядом, так что я отдам драгоценности, и расписку для вас. Если вам нужно подтверждение от Максима, то, конечно, я поговорю с ним. Но это будет не сюрприз, и, наверное, я отменю свою просьбу.

– Я ей сказал – пускай родственник приезжает, а для меня в радость поспособствовать. Новый год на носу, самое время близким подарки готовить.

- « Я знала, что могу обратиться.

- Ну, мы свои люди».

- Таким образом, это попало ко мне. И я сразу, как узнал, позвонил Максиму.

Гущин развернул бумаги. От руки. Расписка Елены. Доверенность на Поленова, расписка от него.

- Пришел – вежливый, интеллигентный. Тихий. Вот и все, - Венедиктов вздохнул с чувством исполненного долга.

Максим переводил глаза с Вербиной на Гущина. Гущин будто вопрошал Вербину взглядом. Анна Андреевна как бы искала что-то за горизонтом.

- Это далекая история, - сказала она неожиданно.

***

Наутро позвонила Дорофеева и изъявила готовность приехать, «если я нужна». Договорились на двенадцать. И Гущин связался с Вербиной.

- Да, я хочу послушать, что и как есть в представлении этой дамы – она ведь самая близкая подруга убитой? Ее не смутит мое присутствие, ведь я посторонняя.

- Не думаю, что она будет проверять документы. Да и вы, уж простите, вы теперь для всех мой консультант. А, на самом деле, я ваш помощник.

- Виктор Васильевич!?

- Знаем, Анна Андреевна, уж как знаем.

***

- Так послушайте, что в этой истории очевидно, и что предположительно, - Анна Андреевна не тратила время, пока они сидели у Гущина в кабинете в ожидании посетительницы.

- Скорее всего, художник Поленов тоже жертва, и не случайная. Хотя я не вижу жестокой агрессии. И. скажите мне, Виктор Васильевич, есть ли у покойной Елены близкие родственники?

- Есть мать, Но только исторически. Они не общаются долгие годы. Даме уже к семидесяти, но у нее молодой муж, чуть ли не двадцать пять лет разница. Другая жизнь.

Ей позвонили. «Бедное дитя, как сложно ты жила. И как оправдан в этой жизни такой трагический финал, - сказала она нараспев, а потом сухо и по-деловому.- Я давно не виделась с Леной, а она была живая. Я не хочу увидеть мертвое дитя. Я в памяти храню ее ребенком». И повесила трубку. Так что с родственниками не густо.

- Тут такая ситуация – все мне кажется, что расплатилась Елена за чужой грех. Несправедливо, но так судьба распорядилась. Наверное, личность была слишком яркая. Вот и погасили.

***

Татьяна Дорофеева – элегантная и ухоженная – вопросов не ждала, и намек на беседу не предполагалось в программе ее визита. Она сразу начала монолог.

- Я к гибели Лены никакого не имею отношения, и представить не могу, кто так жестоко распоясался. Это вообще трагедия, прямо таки Шекспир. Но для меня особый удар - мы росли вместе, и все время по жизни были рядом.

- Мы, как в девять лет пришли в хореографическое училище, так подругами и стали. Ну, так это, наверное, называется. Я ведь тоже балериной была, даже вроде солистки среднего звена. Да вот, располнела после родов. И муж дома оставлял. Вот я и решила – чего надрываться. Как сейчас вспомню, сколько сил балет вытягивал, аж нехорошо делается.

- А Леночке все легко давалось. Это мы, со средними данными, надрывались и корячились. Она же, с первого показа, все сделает правильно. Какую позу не примет, все ахают – эталон. Счастливчики, говорят, рождаются в рубашках. А Гусева - с красным дипломом.

- Ну, конечно, зависть была черная. Отбирают туда из ста пятидесяти, даст Бог, одну. Так что все раскрасавицами себя считали. И фигуры, и балетные данные. И тут вдруг не первая среди равных, а просто самая первая. Застрелиться можно.

- Я - то знаю – Лена искренняя была, умная и простодушная. И обиды не держала. А уж, сколько вокруг злопыхательниц крутилось. Она мне все говорила: « Да брось ты, мне их жалко». Чего жалко?

- Но только первенство это было до середины обучения. Как пошло наращивание техники, так и ушла она из звезд. Красота линий, выразительность – все сохранилось. Но, при огромном подъеме, когда свод стопы уже сам как выразительное средство, на пуантах не распрыгаешься. И прыжок, при таких изящных ногах, небольшой. Да, и что там говорить. Научиться правильности движений для нее не составляло труда, а работать ее никто не научил. И так, все говорили, все от Бога.

- Но у нее, действительно, все было от Бога. От Бога было отсутствие амбиций. Пророчили в примы, а взяли в кордебалет. Ну, в Большой, конечно. А она искренне спокойно восприняла такое распределение. Ведь некоторые номера, где техничность не требовалась, она танцевала почти гениально.

- Мы стали взрослыми. Артистками. Все ухаживали, нарасхват приглашали в гости. Вот тут и появились Вера Гордиенко и этот, Никита Поленов. Не помню, где мы встретились. В каких-то гостях. Вера была влюблена в Никиту. А тот, как увидел Елену, так голову и потерял. И начал преследовать. И вышло так, что Никита не отставал. И Лена его пожалела.

Тут Гущин вмешался:

-Так Гордиенко сказала, что Ромина с Поленовым не были любовниками.

- Они и не были. Только, как представлялся случай, Никита прямо-таки умолял. Ей и некуда было деваться со своей жалостью. Вот и трахались. Это не любовь. А Веру никто в известность и не ставил. – Дорофеева передохнула и продолжила:

-Теперь я вам расскажу, как Лена перестала быть балериной. Тогда было модно пить вино. Никита-художник сам пил, и не сомневался, что все вокруг выпить мечтают. Потому что жизнь становится праздником, а у него появляется вдохновение. И он упросил Елену попозировать еще – он много ее старался писать. В театре выходной. Позировать – не велик труд. Она и согласилась. Приехали в мастерскую, а там вина сухого море. И полный кавардак. Они выпили немного. Потом стали разбирать захламленное пространство. Какие-то крупногабаритные картонные коробки собирались позже отнести к помойке. Потом выпили еще, и ужасно развеселились. Молодость безрассудна. Видимо, выпили еще.

- В итоге Никита проснулся в камере милиции. И, полупьяный, как свободный человек, стал требовать воли и разъяснений.

- Сейчас, будут тебе разъяснения. Только уточню, жива ли твоя подружка, или скончалась, - информировал дежурный. Поленова забрали из мастерской, когда по вызову очевидцев приехал милицкий наряд. Елена Гусева, вместе с листом картона, вылетела с третьего этажа на газон и была доставлена скорой помощью в больницу на предмет определения пригодности к дальнейшей жизни.

- Так они убрались в мастерской.

- А мать Елены? Вы же знакомы с ней. И, наверное, Елена не была еще отрезанным ломтем? – Гущин тщательно расставлял всех фигурантов расследуемой истории по, возможно, принадлежавшим им местам.

- Алла Аркадьевна приехала в больницу, и, после долгой театральной паузы, промолвила: «Как жаль, что ты не упала с десятого этажа». Сожаление, заряжающее оптимизмом.

- Елена выжила, но здорово разбилась. Опасались за позвоночник. И долгое время одна нога была другой короче – неправильно срослась. Вытянули, подровняли. Внешне все стало как прежде. Но какой уж тут балет. И Поленова она «отжалела». Да он и сам все ходил побитой собакой. А скоро выпал из орбиты.

- И девушка наша совсем другая стала. Исчезла открытость. Ушла доверчивость. Изменились, ну, не знаю, жизненные позиции, наверное. Раньше театр был ее миром. И рухнул вместе с ее падением. Но, вы знаете, она не стала унылой, и потерянной. Это свойство характера, удивительное свойство. Пока в больнице, и за все время выздоровления, Елена очень сблизилась с Верой Гордиенко. Та училась в медицинском, но не это главное. Все время навещала. Они беседовали, вопросы обсуждали, ну, прямо, философские. А я – куда же мне деваться, Лена мне ближе, чем родня.

И тут Татьяна заплакала, беззвучно, горько, безутешно. Слезы просто текли по неподвижному скорбному лицу. Она подхватывала их платком, успокаивала. И продолжила через минуту.

- Елена создала свой мир. Она читала, слушала своих любимых классиков. Согласилась преподавать. Как Маленький принц у Сент-Экзюпери, она ухаживала за своей планетой. И большего ей, действительно, не надо было. И, чтобы в конец не бедствовать, переехала из двухкомнатной квартиры в однушку.

- А Максим Ромин не вторгался. Он предложил охранять ее мир, предложил себя в вассалы. Или, как называются преданные рыцари? Он не требовал многого от нее, он предложил ей себя. И, наверное, Елена действительно полюбила рыцаря.

- Я была ее подругой, да и есть. Она просто раньше ушла. Но не было у нас этой пошлой доверительности. И болтать, свои обстоятельства и чужие жизни обмусоливать, - никогда не бывало такой практики.

- Все было нормально. В конце прошлого лета мы собирались в Венецию. Я не смогла. Лена ездила одна на две недели. Говорила – очень повезло с погодой.

- Встречались, перезванивались.

- А Никита Поленов никак не мог убить. Он размазня, а не человек действия. Только канючить и умел.- Последние фразы звучали раздельно и обрывисто, голос угасал.

Пауза обозначилась, но не успела зависнуть.

- С господина Поленова уже сняты все подозрения. Вопрос в том – кому его-то понадобилось убивать? И с Еленой Роминой вопрос открытый, - отрапортовал Гуцин.

-Прими, Господи, ее душу, - прошептала Дорофеева. И направилась к выходу.

***

- Комета она была, Елена Ниловна,- Анна Андреевна размышляла, - яркая, стремительная комета. Это я вам как жена астронома говорю. Загадочное было в ней нутро. Как ядро кометы – не поддающееся исследованию. И светящийся хвост, всегда отвернутый от солнца. Зачем ей ориентир солнца, когда энергии хватает на самостоятельность. Промчалась, стремительно, но остался хвост загадок. А какие вести с Мурано?

- Нашли мастера, мы с переводчиком сегодня дозвонились. В августе сеньора, (не первый раз заезжает), сделала заказ. Предложила эскиз. Задача не очень сложная. Важным было цветное решение. Техника сбруффи. Цвет темно-синий с серебром. С ней был молодой человек. Разговаривали по-русски. Мастер написал «Belissima», потому что сеньора очень красивая. Отправил в октябре по адресу в Москву.

- Ну что, прекрасная комета, кто был твой спутник? – пыталась Вербина. - Твой след простыл, а «некто» только нарисовался в реактивных силах твоего векового ускорения.

- Мне что, консультанта из планетария пригласить, чтобы понимать, о чем речь? - Гуцин занял позицию.

- Нет. Надо узнать, нет ли каких новостей у Ромина.

- Вера Гордиенко летит в Москву.

- И дочка моя приезжает.

***

Неожиданно, по нулевой слякоти и кашице подтаявшего снега, ударил мороз. Все спешили и падали. Но город посыпали, скольжение остановили. Холод нагонялся ветром, а к вечеру к вихрю подключился снег.

В столовой разожгли камин. Обедали молча. Тетушка начала собирать чай, и Петр Михайлович приступил к попытке разговора.

- Какие-нибудь новые версии появились у следствия? – спросил он осторожно.

- Не знаю, батя, кто ж мне докладывать станет? Главное, сказали, что можно хоронить.

- И на когда назначили?

- Ее подруги из-за границы летят. Вот выяснится, когда в Москве будут, тогда и определимся.

- Что ж, пора, не все ей в морге сохраняться, - включилась Клавдия Ивановна.- Больно смотреть на тебя, Максим.

И опять повисла тишина. Тут Максим поднялся и двинулся к кабинету.

- Почту посмотрю.

Петр Михайлович последовал за ним. Если где и отказывали ему больные ноги, то в доме своем он был им полный хозяин. Да и вообще, он выглядел, как чуть располневший и достигший возраста Максим, и весьма бодрый.

Кабинет, хоть и обустроенный согласно домашним привычкам хозяина, был полностью оснащен техникой современного офиса. Так что Максим, навещая отца, мог контролировать деловые процессы своих объектов. Или вообще не контролировать, как сейчас.

-Я ВСЕ смотрю, Максим. И мелкие распоряжения, если надо, от тебя произвожу.

- Спасибо, батя. Насчет этого я спокоен.

В почте была записка от Веры.

- Из Америки подруга завтра прилетит. Вера зовут, Гордиенко.

-Ну и хорошо.- Так текла беседа.

***

- У тебя с балансом все в порядке и в новый год мы выходим в прибыли. – Петр Михайлович думал подбодрить сына. Максим, молча, вернулся к камину.

- Ты, Максимушка, как сейчас серьезные слова выслушать? - Вопрос повис в воздухе. Отец и тетушка собранно и даже торжественно сидели у стола. Максим поднял на родственников глаза. И присел к столу, демонстрируя готовность.

- С того времени, как Игорь погиб, у тебя были трудные годы. Ты и делами спустя рукава занимался. Все не развалилось, потому что мы в силах еще. И бизнес твой в норме, развивается.

- Да, папа, ты же знаешь, как я ценю. И это общий наш бизнес. Я только представляю, а что бы я без тебя.

- Елену не вернешь. Но разве мы хоть слово тебе сказали, когда ты объявил о женитьбе? - «Пожалуйста, Максим. Тебе жить, твой выбор».

- Но я-то всегда думала, что ни к чему нам балерины и поэтессы в семью, - с горечью проговорила Клавдия Ивановна.

- Не важно, кто что думал, - продолжил Петр Михайлович. – Важно, что мы, сынок, всегда уважали твои решения. А теперь вот ты подумай. Может, не сейчас. Может, позже. Но подумать ты должен, что время забав миновало. Тебе уже к сороковнику. И тебе нужна домашняя жена, чтобы поила-кормила, и детей нарожала. И жили бы вы полным домом, да и старики на что-то да сгодились.

И пока рассказывал все это Петр Михайлович, в Максиме происходило трепетание, потом волнение. И, когда замолчал отец, Максим далеко зашел в мыслях, и даже в мечтах. И, как будто, все свершилось – он возвращается домой к веселой и влюбленной жене, с криками сбегаются дети, все собираются к столу....

- Да, батя, волшебницы не для нас...

Искал и не нашел сигареты в карманах.

-Я, пожалуй, у вас переночую. Ишь, снег как несет. Я только за куревом сбегая. Ты же в доме не держишь для невозможности соблазна.

Дом стоял во второй линии от Боровского шоссе. На противоположной стороне трассы светилась огнями заправка ТНК. Порывы ветра круто метали снег на просторах магистрали.

Максим выждал, когда возникла передышка. Ветер притих, и снег внезапно закончил падение. Максим, не спеша, - шоссе было пустынно, - двинулся к светящейся витрине.

И выскочила внезапная машина. Тело подбросило, откинуло на несколько метров.

Через мгновение снегопад продолжился. И, словно саван, окутывал неподвижного бизнесмена, и заметал следы умчавшегося авто.

***

Москва, наутро, открылась в лучшем проявлении русской зимы. Пушистый снег, собранный в сугробы, сверкал ослепительной белизной. Желанные десять градусов мороза, чистейший прозрачный воздух, и яркое, холодное сияние солнца, отраженное в блеске каждой снежинки – все дарило радость и вселяло надежду.

Виктор Васильевич задвинул жалюзи и мерил шагами кабинет. Его угнетал персональный подарок предновогодней вьюги. Сугроб на обочине Боровского шоссе, при

ближайшем рассмотрении дворниками, оказался запорошенным трупом Максима Ромина.

Раскинулось широчайшее поле для домыслов, при отсутствии какой-либо поросли зацепок.

***

**«Атака на средний класс – уничтожают семьями!».
«Бизнесмен не успел похоронить жену. Случайность или заказ?».
«Последняя жертва уходящего года».**

- Был тихий господин, а какой громкой сделали его смерть. – Гущин бросил в корзину газетный мусор, разжигающий и подогревающий слухи. И поехал к Вербиной, обдумывать идеи. Один в поле не воин.

***

-Я же чувствовала, (тут невозможно сказать конкретно), но я еще когда Марине говорила – «Что-то темное есть в его прошлом», - Анна Андреевна смотрела Гущину в глаза и говорила, как по писаному.

- Я и вас все спрашивала о родственниках Елены. «Она за чужой грех расплатилась» - помните? Так вот Максим и был тот близкий. Виктор Васильевич, тут случайность и не ночевала. Предупредить эти события никто не мог. Точка поставлена. Осталось немного. Выяснить - кем? Надо перебрать по крупицам историю Максима Ромина. Я не думаю, что это тайна за семью печатями. Человек он был достаточно заурядный, достаточно заурядным должен быть и скелет в его шкафу. Вы разберитесь – что это у него за компаньон был, и так ли уж таинственна была его гибель. Все мы, человеки, живем штампами и представлениями. Ведь только считается, что у каждого есть свой микрокосмос. А если все, что в ком-то есть, по полочкам разложить, то и увидишь, что на полочках такая ерунда.

– Только, это между нами, Анна Андреевна. У меня у самого полочек не так уж много, - призадумался Гущин. - Хотя по должности полагается.

***

Петр Михайлович Ромина, в советские времена, был начальником цеха на режимном авиационном заводе. Жена занималась Максимом. Женщина была старательная, о мальчике радела бдительно и с любовью. Жили они рядом с Ленинским проспектом, и школа в престижных числилась. А Петру Михайловичу завод участок земельный выделил, от работы рукой подать. Он и домик там теплый выстроил, чтобы на

дорогу время не тратить. Ромин был серьезный руководитель, с портретом на доске почета и благодарностями в трудовой книжке.

Но Гуцин докапывался до подоплек в самых, казалось, прозрачных биографиях. Дотошностью, скрупулезностью и смекалкой, он, в деловых лабиринтах, делал все тайное явным с фатальной неотвратимостью. Через Внуковских старожилов у него появился интересный вариант портрета Петра Михайловича.

Петр Ромин сколотил изрядное состояние, когда у нас и думать не думали об объявлении капитализма. Он «сидел» на дефиците, поэтому был невероятно желанен самым деловым людям. Лишь одна выгодная поставка нужному потребителю раздувала и без того туго набитую кошину. И без каких либо угрызений совести. Он был уверен в праве и правильности своих действий. О чем тут говорить, когда, в рощице возле завода, за бутылку водки можно было раскрутить работягу, и он бы вынес деталь строгой отчетности и секретности.

Петр Михайлович был суров и деловит. Таким же старался выглядеть и его зам, Вячеслав Петрович Калинин. Моложе Ромина лет на пятнадцать, он понимал шефа с полуслова, и преданно все указания выполнял. Калинин был себе на уме, и этот ум сразу определил – держаться Петра Михайловича. Отлаженное распределение не давало сбоев.

Но вдруг появилось беспокойство за сына.

Характер у мальчика был крепкий. Когда приезжали с матерью во Внуково на выходные, Петр Михайлович и проверял, и наставлял. Максим был неглуп и физически развит; настойчивость и стремление к лидерству, очевидно присутствующие – все это радовало отца. Но серьезно настораживала компания, близкое окружение. Сверстники, с которыми Максим водил дружбу. Они подрастали мечтателями, и, потенциально, могли помешать Ромину младшему твердо стоять на ногах.

Во-первых, девочка Женя, первая любовь. На уроках она постоянно бывала либо в офсайде, либо в ауте. Но только не там, где отыгрывала предмет занятий вся команда класса. У нее был насмешливый взгляд и острый язык, и это при полном равнодушии к мнению окружающих. Больше всего ее интересовала она сама. И себя она позиционировала, прямо таки, Еленой Соловей или Натальей Негодой.

Игорь Разин, художественная натура, казался совсем не подходящим для роли лучшего друга Максима. Игорь ненавидел школьные предметы, но, без усердия, успешно разбирался с учебными программами. И часами сидел за фортепьяно. Занудливость необходимых уроков у него давно сменилась доверительными беседами с инструментом – он любил и играл джаз. Он тоже был в Евгению влюблен.

И присутствие Максима в этой троице прямо-таки возмутило Петра Михайловича. Сначала он призвал к ответу жену – что, мол, детей поприличней в школе

нет? Но Людмила Ивановна не могла ответить супругу. Добрая душа, она не видела, что плохого в этом общении? Максим учился хорошо, да и Разин не отставал. А Женя, вообще, из прекрасной семьи.

Петр Михайлович стал постоянно вести с сыном разговоры. Ни каких недовольств он не выказывал, а просто разъяснял, как он жизнь видит и как ее надо строить. На удивление, он не встретил сопротивления. Максим держал отца за образец. Не говорил, но было очевидно. И охотно подхватывал и развивал мысли о жизненных планах. И Петр Михайлович возрадовался, что они с сыном в одном русле.

- Так как же ты, с Евгенией своей, и с Игорем – ну, как они тебя дергать будут в свои стороны? – не удержался все-таки отец.

- Я, батя, базис. А они – надстройка. Мы недавно в школе проходили. Мне интересно с ними, но я-то другой. Я буду дела делать. И я не кукла на веревочках.

А на заводе новый генеральный директор начал копать с пристрастием. Их цех был главным объектом разборок. Калинина, заместителя, чуть не посадили. А Петр Михайлович, хотя к нему прямых претензий и не было, но слег он в больницу. Потом и инвалидность оформили – микроинсульт оставил последствием проблемы с ногами, правую он чуть подволакивал.

Из-за неприятностей мужа стала недопомогать Людмила Ивановна. Перепады давления, и с сердцем нелады. Помогать вызвалась Клавдия, младшая сестра. Она и за больной ходила, и Максима обслуживала. И по дому. И хозяйину сумела угодить. Но Людмила все-таки из жизни ушла. А Клавдия прижилась, все не чужая.

После школы Максим поступил в МАИ, как-никак отец всю жизнь в авиации. Евгения стремительно вышла замуж, даже на свадьбу не пригласила. Игорь подвизался в востребованной рок-группе, делали «чесы» по городам и весям. Но всякий раз, как бывал в Москве, объявлялся. Они действительно дружили, такие разные.

Веяние времени чувствовали все. Игорь ощутил обостренней и отреагировал решительно. «Слушай, Макс, какие тут к черту хад-роки и джазы; какие семестры и сессии. Люди деньги делают из ничего, пришло время крутого бизнеса. И если сейчас не влиться, то потом вся моя джазовая композиция, да и твои проекты двигателей, будут с тоской наблюдать, как наши ровесники без усилий покупают и лучший джаз, и собственные самолеты. Давай, браток, пораскинем мозгами. И за дело».

Идею одобрил Петр Михайлович, и даже признался: « никак не ожидал от Игоря такой деловитости и прыти».

Пробная партия. Первые компьютеры. Первые успехи. Ромин старший какие-то деньги вложил. Бизнес юношей окрыляла удача. Тертый калач твердил: «не зарываться!». И из спонтанных успешных дел стали вырастать деловые проекты. На

твердой почве под ногами создавалась основа для образования компании. Сначала Максим и Игорь, учредили какое-то «ООО». Но солидный бизнес требовал солидной витрины. «Макгор» - так решили окрестить детище.

- Слушай, Игорь, отец дельную «мысль» подкинул. – Максим предложил навестить родителя.

Суть предложения сводилась к следующему. Игорь и Максим уже люди не бедные, перспективы развития бизнеса самые радужные. Полученные прибыли они поровну делят, так же как и основной капитал. Определяется, сколько средств нужно на поддержание и развитие компании. Каждый оставляет себе необходимую сумму для собственных нужд, остальные средства объединяются и составляют актив фирмы. И учредителем компании «Макгор» должен выступить Ромин старший. Во-первых, на него можно ссылаться, как на строгого старшего партнера. А, во-вторых, учредитель – инвалид второй группы, имеет привилегии, и размеры налогов на фирму уменьшатся почти в три раза.

- Я, досточтимые владельцы, еще достаточно крепок. Смогу выступать свадебным генералом. – Петр Михайлович радовался, что опять становился при делах. - Но, при составлении всех документов, мы каждую бумагу – только через нотариуса. И, одновременно, пусть он составит и заверит мое завещание по фирме. Что стоимость бизнеса делится пополам и завещается вам в равных долях. Все мы под Богом ходим.

Игорю идея понравилась.

- Нормально, Петр Михайлович, спасибо. У многих фирмы записаны на родственников. А у меня только сестра старшая, да и то в Америке. Да братишка-подросток.

Родители Игоря погибли в авиакатастрофе.

Так компания образовалась. Развивалась, становилась прибыльней. Всех все устраивало.

И Игорь поехал в плановую командировку в Америку. И вскоре позвонил Максиму, что представляется возможность оформить заказ на поставку партии Мицубиси Монтеро по выгодной закупочной цене. Максим деньги перевел.

Но Игорь через день позвонил вторично. На этот раз он просто просил прислать деньги, сумму в три раза большую. И не спрашивать объяснений.

- Я приеду и расскажу. А сейчас мне необходимо. Вот номер счета, переведи на него. Я жду, Максим, пожалуйста.

Максим такой суммой не располагал. Поехал к отцу, обрисовал ситуацию.

- Ты ему деньги по первому запросу перевел? Там ясно было на что. Я всегда говорил – все эти пианины, джазы.... Кто знает, какая ахиня ему в голову пришла? Своих денег у меня нет. Не занимать же. И номер счета непонятный. Может, любовницу завел. Да больно дорогая. Он же через два дня прилетает. Вот и объяснит, и вместе поразмыслим, а, может, посмеемся над его чудачествами.

Максим пытался с Игорем связаться. Но тот не отвечал на звонки. Переговорил с американскими партнерами. Господа с Игорем бумаги подписали, распрощались. И пожелали хорошо отдохнуть в Америке до дня отлета.

В компьютере Максим обнаружил письмо с еще большей просьбой. Обратный адрес какого-то интернет-кафе. И приписка постскрипту: «Не будет денег – ему не жить».

-«Что за нелепый балаган?» - подумал Максим. «Ладно, завтра постараюсь организовать что-нибудь».

За день не получилось. А вечером было уже поздно.

***

Похороны Роминых назначили на четверг. Организацией занимались люди из «Макгор»а. Петр Михайлович занемог, тетушка старательно отхаживала его, чтобы выдержал скорбный день.

Вера Гордиенко прилетела в среду утром. Заехала к родственникам – забросить вещи, передохнуть – днем предстояли похороны Поленова. Наверное, Анастасии кто-то помогал – дали информацию в Союз художников, повесили портрет Никиты в траурной рамке в здании мастерских, с уведомлением о часе и месте прощания.

Провожающих собралось немало. Знали Поленова многие, а обстоятельства его смерти породили не только сострадание, но и особый интерес, и любопытство. Вдову опекали двое: безусловно, родственник, - так явственно объединяли Анастасию и спутника фамильные черты, и угрюмая женщина в туго повязанном черном платке. Гуцин с удивлением рассматривал Анастасию, и не узнавал ее. Прежние представления о ее возрасте были отвергнуты. Он встречался с Анастасией измученной, неухоженной, почти старухой. Сегодня соболезнования принимала безупречно одетая сухощавая дама не старше сорока. Волосы были аккуратно прибраны. Лицо одухотворял взгляд лихорадочно блестящих воспаленных глаз, которым она с угрюмой гордостью оглядывала собравшихся.

Анастасия стояла в головах гроба, свита за ней, как часовые. И вдруг взгляд вдовы замер на дверях в траурный зал. И Гуцину показалось, что в нем добавилась удовлетворенность полностью скорбного торжества. В зал вошли Вера Гордиенко и Татьяна Дорофеева с цветами.

Вдова не шелохнулась, когда вновь пришедшие приблизились к гробу. Татьяна исполнила долг, но задержалась чуть позади Веры, застывшей с цветами, прижатыми к груди.

Гордиенко вела беседу с ушедшим другом. Она здоровалась, и прощалась. Просила прощения, что с трудом читает знакомый и, некогда, любимый образ в промежуточном перед тленом обличии. И просила прощения, что так далеко ушла от прежней Веры. И, наконец, бережно разложила розы - последние знаки внимания. Женщины отошли к стене. Появился священник. Служба началась и закончилась. Следовала кремация.

Ритуал завершался под грустные, страстные и торжественные звуки Томазо Альбини. Вера, провожая глазами исчезающий гроб, горестно напутствовала: «Спи с миром».

Спутники Анастасии заранее переместились к дверям и, на выходе, просили всех пройти к автобусам: «Тут не далеко. Просим помянуть Никиту Михайловича». Анастасия, сразу после прощания, подошла к Вере. Взяла ее под локоть, сказала: « Вот и проводили. По человечески. Будут поминки. Ведь мы его любили». Вера двинулась к автобусу с ней рядом. Татьяна следом.

Поминки, скорее, походили на юбилейный банкет. Все соответствовало тому, «как Никита любил» - прекрасная сервировка, многочисленный безмолвный обслуживающий персонал. Необходимые по ритуалу блюда были добавлением к обилию икры, всяческих рыб, разносолов.

И народ одушевился. Все стремились сказать о покойном добрые слова. Одна дама заплакала навзрыд от собственного красноречия.

Вера сидела с Анастасией рядом и не тяготилась молчанием. Анастасия торжественно замкнулась, и Вере не нужно было попусту раскрываться или, хотя бы, поддерживать разговор. Она провожала Никиту, и была благодарна Насте, что она так торжественно обставила таинство ухода Поленова.

Гущин смотрел на вдову, на Веру, и поневоле слушал, «какой Никита был замечательный», пока не вышло время – поминки в ресторане были регламентированы. Гости, двигаясь цепочкой, прощались с Анастасией, повторяли слова соболезнования. Вера поцеловала Настю, и они, с Дорофеевой, уехали. Виктор Васильевич подошел последним.

- Ну, вот и все, – выдохнула Анастасия. Торжество в глазах погасло, и исчезла поражавшая весь день одержимость происходящим. – Спасибо вам, добрый Виктор Васильевич. Спасибо, что подождали. Теперь я готова.

Гущин пропустил даму вперед, и они направились к служебной милицейской машине. Когда тронулись, Поленова передала следователю сумку:

- Тут все деньги, я только истратила на похороны и поминки. Если нужно вернуть, вы можете мне связаться с Верой, она отдаст. - И никаких спектаклей, недоумений, сопротивлений.

Только чувство исполненного долга.

В кабинете, напротив Гущина, Анастасия выглядела спокойной, уставшей и удовлетворенной. Прежде она смотрелась держащей оборону воительницей среди врагов. Крепость не пала, но защищать в ней больше было некого. И она, как будто, смеялась, так как не осталось ничего.

- Я не ожидала, что вы дадите мне похоронить. Вы же все поняли. А уж когда у меня отпечатки пальцев взяли.... – Поленова не поднимала глаз, как будто рассматривала мысли, готовые быть выраженными вслух. – И словами не скажешь, как я вам благодарна.

- Ну, тут ведь велось следствие. И не сразу появилась уверенность, что именно вы, - Гущин встретился с Анастасией глазами, и не стал даже дожевывать конец фразы.

- Может быть, Никита и умер из-за того, что последний укол сделала я. Но убивать его я не хотела. Не знаю, мог ли он жить? Он тогда даже уколоть себя сам не мог.

И Поленова, сбивчиво, с повторами, воссоздала картину последних дней.

Никита был почти за гранью. Только доза на время возрождала. И вот, в один из просветов, он сам понял, как затягивается на горле петля. «Настя, ты никогда меня не оставляла. Так помоги мне, я не справлюсь. Сейчас я в ужасе от того, что случилось со мной. Но придет ломка, и будет только одна потребность – доза. Я не хочу. Я хочу жить, любить, творить».

Они действительно ездили в клинику, там с готовностью брались за лечение. Но у Поленовых не было денег.

Двадцать четвертого декабря, поутру, он влетел, счастливый безумно, невиданно. Показал несколько денежных пачек. «Лена Гусева – она теперь богатая, не бросает старых друзей». «Завтра поедем лечиться». И бросился из дома, и деньги все забрал.

Настя привыкла к отчаянию, но в тот день совсем не находила себе места. Столько безответных вопросов. Она вышла на улицу, в надежде отвлечься среди людей. И тут какой-то продавец вечерних газет привлек ее внимание рекламным криком: «Жена бизнесмена зверски убита. Кто разбил сердце балерины?». Подошла ближе. И увидела фотографию Елены под этим анонсом.

Анастасия бросилась в мастерскую. И застала там Поленова в состоянии наихудшем. С утра он укололся, на радостях, а теперь наступала ломка. Про Гусеву он только мог сказать: «Она хорошая, она нам деньги достала». И требовал дозу. «А завтра в клинику. И все будет хорошо». И вдруг безумно выкрикнул: «Настя, дозу!»

Он сам не мог, настолько уже издергался. Там было уже набрано, в шприце. И она сделала укол. Никита забылся. И она поехала домой, потому что он не терпел, когда в его мастерской был кто-то еще. А деньги забрала с собой. Чтобы не пропали, а утром разобраться. Абсолютно точно знала, что если Гусеву и убили, то Никита ни при чем.

- Вы знаете – он был увлекающийся, романтичный. Изменчивый, влюбчивый. И если объекты его влюбленности позволяли себя любить, и даже отвечали на чувство, то я радовалась. Его должны были все любить, моего лучезарного Никиту. Но мне удалось полюбить его сильнее.

- А вы сделали счастливым финал моей сказки. Я собрала его в дорогу. Он отправился в путь, и я позвала всех проводить его.... Мы скоро встретимся.

И Гуцин подумал, что Анастасия не рассталась с любимым. «Да для нее же суд - это возможность говорить с трибуны о своем». И взял с Поленовой подписку о невыезде.

***

В тот же вечер Гуцину позвонила Гордиенко. Третьи сутки, практически без сна, валили от усталости с ног. Но, прежде чем попытаться заснуть, Вера хотела передать следователю то, о чем вспомнила, обнаружила буквально перед вылетом и не успела переслать. Гуцин не заставил ждать себя.

- Смотрите, вот Гермес, - рассказывала Вера. - Так Лена в письме называла незнакомца. Потому что он удивительно похож на «Гермеса отдыхающего». В Неаполе, в музее, античная скульптура. Только этот - вон, какой мощный. А древний – сублильный. Но похож. Я сравнивала. –

Две фотографии. Короткая стрижка курчавых волос. Взгляд в объектив, как подпись под специальным фото. Как стрела на натянутой тетиве. Снято в остановке движения, и некая удаля во всем облике. Первая – в полный рост. Берег моря. Рельефный торс, классический профиль. Другая – крупный план, в глазах усмешка.

- Лена прислала из Италии осенью. Остальные фото – природа, архитектура, общие планы. И только один герой репортажа - «Венецианская встреча. Гермес».

- Я потом спросила в разговоре: « Ну, как там наш стремительный бог?». «Я думаю, как все Гермесы, без дела не бродит. Готовит кого-нибудь в царство Аида. В Венеции он был забавным».

- Потом мы перезванивались много раз, но это тема была уже отговоренная. Я вспомнила только перед отъездом.... Она встречалась с человеком, и даже фотографию прислала .... Все так запутано, а мир так тесен.

- Конечно, вы правы, - Гущин положил фотографии в папку. – Отдыхайте, Вера, завтра будет тяжелый день.

Гирлянды лампочек рассеивали тьму. «У людей новый год, а у нас - новый кадр». И поехал на Мичуринский, к консьержке.

***

Консьержка встретила Гущина, как родного. И тут же стала убиваться о гибели Максима.

- Ну, прямо таки, злой рок какой-то, да и только. Или заказал кто целую семью. Почтище сериалов. А Максима Петровича сюда не привезут, чтобы попрощаться? Да уж и ее, горемычную, заодно. – И она вытерла уголок глаза. Гущин достал фото. Женщина надела очки.

- А я-то думала, он к Агафоновым идет, - посетовала консьержка, разглядывая портрет. - Одет так торжественно, и с букетом. Я даже сама и сказала: «Опять к Агафоновым», а он говорит: «Ну, да». Поймали убийцу?

- Так вы хотите сказать, что помните, как этот господин приходил двадцать третьего вечером?

- Да. Как тут не запомнить, когда он самый последний явился. Да еще такой загорелый.

- И вы его пропустили, не выяснив к кому?

- Да что вы, господь с вами. Все я спросила. И он сказал – к Агафоновым. Да и к кому идти? Агафоновы в этот вечер гостей собирали. Может, он к ним шел. А потом уж к Елене заскочил заодно.

- А раз уж зашел, то, заодно, и прикончил. Так это точно – он приходил?

- Никаких сомнений. Я где угодно подтверждаю. И на суде. А вот когда уходил - не видела. Наверное, вместе с гостями Агафоновых. Я их не очень разглядывала. Сказала только, чтобы не шумели. А за что он ее?

- Послушайте, это просто рабочий момент следствия. Никого не поймали, и вопрос к вам один: приходил – не приходил. Вы помогли установить. Теперь будем дальше работать. А вам спасибо.

- Мне так жалко их обоих. Такие молодые, красивые. Бывают же такие негодяи!

***

А Гуцин, уточнив, что время еще не безнадежно позднее, не утерпел и позвонил Анне Андреевне. Настолько одушевило его наличие хоть какой-то новости.

- Выяснилось, что к Роминой приходил итальянец, с которым она в Венеции познакомилась. Она его называла «Гермес» и научила говорить по-русски. «Ну, да», во всяком случае. У меня фотография, Гордиенко привезла. Завтра попробую поспрашивать, может, кто еще видел?

- Вам отдохнуть бы не мешало. Это не работа, а марш-бросок.

- Правда наружу просится.

***

Двойные похороны всколыхнули город. Две насильственные смерти, чудовищные по своей жестокости, обрастали в прессе невероятными версиями, и тема не была исчерпана. С утра, возле храма у Никитских ворот, занимали места охочие до душещипательных событий зеваки, и репортеры держали позиции отвоеванных мест. В десять часов назначили начало отпевания, а уже в половине десятого войти в церковь сделалось проблемой.

Всех бизнес партнеров, работников компании Ромина, да и просто знакомых Максима просчитали. И представили приблизительное количество.

Но сколько народа собрала балерина! Елену Гусеву вспомнили все. Ее и не забывали. Выпускники училища, в стенах которого прошло ее трудное балетное становление, невзирая на то, что волею судеб она выпала из профессии, все равно считали Гусеву своей. И проститься с ней приехали все. Большой театр, театр Станиславского. Море цветов и искреннее горе. Подходили к Дорофеевой, хотя бы на пару слов.

И все дивились, какой торжественной красавицей покидала Елена этот мир. Смерть вернула ей чистые девичьи черты. И отразила в них спокойствие, просветление и причастность к тайнам, неведомым живым.

Максим Ромин сдержал свое слово. Он не тревожил мир Елены. Он не смог уберечь ее в жизни. Ему помогли догнать ее в смерти. Кто знает, худший ли это вариант?

***

Петр Михайлович стойко нес осознанность свалившегося горя. Он, Клавдия и бывший заместитель Калинин, стояли чуть поодаль от гроба Максима. И старший

менеджер Немченко почти все время находился в этой фундаментальной группе прощающихся. Только иногда отлучался – он был режиссером церемонии.

Пожалуй, Ромин старший, сквозь горе, даже чувствовал гордость, что так пышно хоронят его сына. Только раздражали стройные красавицы в мехах, которые «налетели и заполонили. Это не наши, они свою артистку хоронят», - утешала мысль.

***

Три бывшие соперницы Елены, три грации во цвете сил и лет, действительные примы русского балета, не плакали – они были актрисы. Но привело их к гробу Гусевой истинное чувство. Вернее – два: сожаление и негодование.

- Ну, как так можно – все не как у людей. Некоторые умирают, некоторых, даже убивают. Но чтобы насадить, как муху, на какую-то стеклянную булавку? Это ж до чего довести человека надо! Убийцу-извращенца отыскала.

- А Елена всегда отыскивала что-нибудь остренькое, ей пресных чувств не подавай. Помню, как однажды, после банкета, мы обогнали ее машину в туннеле под площадью Маяковского. А обогнали потому, что Гусева одной рукой рулила, а другой ласкала едва знакомого футболиста, и целовалась в засос.

- О мертвых или хорошо.... Но это ведь хорошо, что она не оставляла людей в равнодушии. Все дивились ей и недоумевали.

- Да и тогда, с Поленовым этим. Я ведь, думаю, не он ее из окна выбросил, это уж точно. И не случайно выпала. А просто поняла, что великой балериной ей не стать. Ну и сиганула для трагедии нераскрывшегося таланта.

- А уж потом, на занятиях, студентам лапшу развешивать. Павлова, Уланова и - Гусева. Да, и Плисецкая, тоже, ничего. Самые лучшие «Лебеди».

- Она ведь теперь еще и поэтесса. Жалко, что не успела лекцию устроить, что-то типа «Лирические героини ранней Ахматовой и средней Ахмадулиной, как предвестницы трагедийных закатов поздней Гусевой».

- Но, все-таки, бедная Ленусяка. От бога дано было много, но дьявол ее искушал. И ее самую делал орудием искушения.

- Ан - нет. Не со всеми можно поиграться, и бросить. Кого-то круто она зацепила, и навсегда выпала из жизни.

- Ты посмотри, какая хорошенькая лежит. И все мы там будем.

***

Тина не отрывала глаз, не верила, что прощается с наставницей. Ей казалось, что это «эскиз трактовки шедевра» смерти, что Елена выйдет из образа, и вымолвит: «До завтра. А вы еще поработайте. Ведь это был лишь только вариант, что лебедь не хочет жить».

«На кладбище не надо ехать, – думала Тина. – Я буду разговаривать с тобой, нам не нужны могилы и поминки. Продолжим экзерсис, Елена Ниловна?»
-

***

«Лена и Никита – родные мои – вы были самыми дорогими на Родине, - думала Вера, - а вас не стало, так значит, я тоже частью умерла. Да как же это больно, когда умирает часть души». Прежде разделяла тысяча километров расстояния. Теперь обозначились другие горизонты и границы.

Но Вера передумала.

«Ведь ушедший жив, пока о нем помнят. Значит, вы будете со мной, милые вы мои, хорошие. И будешь, Лена, подшучивать над собой. И вспомним мы, как ты писала мне:

Если я молвлю слово
Любопытные люди
Его разом размножат,
Назовут золотым.
А наутро, так снова,
Разум сердце остудит.
Осень лето стреножит.
Миновало – Бог с ним.
И звучит неизменно,
Ночью слышу и денно:
Ave, ave Елена....

***

Все, собравшиеся в церкви, поехали на кладбище. Образовался внушительный траурный кортеж. А когда процессия двинулась по аллее Востряковского к предстоящему месту погребения, неожиданно возник оркестр. Духовые и тарелки настолько убедительно отыгрывали фортепьянный похоронный марш Шопена, что низкие тучи

зимнего неба неожиданно открыли остров небесной голубизны, и холодное вечное солнце будто победило безнадежность унылого погоста.

Менеджер Немченко озвучил тщательно заготовленную речь. Из друзей покойной Гусевой не выступал никто. Зато для них был заготовлен сюрприз. Когда гробы опускали в могилы, оркестр заиграл «заготовленное». Но, сначала, не все поняли, что выдувают медные, подкрепляют тарелки и тревожит барабанная дробь. Даже Лена Гусева, любительница экспериментов, вряд ли бы решилась на такой.

Так звучал «Лебедь» Сен-Санса. Петр Михайлович слышал, что невестка любила «эту вещь». И попросил сыграть ей на прощание.

Все кидали в могилы по горсти земли под мощный пролет бесноватой валькирии. И, странное дело, покой пришел во многие души. Они обернулись к прозе дней и позабыли, что каждому предстоит встреча с вечностью.

За криками ворон, негодующих на гимн посторонней птице, чуть слышно, как отзвук далекого эхо, доносилось:

AVE, AVE ЕЛЕНА.

***

На следующий день у Виктора Васильевича Гущина появилась неожиданная посетительница, с утра испросившая встречу. Это была Алла Аркадьевна Гусева, у нее появился вопрос.

К самой даме существовали вопросы, предстоящая беседа вырисовывалась как компромиссные ответы обеих сторон.

Гушин знал возраст посетительницы, был готов к макияжно-маскарадным ухищрениям молодящейся кокетки преклонных лет. И был приятно удивлен, что эта Гусева, совершенно непохожая на упокоившуюся на Востряковском, молодиться даже и не пыталась. Она просто умудрилась остановиться где-то в районе шестидесяти, а легкости, гибкости и пластичности движений всей ее несколько полноватой фигуры могли бы позавидовать многие сорокалетние. Лишь лицо, застопоренное ботексом, смотрелось подобием маски. Но глаза блестели и окрашивались мыслями, прежде чем слова слетали с губ.

- Я беспокою вас, потому что вы представились следователем по делу убийства моей дочери, Виктор Васильевич. Ну, вы думаете, вспомнила мамаша и теперь след какой-нибудь появится. Я вас разочарую. Я не общалась с Леной пятнадцать лет, не знакома с ее окружением. И говорили мы с ней только, так сказать, на «философские» темы. По телефону. Крайне редко.

- А какой же вопрос подвигнул вас на обращение ко мне, - искренне удивился Гущин.

- Самый, что ни на есть бытовой. Видите ли, Виктор Васильевич, когда муж ее, этот Максим, был жив, я думала к нему после похорон Лениных обратиться. Но и его похоронили. Я небогата, а муж художник-оформитель. Мне от Лены ничего не надо было. Да и до мужа ее, он, вроде, денежный мешок, дела никакого. А помощи я ни от кого не приму. Но у Лены осталась квартира, ее собственная. И родственников больше никаких нет, нет и завещаний. Так вот, не могли бы вы помочь мне сориентироваться, что мне надо сделать, чтобы наследовать Ленину приватизированную площадь.

- Ответ очень прост. Вам надо забрать свидетельство о смерти дочери у тех, кто заминался организацией похорон, и обратиться в нотариальную контору, чтоб открыть наследственное дело. Там вам все разъяснят, а, я думаю, имеете право, и наследуете. Я уточню, к кому подъехать и забрать свидетельство.

- Спасибо, что разъяснили. А что и подскажите, к кому обратиться, спасибо вдвойне. Дело ведь к старости, а недвижимость в цене. Тем более от девочки моей будет матери подарок.

- Алла Аркадьевна, ну уж и вы растолкуйте, отчего вы с дочерью отношений не поддерживали. Вы ведь не враждовали?

- Нет. Это, скорее было неприятие. Любовь? Ну да, конечно. Но это плохо, когда между матерью и взрослой дочерью цветет ревность пышным цветом. Она еще совсем девочкой всем моим кавалерам такие авансы выдавала и скольких в койку перетягивала. Я поняла то не сразу. Мне один, в меня влюбленный скульптор глаза открыл.

- А вы застали сцены амурные, или что-то в этом роде?

- Нет, ну что вы, я же не шпионила. Так, один раз видела, когда в компании все изрядно пьяные были, она, разглядывая нетрезвым взглядом свое отражение в зеркале, говорит теперешнему моему мужу: «Евгений! Когда мне бывает скучно, я всегда хожу в Третьяковскую галерею». И он ее глазами пожирает. Меня многие любили. Так зачем держать рядом молодую красавицу дочь. Не до такой же степени расширить право выбора?

- Так может, этот скульптор, специально делал наветы. Может, отвергла Елена его притязания? Вот и перевернул все с ног на голову.

- Ну, может быть и так. Но если подозрения подобные и затолкали в мою глупую голову, изгнать я их не могла. Может – не хотела. Все так сложилось и устраивало всех. И, наверное, она как-то не так поступала, раз ее насильственно лишили жизни. А ребенком она была чудесным. Так, когда мне от вас сообщений ждать?

Изменчивый мир.

Поминки уже миновали первую безмолвную стадию, и собравшиеся переговаривались, делясь воспоминаниями, мыслями по поводу, да и просто на злобу дня. Виктор Гущин счел момент подходящим, и отправил по своей, левой части столов, выстроенных буквой «П», фотографию Гермеса, с вопросом «Кто это?» на тыльной стороне. Внимательно наблюдал за реакцией. Все старательно смотрели и передавали достаточно равнодушно. Вера взглянула на фото, потом на Гущина, и отправила «Гермеса» в дальнейший путь. Так он дошел до Марины Рябининой. На лице девушки неожиданность узнавания сменилась явным недоумением. Марина сидела напротив Вербиной, и, встретившись с ней взглядом, написала записку. «Это Алик Раузен. В чем вопрос?».

Анна передала записку следователю. Марина проследила путь послания. Гущин, представляясь, склонил голову, и лишь сильнее озадачил девушку словами: «Нам нужно побеседовать».

Гущин не пустил фотографию в центр, где поминали Максима. Петр Михайлович, выпив водки и все время поглядывая на полную рюмку сына, прикрытую кусочком черного хлеба, дал волю горестным чувствам.

Может, от лекарств, назначенных врачами и принятых под бдительным наблюдением Клавдии, но Ромина развезло. Он утратил маску суровой сдержанности гордого отца. Обращаясь ко всем и ни к кому, он все вопрошал: «Да что ж это такое, люди добрые?». Клял почем зря убийц, следователей и свою горькую долю. «Поминайте, поминайте.... Да что толку, когда нету больше сына? Да на кой хрен тогда все это?». И выпил снова, не закусывая. Но вмешалась Клавдия Ивановна и уговорила Михалыча поехать домой. «Все равно, здесь чужие собрались. Поедем домой. Там и помянем мальчика нашего». Калинин собрался с ними. Немченко провожал.

Гущин сумел обратиться к Клавдии с фотографией. Та посмотрела внимательно, вернула. Взялась рассматривать вновь.

- Не знаю. Что-то очень знакомое, но сразу вспомнить не могу. Может, просто, кажется. Подъезжайте завтра. Петр Михайлович посмотрит. Сейчас не до этого.

Отъезд отца стал сигналом. Все засобирались.

Анна Андреевна пригласила Гущина проехать к ней.

- Ведь, наверное, вы можете поговорить с Мариной у меня?

- Конечно, Анна Андреевна. Даже удобней, если не возражаете. Вместе послушаем, кто ж это такой. А то Гермес какой-то, никто не знает.

Всю дорогу молчали.

«Новый год отправит горе в воспоминания, - думала Марина. – Нет сомнений, что умный Максим был прав, и что по теории больших чисел...»

И осеклась в мыслях. Потому что гибель Максима случилась вопреки теории. И стала думать о том, как много в жизни происходит «вопреки».

***

- Это Алик. Алик Раузен. Он приезжал к нам на факультет вместе с преподавателями из Америки. Я работала с ними. Хороший парень.

- Так. Американец, значит, – уточнил для себя Гуцин.

- Нет, исторически он русский, из семьи недавних эмигрантов. Но гражданство США. Он почти закончил колледж Колумбийского университета, где я в командировке была.

- Как хорошо вы знаете Раузэна?

- А в чем проблема, откуда к нему такой интерес?

Анна Андреевна внесла ясность.

– С этим человеком Елена Ромина познакомилась осенью в Венеции, они фотографировались. Елена послала карточки подруге Вере, - рассказывала Вербина. - Виктор Васильевич показывал фото консьержке в доме Роминых. Она опознала в нем последнего посетителя в день убийства Елены.... Где этот Алик сейчас, Мариша? Когда ты видела его?

- Я не знаю, где он. А не виделись мы с начала лета. Он собирался путешествовать, но не рассказывал маршрут. В Европу собирался, а потом в Тибет. Но как же так – Алик и Елена? Более чем странно.

- А насколько хорошо вы его знаете?

- Я вам скажу, что отношения у нас самые дружеские. Всегда ведь чувствуешь, когда человек к тебе с симпатией относится. И мне он тоже нравится, мне с ним легко и просто. Но я не знаю его. Иногда он так странно отзывался об окружающих, а о себе вообще не рассказывал.

- Он что, ухаживал? Или так, общались просто?

- Совсем, что ни на есть, «просто». Мы даже и не часто виделись. Но Алик меня русской сестренкой называл, и мы шутили, не напрягались. - Марина старалась вспомнить что-нибудь важное. - Да, он говорил, что хочет гонщиком стать. И обещал покатать на «Феррари». Давайте позвоним ему. Сейчас. Вот его номер.

Телефон Алика был выключен, или вне зоны действия сети. Марина снова разглядывала фотографии.

- Пора искоренять в себе привычку удивляться, - последовал вывод. - Скажите мне, что профессор Колумбийского университета Симпсон встречается с Татьяной Навкой, я и ухом не поведу.

- Да тут не о встречах речь. Похоже, что Раузен убил Елену, - Гуцин подтверждал слова задумчивым тяжелым взглядом.

Марина внутренне сжалась. Искала ответа у Анны Андревны.

- Марина, милая. Все в этой жизни очень странно. Ты собиралась за Максима, а он теперь в земле сырой. Ты знать не знала Раузэна, а теперь его братишкой шутливо называешь. Кто перестает удивляться, может крепко от жизни заскучать. Ты удивляться не устанешь и не перестанешь. Твоя душа так и будет вечно юной. А к поступкам необдуманным у тебя отрицательный настрой.

- Так что же мне теперь делать? Вдруг Алик позвонит, или я сама дозвонюсь до него?

- Вы сколько еще в Москве будете?

- После старого Нового года уезжаю.

- Постарайтесь с Раузеном связаться. Вы же можете сказать, что просите вас встретить, если он в Нью-Йорке? Но никаких вопросов. Лучше, будто вы ничего не знаете. Положим – у родственников в Петербурге. Если убийца он, то не дай бог спугнуть.

- Да, я буду пробовать. И, что сказать, мне ясно. Но, может быть, это вовсе и не Алик?

- Человек невиновен, пока не доказана вина. Всему на свете может найтись объяснение. Причем, порой, самое невероятное. Раузен у нас только третий кандидат. И, пока, не окончательный.

- Художника я помню.... Ах, да. Сначала был Максим.

- Может быть и этот лопнет, как мыльный пузырь. Остается гадать, сколько будет Разин вне зоны досягаемости.

- Алик увертлив, его трудно в сети поймать.

- Вот ты и шутишь, девочка. Унывать не надо.

***

Следующий день добавил «кандидату» загадочности.

Петр Михайлович просил о переносе встречи, ссылаясь на нездоровье. Но Гуцин убедил, и получил приглашение подъехать к трем.

Ромин и впрямь недомогал. Полулежал на диване, тяжело дышал. Гуцин сразу попросил его познакомиться с фотографиями.

- Клавдия Ивановна, иди-ка сюда, - позвал Ромин, вглядываясь в американца. – Смотри-ка, как вырос, здоровый мужик. – И передавая фото Клавдии, следователю ответил. – Это Олег. Игоря Разина младший брат.

И Клавдия, как бы, обрадовалась: - Точно, Олег. То-то я думала, что знакомый. И на Игоря похож, и на себя. Да только, сколько лет минуло, с тех пор, как виделись. – И она достала альбомы.

- Вот. Он часто с Игорем приезжал. – Протянула Гуцину отобранные фото. – Когда по делу, когда – просто. Максим с Игорем совещались. А Олег язык учил. В Америку собирался.

Действительно, сомнений и быть не могло, что молодой человек из Роминского альбома и американец – одно лицо. Фотографий Внуковского периода обнаружилось немало. И на природе, и за столом, и несколько персональных.

- Игорь – это компаньон, который погиб? – спросил Гуцин.

- Да. Он пьяный, за рулем, разбился насмерть. В Америке. Жалко, неплохой он был. И с Максимом дружили. Что его так заклонило? – Петр Михайлович заметно возвращался к собственному горю. – А вот Максим, под колесами.... Какая-то сволочь. Никаких не нашли свидетелей?

- Нет, пока, господин Ромин. Работаем. А у Игоря этого, какие родственники в Москве имеются?

Петр Михайлович закрыл глаза, откинулся на подушки. Клавдия Ивановна ответила: « Нет никого. Родители в самолете разбились, когда из Адлера вылетали. Билеты удалось купить за два часа до вылета. Все говорили – повезло. Самолет взлетел, и в море рухнул. Прямо у Олега на глазах, он на пляже загорал. Поэтому в Америку и уехал, к сестре». И, знаками, поспешила Гуцина спровадить.

- Вы видите, Петр Михайлович совсем плох. Опять скорую вызывали. Хотели в больницу забрать, да он отказался категорически. А тут - девять дней. Сорок. А пить ему нельзя. Вы бы хоть надежду дали в расследовании. Его бы утешило.

- Мы работаем. И неустанно. И скажем, как что будет. Фотографии я заберу, у нас вопросы кой-какие.

- Да, а зачем вам Олег Разин понадобился? Как он там, приезжает, что ли?

- Нет, это по другому делу вопрос возник. Спасибо, что выяснить помогли.

Клавдия стояла в дверях, пока Гуцин двигался к машине. И только, когда машина отъехала, плотно закрыла дверь и заперла на все замки.

***

Тина уезжала в Барселону. Марина предлагала повидаться с друзьями и встретить Новый год в Москве, но уговоры не действовали.

- С Еленой я простилась. С тобой я повидалась. А с мамой у нас неразрывная связь. И звоню я ей, бывает, по два раза на день. Лучше я к ним на Кавказ весной приеду. Оторву папу от звезд.

- Нет, Тина. От такого свидания у меня только боль расставания усилилась. Без тебя мне Москва пустая. Ну, не пустая. А не полная.

Тина подарила подруге афишу своего сольного концерта. Прекрасная, манящая, завораживающая «VALENTINA VERBINA» приглашала на вечер «RUSSIAN FOLK DANCE».

- Провожать меня не надо, а увидимся мы скоро. У тебя ведь контракт не кончается?

- Еще полтора года. Летом отпуск.

- Так я к тебе в Нью-Йорк приеду. Приглашают на Брайтон с концертами, да я не хочу. Импресарио много разных. Организует кто-нибудь нормальные гастроли.

***

- Я через неделю поеду. С папой вчера договорились. – Мать с дочерью праздновали последний в году вечер живого общения. Анна Андреевна, на историческом диване, и, такая взрослая, Валентина Вербина, на кресле, в любимой гостиной.

- Вот и съездила. Предчувствие снарядило меня в дорогу.

- А меня опустошенность отсюда гонит. – Тина зажмурила глаза, откинула голову на спинку кресла. – Такая уж я в жизни состоялась.

- Да, Тиночка. – Анна Андреевна смотрела и с любовью, и с печалью. - Но у тебя есть творчество. Ты заряжаешь, заражаешь, гипнотизируешь своими танцами. Чтоб заряжать энергией, ей надо обладать. В тебе глубинная, языческая природа накопления силы.

- Эх, мамочка, тебе бы дочку-паиньку. Или нормальную, чтоб внуков полный дом. А я стараюсь и не думать. И то спасибо, что не кидаюсь под кого попало.

- Что ты на себя наговариваешь? Так заложено природой, что женщина должна желать мужчин. А в тебе все желания бурлят с особой силой. Так костер жаждет дров, чтоб поддерживать пламя. В тебе горит магический огонь, отсюда зажигательность на сцене.

- И тьма любовников – им имя легион.

- И соблюдение приличий, и строгий неприступный вид.

А на прощание расцеловались, и прозвучали обещания.

- Я к вам весной приеду в горы.

- Да, Тина. Нужно чаще видеться.

***

Старики Ромины, да и Марина, подтвердили, что у Разина есть сестра в Нью-Йорке. Выяснилось, что проживает в Бруклине. Вероятность, что Олег ее посетит, велика. Он и жил, вроде, с ними. Во всяком случае, изначально.

В командировку снарядили капитана Андрея Нечесова, Гуцин рекомендовал. Выбор был обоснованный. Сотрудник деловой и сообразительный. Знал английский.

Вера Гордиенко торопилась домой. Лететь в Денвер с пересадкой в Нью-Йорке - одна из возможностей. Прямого рейса из Москвы не существовало, слишком долгий перелет. Гуцин приехал с Верой говорить.

Гордиенко притягивала и вызвала доверие чрезвычайной открытостью и простотой, идущей от чистоты сердца и мыслей. Вера, хотя давно жила в Штатах, сохранила совершенно русский тип красоты, мягкость линий, плавность речи. Уехала она из России с американским французом в третьем поколении. Случилась страстная любовь. Их дети – уже тинэйджеры, погодки, мальчик и девочка, - обожали русскую маму. Хотя разговаривали с ней по-английски. Муж души не чаял.

Поэтому просьбу остановиться в Нью-Йорке и побеседовать с Ольгой Разиной Гордиенко сразу объявила невыполнимой – ее ждали домой на Новый год. И Гуцин употребил все красноречие, а, главное, объяснил, почему так необходимо, чтобы именно подруга Роминых принесла известие о гибели Максима.

- Это только одна встреча и один разговор. И вы тут же летите в Денвер, в тот же день. Да. Вы будете дома, приблизительно, с боем часов. Но тем больше радости. А, представьте, если к Ольге придет наш сотрудник, и будет спрашивать о брате: где он? Не думаю, что последуют подробные ответы. А, скорее, просто насторожит. Необходимо разговорить сестрицу. Ведь все к тому, что Елену убил Разин.

- Простите, отказ от неожиданности вырвался. Конечно, я пойду к этой женщине и поговорю с ней. Я постараюсь. Ведь это для Лены.

- И для всех живущих. Ведь, если он убийца, его надо в тюрьму. А не оставлять разгуливать совершенно неизвестно где.

Когда обговорили все моменты, и Гущин собирался уходить, Вера сделала признание.

- Я вам сказала, что не посылала Никиту к Лене. Это правда. Да, и на самом деле, совсем неважно. Но я создала возможность их свидания. Ему помощь требовалась немедленно. Я посоветовала к Леночке сходить. А ее попросила выручить Поленова деньгами. До Нового года. К этому времени я смогла бы перевести ей сумму, чтобы у Максима вопросов не было. Вот. Деньги на карточке. Кому можно вернуть долг?

- Все долги погашены. Максим за все заплатил. А наше дело – Разиным заниматься.

- Что в моих силах – я сделаю.

***

Неожиданно позвонила Татьяна Дорофеева, и сказала Гущину, что, ей кажется, у нее какие-то странные сведения появились. Он пригласил подъехать.

- Да, конечно, я приду к вам. Хорошо. В двенадцать.

И рассказала о действительно странном свидании, свидетельницей которого ей невольно довелось стать.

- Я заезжала к подруге в Новопеределкино. День был безветренный, и мы решили прогуляться. Слегка проголодались и зашли в «Стейк Хауз», есть там такое заведение. Ну, и разговаривали о своем.

Как вдруг, с соседнего столика, я явственно услышала: « Максима похоронили. А как ты нашу-то дальнейшую жизнь представляешь?». Я и посмотрела. Там сидела парочка, такие, полусолидные. Сначала я не узнала, а тут женщина и говорит: « Да, жизнь моя совсем безрадостная. Хоть бы Петр Михайлович поправился, а то дом, как больница». «Ах, я думаю, так вот ты кто». И еще больше диву далась, потому что узнать Клавдию Ивановну было трудно. Видела я ее пару раз, но совершенно другую.

Одета на этот раз с претензией на моду. И видно, что не дешево ей стала экипировка. Может, она и всегда так одевалась, когда самостоятельно в свет выходила. Не могу сказать. Я ее только заботливой тетешкой Максима встречала.

И прическа. И не такая она старая. А кавалер у нее – он тоже на поминках рядом с отцом Максима находился. В ресторане она его Славой называла.

« Максим погиб. Старик плох. Но нам с тобою жить да жить. Сколько ты у Ромина в наложницах была? По хозяйству ишачила?» - что-то в этом роде Слава ей толковывал вполголоса. « Нам с тобою?» - она это растянула нарочито удивленно. «Да. Не тебе и мне. А именно нам с тобою». «Ты, что же это, жениться на мне хочешь, или как?». «Никаких или как. Я хочу на тебе жениться, потому что мы очень подходим друг другу. А женщина ты видная, у меня всегда все радуется, как взгляну на тебя».

- Я уже на них смотрела, ненавязчиво. В разговоре пауза, и, глаза в глаза, изучают друг друга. Потом Клавдия и спрашивает: « А как же ты поступки наши видишь, действия?». «Компания Максимова обезглавлена полностью. Скажи ты Петру, чтоб он меня управляющим пригласил. Четверть века я его заместителем протрубил. Ничего, справлялся. Он был доволен, должен помнить». «Это правда. Только мне такой вариант не нравится и не подходит». Клавдия сказала твердо, а Слава удивился.

- Это заместитель Ромина, Вячеслав Калинин, - вставил Гушин уточнение.

- Может быть. «Что тебе кажется неправильным?» - этот Вячеслав спросил. «Может, он тебя управляющим и сделает. А жениться на мне захочешь – так и выгонит. Верно ты сказал. В наложницах я и жила, как Людмила преставилась. Тут надо что-то другое выискивать». Потом они ерунду всякую плели. Типа – кокетничали. Это так нелепо выглядит у людей в возрасте. Я и пропускала этот вздор мимо ушей, мне-то что за дело. Но тут у них опять пауза за столом возникла. Глянула – Слава на нее смотрит, а Клавдия задумчивая. Вдруг говорит: «Надо фирму на себя переписать попробовать. Или помочь Петру Михалычу капитально от болезни избавиться».

- И так мне это не понравилось, что я и решила с вами поделиться.

- Не совсем в тему, но поворот неожиданный. Проверим, какое у них там лечение.

- А, может, и ерунда все, - сказала Дорощеева, прощаясь.

***

Между тем наступил Новый год. Отгремели фейерверки, отзвучали тосты, загадали желания. Первый день две тысячи шестого тянулся медленно и безмятежно. Чуть заметное ускорение второго дня почти не ощущалось. Но мысли о том, что начало раскрутки времени следующего года положено, будили воображение и рисовали стремительность грядущих дней, недель, месяцев.

Марина шла по заснеженному Тверскому бульвару от Никитских в сторону Пушкинской, размышляя о странных обстоятельствах, отныне поселившихся для нее здесь, в самом центре Москвы. Почти рядом со МХАТ, она, в паре с очень близким тогда Максимом, чудом избежала смерти. Что-то слегка отодвинуло неотвратимую гибель на колесах, в последний миг отклонило убийственный таран.

И, может быть, зигзаг машины спровоцировал тогда бурный всплеск эмоций, едва, ошибочно, не принятых за любовь.

И, все-таки, смерть встретила Максима в том же облики. Пусть потом, пусть не здесь.

Но к Никитским его принесли отпевать. В тот храм, где когда-то венчались Пушкин с Гончаровой. «Я знаю, жребий мой измерен». Выходит, что и впрямь, все в этой жизни отмерено.

Тогда откуда Алик Разин? Случайно знакомый Марине и так внезапно, глубоко, с летальным исходом, ворвавшийся в судьбу Елены. Этот неожиданный брат Игоря, друга Максима.

Для Игоря готовили частный кинопроект. А вышло такое кино. Отсняты ключевые моменты.

Но, странно, предполагаемое преступление Олега не делало его для Марины страшным, не будило мысли: «Я общалась с монстром». Ей искренне хотелось встретить Раузена вопросом: «Что случилось, Алик?». И убедить, что он не безразличен ей своей судьбой. И что-то говорило, что встрече этой быть.

***

- Анна Андреевна, какие разговоры, - только и сказала Марина, когда Вербина интересовалась, не будет ли ее тяготить присутствие следователя на званом обеде. – Он же не весь вечер будет, мы с вами еще наговоримся. А Гуцин этот почти уже свой человек, на всех на нас досье собрал.

***

- Мы все, Виктор Васильевич, у вас под колпаком, - Анна Андреевна заварила чай, и настало время беседы. – Надеюсь, мы с Мариной, для вас не криминальные объекты? И, может, приоткроете нам, что под другими колпаками интересного обнаружено?

- Никаких конкретных фактов и обнаружений. Вера Гордиенко встречалась с сестрой Ольгой. Та не знает, где Олег. А разговор у них состоялся. Сейчас жду от Веры подробное письмо. Не сегодня – завтра.

- А других родственников у Разиных нет. Родители лет десять как погибли. Самолет набрал высоту и спикировал в море.

Марина замерла с устремленным на следователя взглядом. Анна Андреевна просила уточнить: «Где и когда это случилось?».

- Он вылетал из Адлера в середине августа. На небе не было ни тучки, весь пляж полон отдыхающих, - Виктор Васильевич усердно проработал материал. – Набрал высоту и рухнул. Двигатели отказали.

- А год девяноста пятый, - продолжила Анна Андреевна, слегка кивая головой в подтверждение слов.

- Да, абсолютно точно, - Гуцин удивился, - А вам как известно?

- Потому что это наш Ту-154. - Анна Андреевна рассказала историю своего ясновидения. И объяснила, что откровения о будущих событиях, спонтанно ей являющиеся, научно называются «проскопия». Гуцин почтительно выслушал и продолжил:

- И Олег этот Разин, с пляжа, видел, как родители улетали. Петр Ромин вспомнил.

Вербина обратилась к Марине: « Вот, значит, отчего, вам просто и легко с Олегом», - она озвучила, в чем, наконец, сама разобралась. – У вас факт трагедии, случившейся в юности, один и тот же. Тяжелая утрата. Олег потерял родителей, ты – друзей. И мысленно возвращаетесь в то же место и в тот же час. Там мысли и чувства встречаются. У вас общее прошлое. Отсюда и «русская сестричка».

- Простите. Здесь уж и без ясновидения этого очевидно, что Разин появится у вас на пути, - Гуцин перевел озабоченный взгляд с Марины на Анну Андреевну, - но не таит ли это опасность для Марины?

- Ты ведь помнишь все, хорошая моя девочка? – Анна Андреевна смотрела на Марину с материнской теплотой. – Бояться надо лишь трудно поправимых ошибок, и стараться избегать их. А этот, пусть знакомый, но, к счастью, чужой тебе Олег, герой совсем не твоего романа?

- Так, знакомый слегка. Я б и не вспомнила о нем, не будь такого криминала.

- Но мне надеяться, что вы дадите знать, если что о Разине услышите?

- Я не смогу этого не сделать.

***

- Товарищ, или, простите, господин следователь. Как обращаются к вам посетители? - прозвучал в телефоне Гуцина незнакомый женский голос.

- Смотря кто, и по какому вопросу. Да вы уж обратились. Только представьтесь, чтоб и я сориентировался.

- Вы мне карточку визитную оставили, если что вспомню. Это по убийству Елены Гусевой на Мичуринском проспекте, - голос звучал печально и глухо, возникали рваные паузы. – Меня Лариса Маркина зовут, я у Елены Ниловны компаньонкой была.

Виктор Васильевич тут же вспомнил, как в церкви, на кладбище, на поминках обращала на себя внимание эта потрясенная, безмолвная, одиноко скорбящая женщина.

- Да, Лариса, простите, не знаю, как по отчеству. Так вы что-то вспомнили?

- Васильевна. Да это все равно, – и пауза. – Я тогда диск из компьютера взяла. Голос Елены на память.

Гущин оторопел.

- Послушайте. Да, может, вы нам весь ход следствия направили неверно. Приезжайте немедленно. Нет. Я срочно к вам выезжаю. Диктуйте адрес.

***

Лариса Маркина жила в Раменках, почти рядом с бывшим домом Роминых. Стены комнаты украшали фотографии знаменитых балерин. Елена Гусева занимала персональную.

Гущин атаковал с порога.

- Это было сильнее меня, - просто и обреченно объяснила Маркина. – Но вышла ошибка. Это был не нужный мне диск. И я положила его на полку, и забыла за горем.

- Что значит нужный или не нужный? Вы не имели право что-либо с места происшествия брать.

- Мой диск Елена подарила мне. Вы знаете, она замечательно пела. Но только для себя. И, как исключение, записала для меня любимые романсы. Сама на пианино аккомпанировала. Это мой диск. Он мог быть в компьютере, но вышло не так.

- Какие там еще романсы?

- «Нищая» Беранже, «Гори, гори, моя звезда»....

- А что же на этом? Вы слушали?

- Наверное, материалы для пьесы. Она ведь пьесу собиралась писать. Тут с Максимом беседа, он о каком-то друге рассказывает. И с персонажем мужского пола Лена разговаривает. Но все под музыку, и не поймешь ничего. Да я и не слушала. Как поняла, что диск не тот, так и отложила. Сегодня вспомнила, и сразу вам звонить.

- Эх, Лариса Васильевна, какая вы безответственная. И не привлекались, наверное, никогда. А теперь ведь повод есть. Мы и привлечем, если следствие с пути сбили.

- Это был мой диск. За такое не сажают.

- Не знание законов не освобождает от их исполнения. И наказания.

- Я честный человек. Позвонила и отдала. Прощайте.

***

Первая запись – разговор Елены с мужем - удалась на славу. Голоса звучали ровно. Не было ни провалов звука, ни комканья слов. Гущин отдал диск техникам, и через минимум времени распечатка лежала у него на столе.

«Так, Максим, мы договорились. Сегодня ты рассказываешь и отвечаешь на вопросы. Предельно искренне. Коротко. Ну, если надо будет что-то вспомнить, на это времени не жалко.

- Человек приехал усталый, и скоро уедет опять. И хочет радоваться близостью с супругой. А она начинает какие-то игры в воспоминания.

- Ну, давай не будет пространных воспоминаний. Я ведь начинаю работать, мне нужен материал. Это будет пьеса о тебе и обо мне. Про себя я немножечко знаю. А про тебя, чего греха таить, не все.

- Я в юности к встрече с тобой готовился.

- Да. И как это было?

- Мечтал, что женюсь на Елене Гусевой.

- И кто тебя окружал, такого, в мечты погруженного?

- Тебе, действительно, что-нибудь рассказать? Seriously?

- Более чем.

- Ну, так слушай. Я был обыкновенный малый. Но отец вдруг решил, что меня может окружение испортить. Я уверил его, что привит от влияний извне. Да и друзей-то у меня был только один.

- И это Игорь Разин. Как жаль, что он погиб. Я хотела бы знать твоего друга.

- Мне тоже жаль.

- Слушай, а что за история вышла? Ведь, наверное, разбирались, отчего он погиб?

- Да кто там разбираться будет? Гражданин России, гостевая виза. Прокатный автомобиль. Чудовищный алкоголь в крови.

- Ты, вроде, говорил, он был непьющий?

- Был непьющим. Может и разбился, потому что, вдруг, напился. Я эту историю сильно переживал. Выходит, он все-таки был слабак. Так и отец мой думает.

- А что, кроме жалости, есть в твоих чувствах, если память воскрешает дружбу давних дней?

- Память у меня тренированная. В ней хранится история в фактах, а эмоции в архиве отсутствуют. Так что, дорогой мой психоаналитик, я примитивный пациент. Правда, сейчас во мне бушует море эмоций.

- Нет, мой капитан. Вы должны продолжить плавание. Скоро, всего лишь пара дней, и ваш фрегат достигнет гавани.

- Как говорится в случае таком? Служенье муз не терпит суеты?

- Не конкретно. Но похвально. И отрадно».

По первому отрывку Гушин решил, что если дальше такая же ерунда, то ему не было бы жаль, пылись диск веки вечные на полке у Ларисы.

***

Но он прослушал начало следующего документального свидетельства, и возликовал. Потому что первой фразой, прозвучавшей на фоне джазовых композиций, было удивленное приветствие Елены:

«Как странно и внезапно. Ну, что ж, Олег, входи. Спасибо за цветы».

Гушин прослушал до конца, и невольно подумал: «Неизвестно, смогла ли получиться интересной у Гусевой-писательницы задуманная пьеса. Но если сцену собственной гибели она срежессировала сама, то это несомненная удача».

Виктор Васильевич попросил распечатать доказательство. Разин с Гусевой перемещались по квартире. Звук голоса, порой, еле прослушивался.

Некоторые куски диалога казались либо тафталогией, либо бессмыслицей.

Надо было прочитать все в разжеванном виде, чтобы разобрать подробности. Но в финале сцены Разин убил героиню.

В тот самый момент, когда Луи Армстронг пел: «And I think to myself, what a wonderful world».

Гражданина США Олега Разина можно было объявлять в международный розыск.

***

- Как странно и внезапно. Ну, что ж Олег, входи. Спасибо за цветы.

- Вот. Специально зеленые, цвета елки. Сюда, что ли поставить?

- Да, ваза подходящая. Так какими судьбами? Не думала опять увидеть.

- А что же ты думала? Насытили похоть и разлетелись в добропорядочность? Я не забыл, как ты у моря вождедела.

- Ну, что за чушь. Все было, будто друг к другу волны нас выбросили. Ты был прекрасен и юн. Вот я тебя и пожалела.

- Чего ты сделала со мной? Ты вождедела, как неистовая сука. И нечего комедию ломать.

- Так зачем ты приехал? Не затем же, чтобы все оплевать, и оскорблять меня?

- Нет. Не за тем. (Голос Олега продолжил.)- Где это вы с Роминым отдыхаете?

- В саду у нашего загородного дома. Осень случилась теплая, без дождей.

- Так, значит, Внукову конец?

- Там Петр Михайлович живет. А этот дом в Крекшино.

- И как старый пень поживает?

- Что ты ко мне такие вопросы? Наведайся да спроси.

- Чтоб я к этому мерзавцу наведывался? Если только, чтоб прибить урода.

- Олег, что с тобой? Я и представить тебя таким не могла.

- Но ты же помнишь, какой я нежный? Какой страстный? Какой неистовый? Иди ко мне.

- Я не собачка, чтобы кинуться на зов. Ты был, как древний бог. Это, считай, как наваждение. Открой балкон, мне как будто воздуха не хватает.

- Так, значит, ты сумела все забыть. – Звук открываемого окна. - И где эта хреновина, стекляшка заостренная, которая есть символ нашей встречи на земле, и устремленности к небу?

- Я не забуду ничего. А серебристый обелиск на должном месте в спальне. И я всякий раз вспоминаю тебя, останавливая на нем взгляд.

- Когда трахаешься с Максимом Роминым и шепчешь ему слова любви.

- Зачем ты так, Олег. Нас с тобой никакие обязательства не связывают. Ты юн, и множество подруг почтут твою любовь за счастье.

- Мне показалось, мы встретились в любви.

- Нет, милый мой, мы только повстречались. Случился праздник, а жизнь – это терпение.

- Я многое стерпел, Елена, как тебя по отчеству? И то, что сволочи Ромины, кинули мне подачку, после гибели Игоря. Хотя ему половина бизнеса принадлежала. Я стерпел. Думал – Бог им судья. Просто вычеркну их, как нелюдей.

- Что же ты не поговорил с Максимом?

- Пробовал, дурак. Он мне такую схему написал, что Игорь им еще и должен. Но на меня долги не перекинули, добрые.

- Ну, что ты, Олег, милый.

- Что, опять пожалеть меня хочешь? Сладкая моя....

- Нет, я хочу, чтобы ты успокоился.

- Да как я теперь могу успокоиться, когда я узнал, как погиб Игорь, мой брат Игорь. Хочешь, я расскажу тебе?

Его поймали деятели русской мафии на выходе из банка. «Мы, сказали, тоже русские. Какая встреча!» А Игорь доверчивый. Нормальные соотечественники.

И стали требовать выкуп. И всего-то запросили пятьсот тысяч долларов, у «Макгора» больше пяти миллионов было на счету. «Проси, - говорят, - требуй, занимай, но если в два дня не уложишься, то успокоишься в сырой американской земле». Ромины денег не прислали, хотя Игорь просил, да и деньги не из их кармана. На третий день в Игоря влили спиртного до отказа и направили машину прямиком в столб. Мне это агент ФБР рассказал. Они банду взяли, так один деятель раскололся и покаялся. Безупречная информация, с именами, датами и подробностями.

- Может, Максим не...

- Ничего не может.

- Так зачем ты рассказал мне? Да, жуткая история. Но я не судия. И не могу судить Максима, да и не буду. Ведь важно, каков он ко мне. А тебе я сочувствую.

Некоторое время Элла Фитцджеральд пела, что «Мисс Отис сожалеет, но не сможет выйти к обеду». Собеседники молчали.

- Так зачем ты в Москве?

- Надо уладить дела. И хотел посмотреть, как ты нашу любовь бережешь.

Шаги. Бой часов.

- Прости, Олег. Я берегу воспоминания. И наша любовь уже там.

- Ну, ладно, – снова звуки шагов. – Но, нимфа моя, Лена, моя сладостная греза. Дай мне обнять тебя. Твои глаза. Твои губы. Дай мне прижать тебя к груди. Ты лань, ты моя трепетная лань.

- О, Боже, Олег, что ты делаешь со мной? У меня нет сил противиться.

- Идем туда, где звездный обелиск. Он будет хранителем отражений нашей страсти.

Характерные звуки физической любви. Стихают. И звук тупого удара. Вскрик. Хруст. И пауза. И слова Олега Разина:

- Прости. Мне не легче. Я думал, ты можешь любить. А так - мне ничего не надо. Пусть Ромина терзает горечь утраты. Пока не настигнет смерть.

Луи Армстронг: «И я подумал, про себя : какой прекрасный мир».

***

Записывать на диск как можно больше материалов – видимо, так строила подготовку к писательскому труду начинающий драматург Ромина. Она автоматически включила запись, когда кто-то, неожиданно, позвонил в дверь.

После Армстронга диск записал, как Разин, на обратном пути, замешкался в прихожей, выговорив: «Одна лишняя». Как хлопнула за ним дверь. Как Элла Фитцджеральд допела, что «The thrill is gone». И кончил запись на ночном бое часов.

Нужно было достать Марину, чтобы удостоверить голос Олега. И Гуцин, неожиданно, обнаружил, что не знает ее координат – ни телефона, ни адреса. Анна Андреевна - единственная, через кого был на Марину выход, сама оказалась недоступной в ответственный момент.

Но вскоре позвонила.

- Я, вижу, вам нужна. Какие есть вопросы?

- Мы обнаружили диск. На нем беседа Разина с Еленой. И нужна Марина для опознания – только она сможет определить, его ли голос.

- Марина сейчас у отца, процедуру придется назначить на завтра.

- Может быть, я могу позвонить, договориться, подъехать?

- Нет, Виктор Васильевич. Они видятся не часто. А сегодня Владислав Анатольевич целый вечер выделил, чтобы с дочерью побыть. Завтра утром я попрошу Марину заехать, у меня и сможете встретиться.

- А что такие сложности? Я могу подъехать, куда скажете. Лучше бы сегодня, вопрос-то пяти минут.

- Уважаемый наш господин следователь. Один день ничего не изменит. Я, беспокоить Вдовина, когда для встречи с дочерью единственной, он, в кои-то веки, сумел выделить целый вечер, не стану. Да и спешки нет. А вас, в лучшем случае, соединят с секретарем. Он станет узнавать – что, да как? И причем здесь Марина? Могут вообще отказать, чтобы Марина показания давала. Так что, подождем до завтра. Она девочка добрая. Определит, Разин ли это с Еленой беседовал.

- Да что такое? Что за тайны мадридского двора? И что за папаша трепетный? Не следует беспокоить.

В трубке повисло молчание. Гуцин собрался перезванивать, как услышал бесстрастный и, как бы, официальный голос Вербиной:

- Вы разве не знаете? Попросите принести ноябрьский журнал «Финанс». Маринин отец – Владислав Анатольевич Вдовин. Позвоните вечером. Я сегодня не лягу рано.

Первую часть указания Гуцин выполнил незамедлительно. В ноябрьском номере «Финанс» был опубликован рейтинг ста самых богатых людей России. С состоянием в двести миллионов долларов, Владислав Вдовин занимал далеко не последнее место. И вряд ли бы отменил запланированный вечер с дочерью ради суетливого майора милиции. Который искал помощи Марины в определении принадлежности звучащего на диске голоса американскому студенту-недоучке, мимолетно знакомому Марине по Колумбийскому университету, и убившему жену Маринино бывшего жениха.

-Простите, Анна Андреевна. Так, когда на встречу с Вдовиной можно надеяться? – голос Гуцина выдавал растерянность и звучал почти просительно. – Какая, выходит, она особа важная. А, с виду, сама простота.

- Да полно вам, Виктор Васильевич. Она же воспитана и умна. И жизнь для Марины не в том, чтобы покупать удовольствия на отцовские деньги. Я позвоню вам завтра, по результатам разговора.

- Да, какая публика у нас пошла. Расклассованность. Спасибо, Анна Андреевна.

Гущин откинулся в кресле. Не более пяти минут продлилась точка в завершении дня. И отправился домой, оставив рабочие мысли на утро.

***

- Здравствуйте, Анна Андреевна! Как вы живы - здоровы?

- Не жалуюсь. Особенно когда с утра такие приятные люди звонят. Как вы, Владислав Анатольевич?

- Спасибо. Нормально. У вас дела? Планы?

- Да, что вы. Для вас я всегда свободна. Если, только, об этом речь.

- Да. Мне нужно увидеться с вами, обсудить. Марина в город с водителем и ассистентом поехала, что-то ей купить надо. Что, если я за вами сейчас машину пришлю?

-Да, Владислав Анатольевич. Буду рада видеть и быть полезной.

***

Сначала Анна Вербина познакомилась с Катей Вдовиной, Мариной мамой. Матерям хватало поводов для общения - девочки дружили. Жили почти рядом, пересекались. Как-то Катя представила Владислава.

Вдовины были молоды и спортивны. Марину не дергали указаниями. Видимо, правильно управляемая с детства самостоятельность, создала у девочки восприятие мамы, а, особенно папы, как заслуживающих безусловного доверия. Да. И особенное чувство к отцу, усиливалось его появлениями дома наездами, праздниками встреч.

Владислав занимался металлургическими, угольными, нефтяными и всякими другими важными делами в Сибири. Катя Вдовина имела юридическое образование. Диплом ждал своего часа. Катя и Владислав видели главной задачей – образовать Марину, как личность. Катя занималась ребенком, но в Сибирь летала часто. Владислав, по возможности, вырывался в Москву. А, когда, случалось, они отсутствовали вдвоем, то бабушка не спускала с маленькой Марины глаз. Со временем Марина сделалась помощницей, а потом и действующей хозяйкой в московской квартире, с безупречным тактом подтверждающей бабушке, что бабушка – самая главная.

А Анна Вербина и Катерина питали друг к другу симпатию, уважение и доверие. По любому вопросу, касающемуся девочек, они общались постоянно.

Когда Вербина предложила взять Марину на юг, куда собиралась с дочерью, Вдовины, с благодарностью, согласились. Владислав уже три года был главою одного из крупнейших холдингов Сибири, Екатерина Павловна возглавляла в холдинге юридический

отдел. Марина действительно стала взрослой, с твердыми жизненными позициями, девушкой. И заслужила, в глазах родителей, право на самостоятельность.

Тем более, что финансовые возможности Владислава Анатольевича позволяли определить штат профессионалов, чья неустанная, неназойливая и незримая опека делала самостоятельность Марины Владиславовны Рябининой, вдобавок, безопасной.

Марина не имела секретов от отца, она подробно рассказала о последних событиях. Он уже имел свою информацию, и Вдовина насторожила эмоциональная окрашенность дочерней версии, особенно в отношении Разина.

В итоге часовой телефонной беседы с Катей, они решили, что для Марины наступило время перемен. И кто, как не Анна Андреевна, полномочная провидица, да что там – указующий перст судьбы, должна была с Мариной говорить?

Ведь Анна Вербина давно и твердо знала, что у Мариночки все будет хорошо.

В случае соблюдения рекомендаций.

***

Владислав Анатольевич встречал гостью у самых дверей. И расцеловал от души, и под руку прошли они в гостиную, занимавшую пол-этажа подмосковной резиденции «сибирского медведя», как предпочтительно называла Вдовина жена Екатерина.

- До чего же я рад вас видеть, Аннушка. Как будто молодое и радостное прошлое вернулось, когда еще не диктовалось все необходимостью постоянной деятельности, и можно было просто встречаться, а не вести деловые переговоры.

- Ну, уж, чую не совсем «просто встречаться» вы меня сюда вызвали. Но вижу, что действительно рады. И спасибо вам за это.

- Нет, право. Смотрю и диву даюсь, насколько годы не властвуют над вами, а только красят. Ведь, сколько мы не виделись, лет пять?

- Около того. Да и вы, Владислав Анатольевич, стать и удаль не утратили, а только, будто, возмужали еще. И решительностью весь облик дышит.

- Что это вы меня «Анатольичем» величаете? Уж лучше господином Вдовиным, и просьбу в письменном виде, чтобы я резолюцию наложил. Ведь у нас же с вами отношения и дружеские, и давние, почти родственные. И Катя мне сегодня говорит: «Увидишь Аню – расцелуй. И слово с нее возьми, что соберется к нам летом». Так что, пожалуйста – Влад - и никак иначе.

- Это не сложно, потому что я, когда вспоминаю или мысленно разговариваю, так к вам и обращаюсь.

- А как там Тина-Валентина, может, проблемы появились? Жить в Испании, да еще своим трудом – она молодчина какая. Так как ее дела?

- Без вашей стипендии уже бы давно оттанцевалась. Но мы ведь действительно, как добрые друзья беседуем. Так и поделюсь, что тревожно мне за нее.

- Как так тревожно? Давайте решать, и поможем.

- Нет, Влад, я сейчас не стану говорить. Это все гены ей жизнь осложняют. Беда, что проявился в ней могучий импульс предка. Но, поглядим. А помощь потребуется, я и обращусь. Есть надежда, что не встречу отказ?

- Ну, тогда и я к вам с тем же вопросом. Мы просим совета. И у нас есть пожелания. Во-первых, вся эта история с охмурявшим Марину Максимом, она не наделала бед. И, с вашей помощью, окончилась для девочки с полезным жизненным уроком. Но эта череда смертей, и какой-то Разин. По-видимому, убийца. А Марина его жалеет.

- Про знакомство Разина с Мариной не знал никто. Уж, во всяком случае, не придавал значения. Мало ли знакомых. Ведь не друг он ей даже. Настолько посторонний, что и разговоров о нем не было.

- Марина говорит, что будет пытаться связаться с ним, и это просьба следствия.

- Вы не хотите этого? Так этого не будет. Я же сама специально ездила и к Максиму, и к следователю. Не далее, как вчера, Гуцин просил найти Марину, чтоб опознала она по записи на диске, с кем покойная Ромина беседует. Разин ли это?

- Нет, Аннушка, Марине незачем участвовать в отголосках трагедии.

- Я так же думаю. И сказала следователю, что дам знать, если Марина сможет содействовать. И все же думаю, я, Влад, что опознание надо сделать. Не больше пяти минут займет формальность. И так ясно, что Разин разговаривает. А Марина окажет возможную помощь. И это будет все. Только в Нью-Йорк возвращаться не надо.

- Я договорюсь, чтоб Марину известили, что продление стажировки возможно только с сентября.

- Думаю, ей лучше всего побыть с вами.

- Только и ждем, чтоб всей семьей собраться.

- Я подскажу ей, как ей дальше жить.

- Ну, а когда сама к нам в гости?

- Точно не скажу, но нагрюну непременно.

- Так я Кате и передам.

***

- Да, это Алик. Его интонации, хотя голос звучит хрипловато. Это он.

Марина опознала Разина, и Гущин заспешил с уходом. Вдовина расписалась в протоколе, а Гущин спросил на выходе:

- Не пробовали прозвониться?

- С тем же результатом.

Анна Андреевна спросила, отчего не задействованы средства, «как это называется?», «пеленгации?». Ведь, вроде, нет проблемы обнаружить нахождение мобильного телефона, а, следом, и владельца.

- У Разина американский сотовый оператор. Объявим в международный розыск, подключится Интерпол. «Гермес» не убежит.

«Как дико слушать подобные речи, и вспоминать Олега в МГУ. Не буду я преступников высматривать». - Человек хорош, пока не доказано, что он плох, - выговорила, неожиданно, Марина вслух.

- Виктор Васильевич, идите, пока не утомите, что вы стоите. Вы ж говорили, есть еще дела, - напомнила Вербина. И следователь ушел.

Марина поделилась новостью.

- Мне звонил из Нью-Йорка куратор стажировки, и извинялся за неожиданность информации. Зимний семестр отменен, занятия продолжатся только осенью.

- Вот так сюрприз. И какое облегчение. У меня будто камень с души убрали.

- Что, Анна Андреевна, так радует вас? У меня время украли.

- Нет, милая, считай - тебе судьбы подарок. Это не отсрочка занятий. Это начало жизни, а в ней тебе много чего хорошего уготовано.

- Вы же все говорили мне: подожди, надо уметь ждать.

- Ты веришь мне, как девочкой когда-то? Так вот. Время твое наступает.

- И что же мне делать, как встречать его?

- Для начала поехать к родителям. Стереть из памяти последние события не выйдет. Но не вороши их, ты сможешь.

- А вдруг я до Алика дозвонюсь, или будет звонок от него?

- Гуцин сказал - Интерпол подключают. Его профессионалы по всему свету искать будут. И, представь себе, если еще и ты, Марина Рябинина, будешь прозваниваться. Ну, ладно бы, он твой враг был. И то смешно включаться в поиски.

- Да, чушь несусветная. А ведь знаете, недавно я шла по Тверскому бульвару, и будто бы черту над прошлым проводила. А потом на душе вдруг стало светло, и будто предвкушение во мне росло – то ли явления, то ль откровения.

- Так и езжай домой. Теперь совсем немного ждать. И будет тебе явление, и откровение.

- Сейчас же с папой обсуждаем, и я еду. Из дома позвоню. Спасибо вам за все.

- Что ж, девочка моя. Удачи. В добрый путь.

***

Гуцин внимательно читал письмо Веры Гордиенко, которой удалось отыскать сестру Разиных и успешно побеседовать с ней. За долгий перелет от Москвы Вера и сотрудник Нечесов достигли достаточной непринужденности общения, а задача визита не требовала каких-либо инсценировок. Вот и «заехали они на обратном пути с похорон. Старик Ромин просил повидать Олега и Ольгу, и рассказать, какое горе».

« Ольга Разина встретила прохладно и вопросительно. Никаких чаев с дороги. Достала кока-колу. И смотрит.

- Я заехала к вам, потому что Петр Михайлович просил известить, в первую очередь, Олега. Но вы ведь тоже Максима знали?

- Можно считать, что знала о нем. Так, видела раз несколько.

- А Олег скоро будет? Может, позвоним ему? А то времени в обрез, у нас самолет в Денвер вечером.

- Олег здесь не живет. И, где он есть, я понятия не имею.

И тут я почувствовала, что надо говорить о горе, о трагедии, о дружбе Игоря с Максимом. Как то зацепить. Потому что разговаривать с нами не хотели и, было похоже, могли указать на дверь.

- Простите, Ольга, я сама в Америке живу долгие годы. Но когда такая трагедия обрушилась, я бросилась в Москву, потому что со слов невозможно представить, что близких людей нет в живых.

- Да, наверное, – сказала Ольга, и что-то задумчивое мелькнуло в ее взоре. – Я тоже не поверила, когда нас вызывали опознавать то, что осталось в машине от Игоря.

- Вот. Я и подумала. Максим, я знаю, ездил к вам на годовщины гибели друга, вашего брата. И, может быть.... Вот, фотографии захватила. Максим с Еленой осенью в Подмоскowie снимались. Думала, Олег захочет сохранить.

- Послушайте, как вас, Вера зовут? Вы, говорите, давно в Америке живете? А вы все равно русская, не потому, что прямо оттуда, и, наверное, часто в Россию ездите. Вы неистребимо русская, таких и в Москве немного наберется. И мне вы симпатичны. Но что же делать, если не трогает меня чужая, воспаленная история. Наверное, нет во мне никакой души, а есть ненасытный желудок, который потребляет фастфуд. Есть привычка ходить каждый день на работу. Меня евреи в русском магазине продавщицей держат. И нет у меня братьев, потому что один погиб, а второй сам себя погубит. Но я уже об этом не узнаю, потому что я хочу есть и идти в кино.

Я, слава Богу, медик, и распознала истерику, начинающуюся со ступора.

- Ну что же, Оля, горе и свое у каждого есть. И давайте мы, теперь ваши русские знакомые, соотечественники. Давайте, все же, по русскому обычаю, помянем ушедших. Давайте. Андрей, открой.

Ольга, молча, принесла рюмки. Молча, выпили. Ну, я думала, вот и все.

Но, то ли оттого, что мы уедем и, наверное, навсегда; а, скорее, от полного одиночества, когда поделиться даже не с кем, а мы разделим ее боль и, может, уменьшится ее горькая доля, Ольга спокойным, ровным, усталым голосом поведала обстоятельства крушения ее дома американской мечты.

« Я уезжала; тогда многие хотели уехать. Кто за иностранца замуж выходил, кто за диссидента, которого из России выдворять собирались. А мне Саша Эпштейн попался. Он как раз начинал оформлять документы по еврейской линии, да еще и «голубой». Он согласился меня с собой взять, «а потом разбежимся».

Приехали, а разбежаться некуда. Ну, да ладно. Кантовались вместе, все нас семьей и считали. Потом он в русском издательстве начал работать, деньги появились. Мне в Москве представлялось, что выходишь в Нью-Йорке на стрит, а кругом женихи, один другого краше.... И я, русская, такая желанная. Куда там....

А Эпштейн, он неплохой. «Я, говорит, к тебе привык. А что вот секса нет, ты уж извиняй». Ладно, так и жили. И приехали Игорь с Олегом. Игорь при деньгах, а Олег скоро школу окончить должен. Я и говорю Игорю: «Давай Олега в колледж определим. Ты учебу оплачивать сможешь. Живет пусть у нас, все-таки родственное тепло. А я, так просто, рада буду». Игорю идея понравилась, «Я, говорит, деньгами вас обеспечу. Ты ему уют домашний. Что он в Москве все один, да один. И образование здесь получит стоящее. А там видно будет». Вот с такими планами они уехали в Россию, чтобы все документы подготовить, и язык Олегу подучить.

На деле все вышло много сложнее. В колледж Олега приняли, деньги проплатили полностью. Но ведь еще надо было учиться. Несовершенный английский не позволял Олегу усваивать материал на лекциях. Наняли ему педагогов дополнительных. В общежитие предлагали его определить, чтобы в вынужденной, «отлученной» от родного языка ситуации он быстрее освоил английский, как необходимость. Но Олег не хотел с американскими ровесниками жить. Игорь деньгами обеспечивал. Я только домом занималась, старалась угодить. Эпштейн вел себя безукоризненно. Он и до этого свои любовные проблемы на стороне решал. И в окружении мы имели семейную репутацию. Так что жил Олег с нами, дома говорил на родном языке, а в колледже его прозвали «дикий русский».

У нас разница в возрасте существенная. Уехала я, когда Олег ребенком был. Так что сестра то я ему родная, но нельзя сказать, что близкий человек, как ни старайся. Игоря он любил и уважал, и тянулся, но тот все в делах. Если только посоветует что-то, и деньгами поможет. «Лучше бы я с мамой и отцом улетел тогда, в августе. И наблюдали бы мы с ними с небес, как вы тут, в муравейнике, бултыхаетесь», - вырвалось у Олега однажды. Но думать-то об этом он мог постоянно. Вы ведь знаете, что Олег родителей в Сочи проводил на самолет, и махал им с пляжа рукой, пока лайнер не обрушился в море стремительно. И Олег бросился тогда в воду, и все плыл, плыл исступленно к горизонту, пока его, обессиленного, не подобрала моторка. А родители так на дне моря и покоятся. Бедный малыш.

Правда, возмужал он здесь здорово. Игорь был не спортивный, интеллигентный, а Олег получился мачо. И в кого он такой? Дикий русский мачо. Девушки шеи сворачивали, когда проходил он, такой независимый и непонятный.

И вдруг погибает Игорь. Он заезжал к нам, потом в Луизиану поехал. Олег светился весь, когда с ним Игорь рядом. «Сейчас договор подпишу, для нас выгодный, и «Феррари» тебе куплю, как обещал». «Бог с ним, с «Феррари». Ты когда в Нью-Йорке обратно будешь?». «Через два дня». «У меня разговор к тебе». «Так я больше суток в Нью-Йорке на обратном пути. И все обговорим, и решим, если есть какие проблемы». Я как сейчас этот разговор слышу, мы втроем завтракали. Вот так.

А потом сообщение. Оpozнание. Похороны. Игорь здесь, в Нью-Йорке, и похоронен. Потому что я ближайший родственник, и я гражданка США. Олег сам не свой был все время. Он и хотел бы уехать, но в целом мире только родная сестра осталась его семьей, и прах брата покоится рядом. Максим этот какие-то деньги привез. Мне на счет положил, Олегу отдельно. И сказал, что мы ему как родные, и будущее Олега он обеспечит. Но кто чего не говорит, когда сказать что-нибудь надо?

Олег остался. Но так смотрелось, будто затаился. Стал совсем немногословный и категоричный. И стал учиться, и в колледже нормально утвердился.

Раньше были разные страницы. Последняя – безумно грустная.

А эта будет гнусная. Потому что Эпштейн стал к алкоголю прикладываться, и только этого нам не хватало. Ну, я думала, попрыгает, да и успокоится.

Когда я пришла домой, то сразу испугалась, что дверь открыта, а из квартиры, то громче, то тише, доносятся какие-то стоны мучительные. Эпштейн валялся в гостиной на полу, окровавленный. Он эти звуки и производил, с трудом ворочая голову из стороны в сторону. В комнате Олега происходили какие-то активные действия и выстрелами били то русские, то английские матерные слова. Я подошла и стала в дверях.

«А, Оленька. Ты уж прости, что я твоего муженька там ухайдакал. Жалко, что не до смерти. Но мне убийствами сейчас не время заниматься. Да и жаль из-за такой мрази в тюрьму идти». Из сбивчивого рассказа нарисовалась картина. Сначала Олег не понял, с какой радости Эпштейн пришел в душевую. Олег ополаскивался после занятий, но увидев, что Эпштейн, вроде, навеселе, сказал ему миролюбиво: «Иди, Саша, я скоро выхожу». А Эпштейн стал пытаться лапать его, «хватать своими грязными руками». И успокаивать, что «всего лишь раз, Олежек, и никто не узнает». «И не унимался этот пидер гнойный, пока не вышвырнул я его, да и прибил пару раз». «Какие сволочи кругом. И ты мне его в родственники навязывала».

Я и молчала. Да что же я могла сказать бедному маленькому мальчику, своему взрослому брату. Он столько в жизни горя видел. И там, где (его уверяли, и он надеялся), еще осталось подобие родного угла, рядом жил извращенный, похотливый и подлый враг, который долго ждал своего часа.

Я только и сказала: «Куда же ты, Олег». «Найду куда. И, может, ты не виновата. И я тебе позвоню когда-нибудь».

Я отвезла Эпштейна в больницу. Сказали, что на улице нападение. Он в сознании был и сам все время эту версию повторял. Я не смотрела на него. Один раз, случайно, видела затравленный взгляд. Была пробита голова, сломаны ребра и сотрясение мозга. Не опасно для жизни. Только потом меня в госпиталь вызвали, и сказали, что нужно сдать кровь, потому что Эпштейн болен СПИДом.

Это все три года назад было. С тех пор я не видела Олега. И про Эпштейна знаю, что он где-то болеет. Я съехала с квартиры, где был семейный очаг. Но мобильный у меня все тот же. Ведь он позвонит мне, мой младший брат».

Так что, Виктор Васильевич, вот история Олега Разина от Ольги. Я буду ей звонить, потому что ее откровенность не позволит мне не принимать хоть какого-то участия в ее судьбе. И Ольге свой телефон оставила. Я первая сделаю звонок и, думаю, мы будем поддерживать связь. Если какие-то новости, тут же дам знать.

Надеюсь, вы не забудете вашего нештатного сотрудника. И напишете. Нет, не письмо. Хотя бы маленький, но исчерпывающий отчет. Где прозвучат ответы, на все зависшие «зачем?», и «кто?», и «почему?».

Письмо отдам сотруднику Андрею. Такое сопровождение не оставляет никакой лазейки для опасности. Искренне Ваша. Гордиенко.

P.S. Олег из дома ушел, но в колледже Колумбийского университета продолжил учебу. Ольга справлялась. Так что там его последние следы. Удачи. Вера».

Да. При полном отсутствии намека на место нахождения объекта, на удачу оставалось рассчитывать в первую очередь.

***

Петра Михайловича Ромина необходимо было известить о возможном и внезапном визитере. Ведь в записи разговора Олега Разина с Еленой о нем прозвучали жесткие и категоричные слова.

Ромин ответил на телефонный звонок с неожиданной оперативностью, и пригласил подъехать «когда вам удобней», попросив прощения за то, что «пока еще» не может подъехать сам, хотя «почти в норме». Что еще поспорит с волнами корабль «Памяти Максима».

По дороге во Внуково Гущин припомнил рассказ Дорофеевой, свидетельницы амурных дел Клавдии с Калининым, и о построенных тогда планах. Сама ситуация представлялась возможной, но чего только не вынашивают люди в подвластных искушеньям головах. Виктор Васильевич наметил проследить, какая нынче Клавдия Ивановна, имеет ли место затеянная интрига.

И был неожиданно удивлен, что Петр Михайлович, действительно, выглядел молодцом. Не осталось и следа от немощного, прикованного к кровати тяжелого больного. Глаза смотрели устало и недобро, но в них же читалась сжатая в кулак воля. А Клавдия Ивановна ни в коем случае не выглядела приживалкою. Они являли собою тандем, и, видимо, Дорофеева ошиблась.

Рассказ об Олеге Разине и Елене не вызвал ни возгласов недоумения, ни каких-либо негативных оценок.

- Так вот значит как оно, - глубокомысленно и зловеще выговорил Петр Михайлович, когда Гущин назвал Разина, как убийцу Гусевой. – А про Максима версии отыскивались?

- Возможно, да и скорее всего, это тоже Разин. – Гущин внимательно смотрел на тетушку и отца. – У него твердая уверенность, что вы какую-то роль в смерти его брата сыграли.

Вот тут уж у Клавдии глаза буквально полезли на лоб, а Ромин, с ненавистью, выговорил: « Чем больше делаешь людям добра, тем злобнее в них проявляются твари. Вскормили, змееныша. Я говорил Максиму: «не подкармливай его. Раз Игорь так нам в душу плюнул, напился, и смертью своей нас в глазах деловых партнеров неблагонадежными выставил. А от Олега еще чего похлеще жди». Так, значит, он Максима на тот свет отправил?

- Доказательств нет, а намеренья у него были. Но, где Разина искать, одному Богу известно. Вы уж, пожалуйста, предельно осторожны будьте. А, если появится, сразу дайте знать.

- Да я его, зверюгу, как пса бешеного пристрелю. А вам уж позвоню, или до, или после.

- Нет уж, Петр Михалыч, пусть с ним по закону разбираются. А вам спасибо, что дали знать – чего ждать, чего бояться. – И Клавдия продолжила, пристально глядя Ромину в глаза, - Теперь, если ехать надо, машину и охранника. Одного я тебя не пущу. А дом у нас – крепость. И сторож есть. И собаки.

- Я теперь к делам вернуться должен. Правда, заправляет в компании надежный человек. Но свое дело чужим людям негоже в управление отдавать. Ради Максима все продолжить надо.

-И не забудьте тут же к нам, если что вдруг начнет случаться, - напомнил Гущин, уезжая.

- Он не выйдет сухим из воды.

***

Татьяна Дорофеева все отметила верно, когда стала невольной свидетельницей randevу в «Стейк Хаузе». С чего бы Клавдии быть старухой, когда ей только минуло пятьдесят. И действительно, она позволяла себе свидания с мужчинами. Что не мешало ей оставаться преданной суровому Петру, к которому прикипела всем сердцем еще девушкой, когда умирала сестра.

С Калининым случались нечастые встречи. В них не было любви, и было мало страсти. Петр Ромин разбудил в Клавдии женщину, и доныне его нечастые требовательные ласки могли по-прежнему доводить ее до иступления. А Слава был на просто так. Ему льстило, что он близок с сожительницей хозяина. Он посчитал, что осчастливил Клаву. Толстеющий, лысеющий Донжуан.

Когда Клавдия, а Петр Михалыч уже выздоравливал, пересказала ему мечты Калинина, то Ромин выслушал, и замкнулся в безмолвии. Клавдия не тревожила его мыслей, а с нежностью разглядывала родное лицо в привычной транскрипции крепких раздумий.

- Ты знаешь, Клава, есть одна идея. Но ты уж сразу не бракуй.

- Что ж, в ЗАГС меня с Калининым отправишь?

- Не ерунди. А вот какая мысль. Компания эта, «Макгор», мне при Максиме была нужна и интересна. А вышло, что мы сироты с тобой, одни на белом свете. Так на черта еще и лямку тянуть. Сейчас компания доходы приносит, и денег стоит. Но продавать ее на сторону, это как ликвидация будет. При тех обстоятельствах, что Максим убит. А Калинин богат, за моей спиной воровал успешно, да и в перестройку не оплошал. Давай ему компанию и продадим. А сами поживем еще, сколько сможем, на самую широкую ногу. С деньгами, и путешествиями по миру.

- Вот уж не ожидала никогда от тебя таких речей услышать.

- Я и мыслей таких не имел. Все старался для Максима, и для внуков. А как подумал, что в могилу ничего не унесешь, так и открылось, что делать надо. Пока не поздно.

- Ты же знаешь, Петя, мне только твои желанья узнать. В лепешку расшибусь. Только вряд ли Калинин купит фирму. Хитрый, расчетливый – где ему не знать, какая цена обезглавленной компании.

- Кто ж ему станет предлагать купить ее всю? Он же просил тебя поговорить, чтоб его генеральным директором назначили? Так ты скажи, что тебе большее удалось. Что уговорила ты меня продать ему акции Максима. Так что может он стать совладельцем, наравне со мной.

- И что же будет хорошего?

- Для всех станет абсолютно ясно, что компания на плаву. И с притоком нового капитала получает более высокий рейтинг.

- Ну, вложит он деньги в половину фирмы. Но это же не то. Ты все еще при делах. А он знает, как быть твоей тенью, и не захочет.

- Так мы разделим мою половину. Между тобой и мной. Так что половина целиком Калинину принадлежать будет, четвертая часть тебе. И мне, болезному, тоже четвертина. И тогда он может к тебе свататься – где мне устоять?

- Что ж, это мысль. А потом можно продать, и выгодно, мою часть акций. И пускай Слава всем управляет. И расширяется. Мы будем только рады.

- Звони и говори, что скоро под венец.

- А тебе лишь бы меня сбегать.

***

Вячеслав Калинин всегда радовался, если свидание с Клавдией было на его территории. Двухэтажный особняк в Толстопальцево, в иные дни давивший пустотой, вдруг обретал черты домашнего уюта и семейного очага. А в этот раз, коль Петр Михайлович решил пройти обследование в больничном стационаре, давнишняя подруга и до сих пор любезная Славинуому сердцу Клавдия смогла выбраться на три дня.

И, в то же время, родные стены добавляли Вячеславу уверенности. Тот разговор, что он завел за столиком кафе, тогда возник из заготовки планов, которые внезапно выстроились из обстоятельств. Жажда деятельности и перспектива обогащения настраивали Калинина на решительные шаги. И не было причины сомневаться, что Клавдии близки его мечты. Оставалось обсуждение деталей, и, как говорится, попутный ветер в паруса.

Клавдия Ивановна, красиво одетая, дородная и свежая, была грубовато кокетлива, что добавляло изюминку в ее портрет. Калинин раздумывал, помогая собирать на стол, подбрасывая дрова в камин: «какая умная и чуткая, моя Клава. Ведь знает, что серьезный вопрос решаться должен, а и не надо торопить, не чужие люди собрались на консультацию».

Но за столом, в начале семейного ужина, когда Вячеслав наполнил бокалы, женщина внезапно застыла, как перед броском в решительный поступок. И, подняв бокал, глянула Калинину в глаза.

- Ты ведь как бы меня в жены звал? Или теперь другие намерения?

- Какие другие? Но мысль была о том, чтобы мы не только счастливы стали, но и богаты.

- Ну, а если без нового богатства? Неужто у нас денег не хватит не хуже других себя чувствовать?

- Тут, Клава, живой бизнес или погибнуть может, или разбазариться. Компания Максима в самом соку. А если упустить момент, и не взять ее в твердые руки, такая, можно сказать, империя развалится.

- Разваливаться ей никто не даст. Так что же ты меня в неведении держишь? Ты фирму командовать мечтаешь, чтоб умножать немалые доходы? Или тебе Клавдия Ивановна нужна, чтобы познать семейное счастье в действии?

- Ты не права, что разделяешь союз сердец и общность интересов. Ну, есть у меня какие-то средства. Но если просто их прожигать, то недолго им быть в наличии. Я хочу приумножить их, чтобы мы с тобой потом не, - тут Калинин внезапно прервался. Затем решительно выговорил: «Ты, Клавдия Ивановна..., Тебе нужны приоритеты. А для меня все это единым целым выглядит. И не малые мы с тобой дети, чтоб все забыв удариться в любовь. На то и опыт за плечами. И желания теперь, в зрелости, конкретные и выверенные. Или я что не так говорю?».

- Все так. И я с тобой согласна. А наши чувства проверять не надо, временем испытаны. Я новость припасла. Давай. – Она подняла бокал. - За нас. И поделюсь.

Они выпили. Клавдия проводила глазами обратный путь бокала.

- Ты, Вячеслав Петрович, послушай теперь, какие реальные действия мы с тобой можем произвести. На мой взгляд, перспективы много радужней. Петр Михайлович не хочет, чтобы детище Максима на нем висело, словно память об утрате. Да и здоровье подкосилось, дай сил его поддерживать. Я ему сказала: «Пригласи Калинина генеральным директором. Он все проблемы сам решать сможет, человек проверенный». А он взглянул на меня с сожалением, «Зачем Калинину наемным служащим идти? Да и какой он управляющий? Этаким господин. Пусть свое дело открывает».

Вячеслав Петрович усмехнулся.

- Легко сказать – начать с нуля, когда везде конкурентов на стадии становления топят. Нет, я всегда был сподвижником лидера. Да я бы с Михалычем....

- Вот я Петру и говорю: у вас с Максимом в компании равные доли. Так ты сделай Калинина своим компаньоном, если у него денег хватит Максиму часть выкупить.

Клавдия пристально следила за реакцией. Вячеслав Петрович был явно не подготовлен к такому повороту, и задумался, постукивая ножом по накрахмаленной салфетке.

И тут Петровичу открыли основную привлекательность проекта.

- А потом такое решение Петра Михайловича я услышала, – продолжила Клава: «Калинин или не Калинин, а половину компании я продать решил. Может, Немченко

купит. Он-то уж знает о прибылях на сегодняшний день и их потенциальном росте. Но со второй, моею личной долей, я думаю распорядиться так.

Клавдия начала выдерживать паузу. Калинин ждал с нетерпением, и она раскрыла карты.

- Меня, за преданность душой и телом, Петр Михайлович половиной своей доли награждает. «И будем мы, Ивановна, владеть четвертой частью «Макгора» каждый, и будем прибыли с доходов получать. Ну, а когда придет мой час, и ты меня в последний путь проводишь, не бедной будешь век свой доживать».

Вот тут-то пауза и зависла. Слава, на автомате, поухаживал за дамой, налил себе. Но выпил сам с собою, в молчании. Клава делала нечастые маленькие глотки вина, и смотрела на огонь в камине.

- Так это немалые деньги потребуются, чтоб совладельцем фирмы стать, - тихо озвучил Владислав ход встревоженных мыслей.

- Но в одночасье ты становишься одним из владельцев солидной действующей компании с прозрачной историей, безупречной репутацией. А деньги свои, если прибыль не устроит, ты всегда вернуть сможешь, только о продаже заикнись.

И было видно, как мучительно идет в Калинине процесс решения. Всю жизнь он сколачивал капитал, ведя операции на чужих, государственных ли, частных ли денежных средствах. Теперь же надо было декларировать свои и в оборот их пускать. И Клавдия Ивановна вмешалась.

- Да, что же мы, Петрович, совет в Филях, иль сбор ГКЧП? Какое бы решение ты не принял, сегодня вечер наш, и даже целых три. Горячее, небось, уже остыло. А мы закуски позабыли есть. Налей, мой господин и повелитель.

- Вот, Клава. Оттого ты мне особо дорога, что человек ты легкий и праздничный, хотя и в сложных ситуациях ты разбираешься на раз. И тост мой за тебя, такую добрую, домашнюю, красивую.

Они поднялись, как молодые на свадьбе. И, после вкусного вина, был сладок долгий поцелуй.

Утром третьего дня Калинин, сразу после пробуждения, тоскливо подумал о том, что Клава сегодня уедет. И дом утратит ее тепло, пульс ее жизненной энергии.

Он пробовал и семейный очаг создавать, но кандидатки на должность хранительницы не выдерживали испытательный срок. И исчезали, оставляя в памяти пятна неприязни.

Порой потребности физиологии толкали его на покупку любви. Но делал все на стороне, иногда получая наслаждение с надменным оттенком брезгливости.

И к вечеру третьего дня Калинин созрел для ответа. Он только лишь спросил, как скоро будет предложение. Цену предполагаемой сделки Слава знал, как и состояние дел «Макгора». Цена не выше рыночной стоимости, а к Новому году «Макгор» пришел в изрядной прибыли, да и перспективные планы сулили барыши. Не мог же Немченко за столь короткий век, когда он заправлял делами фирмы, хоть что-то ей во вред произвести? Никак не мог, а если «ДА», то взыщем.

- Так, Клавдия Ивановна, становимся мы компаньонами. Но когда же прилепится жена к мужу своему, или, как там говорится.

- Когда у жениха будет полцарства, а за невестой станет четвертина, тогда я, Вячеслав Петрович, подумаю о вашем предложении. Ты столько времени потратил на сомненья, что я уж думала, зачем я, дура, умного человека мыслями нагрузила?

- Да никаких сомнений. Как только Петр Михалыч выступит с разговором, так и будем обговаривать практическую сторону действий. Только бы хотелось и дарственную тебе оформить в один день. Пусть будет датой семейного праздника.

- Все решено. Но мне надо Петра Михалыча подготовить. Он говорил всерьез, не горяча. Но я три дня наблюдала, как мужчины очевидные решения принимают. Так что дадим Петру утвердиться в намерениях. Спешить не станем. Все одно – вопрос не больше трех дней.

- Ничего, ты у меня тоже когда-нибудь задумаешься. Только я скажу тебе: «Думай, Клава, сколько хочешь. Все равно мы придем к консенсусу».

- А я скажу тебе: «До скорой встречи».

***

Все документы по компании «Макгор» были отправлены каждому из потенциальных владельцев по электронной почте заранее, для изучения и выводов. Калинин исследовал каждую цифирку, любую запятую. И остался доволен проверкою, не на ветер он выбрасывал средства. Назначили день подписания документов, которые со всей тщательностью готовил известный, проверенный нотариус. Оговорили условия проведения денежных расчетов.

Встречал руководство исполняющий обязанности генерального директора Евгений Сергеевич Немченко. В головном офисе, расположенном на втором этаже элитного автосалона компании «Макгор» ощущалась атмосфера торжественности и значимости происходящего. Евгений Сергеевич работал безукоризненно четко, вплоть до внедрения протокольной обязательности в события определенной важности.

Петр Михайлович считал должным лично информировать своих новых компаньонов о текущем финансовом состоянии. Два автосалона за предыдущий год увеличили объем продаж в полтора раза, те же тенденции сохранялись на сегодняшний день. Об автосервисах убедительно говорили цифры, их Петр Михайлович с подчеркнутой артикуляцией озвучил. В построенном торгово-развлекательном комплексе шла бойкая продажа и сдача в аренду помещений.

И Немченко представил документы, и на словах обрисовал проект, задуманной Максимом покупки перспективных земель в тридцати километрах от МКАД, стоимость которых могла вырасти в десятки раз в связи с развитием коттеджного строительства. Рассматривалось много вариантов – продажа отдельных участков, строительство элитных поселков. Да что угодно можно было делать с этими землями, приобретая их в собственность. Результат в перспективе один – огромная выгода.

Вопрос до рассмотрения оставили открытым.

Все устраивало всех, и документы подписали. Вячеслав Петрович уже внес деньги в банк, рассчитался за покупку. Все получили документы о собственных долях. Название компании решили не менять, чтоб не утрачивать известность и деловой авторитет. Евгений Немченко просил на две недели отпуск. Решили предоставить. А после возвращения поставить точку в кадровом вопросе. Похоже, что Немченко должен был лишиться двух букв: «И.О.»

Евгений Сергеевич почтительно проводил собственников и проследил, как сначала отъехали Ромин и Клавдия, а следом водитель повез Вячеслава Петровича Калинина – нового основного владельца успешной компании.

Потом вернулся в опустевший офис, присел на кресло, что занимал во время процедуры. Обзорно посмотрел по сторонам. Подошел к окну, выходящему на главный вход. Осмотрел из противоположного окна задний двор, стоянку еще не подготовленных к продаже новых авто. И подписал платежки к исполнению. Вызвал секретаршу.

- Вот, Инночка, эти платежки сейчас отправьте в банк. Кто там, Сергей у нас свободен? И пусть выписки заберет, там должны быть вчерашние. Мне тогда покажите, я на месте до вечера. И сделайте мне кофе, побольше, с молоком.

Максим остался только буквами в названии.

***

Вячеслав Петрович пожаловал в офис утром следующего дня, и порадовался оперативности сотрудников, успевших обозначить его кабинет табличкой с определением принадлежности. Член совета директоров Калинин попросил собственного секретаря Зою заварить кофе, дать свежую прессу, и выписки из банка.

- Выписки, Вячеслав Петрович, только вчерашние, - незамедлительно последовал ответ. - Сегодняшние заберем после двенадцати. Но если Вы хотите, я попрошу, чтобы прислали факсом.

- Нет, после двенадцати нормально. А кто у нас ответственный по продажам офисов в новом центре?

- Иванченко. Он на объекте. И Колпаков занимается. Он сейчас на месте. Вызвать?

- Ну, хорошо, возможно позже. Так. Кофе. Выписки, какие есть. Да и газеты финансовые давайте.

Финансовые выписки радовали глаз. Вячеслав Петрович видел, отраженное в документе, поступление своих больших денег на свой же счет, взамен изъятой Петром доли Максима. Это были его миллионы, им еще предстояло расти.

И он решил, как главный компаньон, войти на практике в работу направлений, начав знакомство с центра управления, как, мысленно, он офис окрестил.

И позвонил Петру Михайловичу, чтобы уточнить, «назначен кто-нибудь достойный, как И.О., пока Немченко отдыхает в отпуске»

- Ты, Вячеслав Петрович, посмотри. И, как надумаешь, то, конечно, нужно назначить. Я сейчас в поликлинику, а во второй половине дня созвонимся.

Зоя быстро дала разъяснение.

- Специального нового назначения не было. Но Карпухин всегда замещал Евгения Сергеевича. Анатолий Петрович, руководитель объединенного координационного центра.

- Пригласите его ко мне.

- Карпухин третий день как болен, поэтому и вчера его не было.

- Так, Зоя. Вы мне разумной девушкой кажетесь. Скажите, как поступал Немченко для поддержания общего контроля.

- Вы, Вячеслав Петрович, проведите совещание руководителей департаментов. И познакомьтесь со всеми, заодно. И сводки они текущие представят. Да, может, вам лучше Петра Михайловича дождаться?

- Он проводил подобные мероприятия?

- Нет, что вы. Это все Максим Петрович делал.

- Тогда назначьте совещание на три. Явка всех руководителей обязательна. И все текущие отчеты мне на стол.

- Сейчас же всех извещу.

- И кофе мне еще. А как выписки привезут, то сразу принесите.

Калинин предполагал возможные и неизбежные шероховатости знакомства, поэтому, ничтоже сумняшеся, устроился удобней за столом, листал «Коммерсантъ» и потягивал кофе. Потом спустился в салон, где, выложенные до высшей степени блеска, призывно, в дизайнерски продуманном беспорядке, заманчиво ожидали покупателей авто на любой вкус и карман.

Приветливые менеджеры почтительно здоровались с новым владельцем компании, что вернуло Вячеславу Петровичу праздничное настроение, слегка подпорченное ощущением некоторой беспомощности, когда начальник не собрал бразды правления в руках. «Надо в сжатые сроки войти в материал. Не думаю, что младший Ромин, был лидером в бизнес кругах. А мы постараемся не оплошать». И Калинин размышлял о том, что по итогам анализа состояния всех, его собственных, бизнес объектов, подумает о вложении новых денежных средств в наиболее перспективный. И сможет увеличить оборот. И дополнительные офисы откроет.

Он вернулся в кабинет. Проходя мимо Зои, захватил доставленные из банка выписки. Устроился в кресле. И не поверил глазам.

Вчерашним числом компания «Макгор» перечислила все свободные средства наличности в ООО «Альянс» по договору покупки земель сельхозназначения в районе деревни Алексеевка, расположенной в завидной близости от Симферопольского шоссе. Договор подписал обладатель заверенного права подписи, исполняющий обязанности генерального директора Немченко Е.С. три дня назад. А вчера, в завершительный день доверенности на право подписи финансовых документов, Немченко, росчерком пера, перевел всю наличность «Макгора» в неизвестную фирму «Альянс».

И прозрачный бизнес в момент замутила афера. И Калинин не ведал, кому мог сказать: «КАК ЖЕ ТАК». И еще - в «Коммерсанте» - он видел большую статью с заголовком: «Семь раз продай, и за рубеж», о подставной фирме, которая обналачивала деньги успешным мошенникам путем продажи заболоченных гектаров, выбракованных кадастровым реестром.

***

Следствие о расправе над четою Роминых не имело значительных подвижек. Вернее, числились два следствия, но по гибели Максима речь могла идти только об угрозах со стороны Разина. Господин Олег Разин был объявлен в международный розыск.

Российский следователь Андрей Нечесов встречал готовность к сотрудничеству и содействию у американских коллег.

Его ознакомили с раскрытым делом межнациональной преступной группы. Входявшие в эту группу русские беспредельщики доказано расправились с Разиным Игорем. Обманом похитили его возле банка, и держали взаперти в надежде получить выкуп. Под прицелом пистолета провожали к интернету. В ответ на просьбы Игоря ни денег из Москвы не поступило, и, ни каких гарантий не пришло. Те, к кому просьбы были адресованы, молчали. Прошел срок ожидания, последовал конец. Содействовавший следствию отморозок дал пространные показания, как со злобой отправили Игоря с места на бешеной скорости, с упокойным напутствием «время потратили зря».

До середины декабря Олег Разин периодически появлялся в колледже. Жил какое-то время в общежитии Колумбийского университета на Манхеттене. Знали его многие. Нечесов открыл интересные факты из жизни Олега и круга друзей. И, убедившись в правдивости сведений, вылетел первым же рейсом в Москву.

***

Мысль к Виктору Васильичу пришла, вроде, внезапно. И промелькнула меж других. А потом он задумался крепко, и набрал нужный номер.

- Лариса Васильевна, добрый день, - сказал он исключительно по-деловому, услышав еле слышное «Алло» в трубке. – Следователь Гущин беспокоит, и мне нужно к вам подъехать.

Она, недоуменно, предложила сделать это завтра. Но Гущин ее убедил, и в три часа того же дня стоял в дверях у Маркиной, Елениной домработницы.

- Проходите.

- Пройду, непременно.

В аккуратной комнате изменений не случилось. Виктор Васильевич прошелся мимо галереи, мимо стеллажа. Хозяйка застыла у входа и, молча, ждала. Гущин выдвинул стул, чтоб удобно присесть у стола. Достал из папки чистые листы и авторучку, и лишь потом последовал вопрос.

- Не правда ли, вы самовольно, тайно, взяли из подследственной квартиры важную улику, и я не применил к вам карательных санкций, хотя и мог арестовать?

- Да, вы были так добры. Но я ведь не знала. И вернула.

- На эту тему уже был разговор. Вы противодействуете следствию, а это серьезное преступление.

- Нет, что вы. Какое противодействие, когда кроме горя и потрясения ни что не наполняет мои мысли.

- Что еще вы забрали из квартиры покойной, и не поставили нас в известность?

- Могу поклясться, чем хотите. Только диск с романсами для меня. И этот, злосчастный, из компьютера. – И Лариса беззвучно заплакала.

- Я столько насмотрелся в жизни слез, что у меня иммунитет выработался. Значит, вы и с романсами диск забрали, и тот, что вернули нам? В тот раз речь шла об одном.

- Я сама пригласила вас, чтоб вернуть диск, взятый по ошибке. А романсы – вот они. Если то, что подарили мне, нужно вам.

- Мне не нужна демагогия, а романсы ваши положите. Послушаем, что там поется. Что еще вы взяли из квартиры, или, может быть, кто-нибудь обращался к вам с подобным вопросом?

- Увольте, гражданин хороший. Я не воровка, и я честный человек. Просто я Елену Ниловну любила, и на память. Это романсы. А диск из компьютера я переписала для себя. Потому что это пьеса, для истории. И еще до того, как эта девушка забрала и вернула. И сказала, что нужно вам отдать.

- Сейчас вызываю наряд и отправляю вас в КПЗ, чтобы мозги на место встали. А заодно и срок уже пойдет, потом короче будет. Если вы четко мне не рассказываете последовательность событий. И что за девушка.

- Я взяла только два диска, на память. Романсы прослушала и убрала. Из компьютера поставила. Услышала, что с Максимом Петровичем беседуют. И переписала для памяти. Переписанный к романсам убрала, а этот на стеллаж, вернуть хотела. Тут эта девушка и звонит.

- Да что за девушка? Имя есть у нее? Знакомая?

- Я видела ее на кладбище. Зовут Марина.

- И что же она спрашивала?

- Не осталось ли у меня каких записей Елены или Максима? Ей тоже хотелось память иметь. Ну, я этот диск, с которого копию для себя оставила, ей и дала. Она даже деньги предлагала. А потом, через день, возвращает. Говорит – верните следствию, для них существенно. Так он к вам и попал.

- Интересно. Значит, романсы я у вас забираю. У нас та запись, которую эта Марина вернула вам. Фамилию, кстати, не знаете? И еще у вас копия, которую вы для истории сделали? Давайте ее сюда.

Маркина достала запрятанный диск.

- Теперь все забрали. Не понадобится – вернете? А фамилия ее Ракитина. Нет, Рябинина.

«Этой-то еще, зачем понадобилось?». Гущин был и впрямь удивлен.

***

Романсы Гусева пела неплохо. С исключительной музыкальностью, умением подать фразу и высокой культурой речи. Так сказала Анна Андреевна, а Гущин бы записал в протоколе, представляй этот материал хоть какой интерес.

Он заехал к Вербиной, наверное, проститься и выяснить, когда она снова будет в Москве. Рассказал об истории Разиных в Америке. Что включен Интерпол, ориентировки должны быть повсюду. И спросил, между делом:

- Вы уж сколько в Москве в эту зиму?

- С двадцатого декабря. Мы с Мариной назначили дату приезда. Кажется, так давно это было.

- Одновременно, значит, в Москве оказались?

- Ну да, только я к вечеру. Она меня встречала. Ее рейс прибыл утром.

- А как, позвольте, с вами связь держать, когда вы у себя, в горах Кавказских?

- Этот же номер, Виктор Васильевич, Всегда один и тот же номер. И, честно Вам скажу, я буду ждать звонков.

-Еще бы. У нас не соскучишься. Вот, опять убийство в папке. Но тут все просто. Бытовуха.

- Меня не волнует криминальная хроника. Мы с вами встретились с трагедией, унесшей жизни тех, кого я знала. О завершении этого кошмара я и прошу вас дать мне знать. Да, и вообще, мы ведь с вами напарники, или пытались стать?

- Вы моя муза в нашем трудном деле. – Виктор Васильевич собрался уходить. – А если вдруг понадобится Марина, на нее по-прежнему через вас выходить надо?

- Я свижусь с ней. Она вам позвонит. И вы определитесь.

***

Виктор Васильевич достал Ларисин диск. Тот, что она оставила на память. Первый разговор сошелся один в один. Но, как только появился Разин, что-то Гущину показалось странным.

Он поставил диск, который вернулся от Марины. На нем, при первой фразе Гусевой, фоном тихо звучал джаз. Будто Елена слушала музыку, когда пришел Олег. А, может, и слушала.

И продолжал звучать все время мрачной сцены. Музыкальные композиции следовали одна за другой. И закончился джаз, когда Разин ушел, да не сразу.

На Ларисином диске шел голый, механический текст разговора. Убрали театр у микрофона, или не сделали еще. Эмоционально напряженно бросались странными фразами. Но, вроде бы, по тексту.

И тогда Гущин стал сверять по предложению, включая то один, то другой диск. Пошла игра - найдите пять различий.

И сразу же прояснилось – или один был дополнен, или подправлен другой.

« - Я не собачка, чтобы кинуться на зов. Ты был, как древний бог. Это, считай, как наваждение. Открой балкон, мне как будто воздуха не хватает.

- Так, значит, ты сумела все забыть. – Звук открываемого окна. - И где эта хреновина, стекляшка заостренная, которая есть символ нашей встречи на земле, и устремленности к небу?»

В музыкальном варианте: «Открой балкон, мне как будто воздуха не хватает», и звука открываемого окна не было.

Гущин достал протокол описания места происшествия. Все окна были закрыты.

И опять. Фраза за фразой, звук за звуком, Виктор Васильевич работал с материалом. Все совпадало, но на Ларисином диске без музыки.

А, на представленном в милицию, была даже музыкальная заставка. После:

« -Так зачем ты рассказал мне? Да, жуткая история. Но я не судия. И не могу судить Максима, да и не буду. Ведь важно, каков он ко мне. А тебе я сочувствую» какая-то женщина пропела почти целый куплет на английском языке, прежде чем Елена спросила:

« - Так зачем ты в Москве?».

Шло дело к развязке. И все совпадало до фразы:

« - Идем туда, где звездный обелиск. Он будет хранителем отражений нашей страсти».

Потом они занимались любовью. И диск Ларисы был без хруста, и без вскрика.

На нем голос Елены, чуть слышно, замирая, произнес последние слова:

« Иди. А я не буду провожать. Ты навсегда остался в обелиске. Прощай, Олег!»

Был звук движений и шагов. Защелкнулся дверной замок. И диск закончился.

Ехать к Ларисе и там искать ответы, - зачем, кто и как что-то сделал с записью? и с какой? - представлялось неизбежным.

Но Гуцин, сначала, сделал два телефонных звонка. Два не коротких разговора.

- Хорошо. Жду через час на Мичуринском, - закончил он второй.

***

Виктор Васильевич сумел договориться, что не на острый свежий криминал, а на родившуюся у него надежду найти, хотя б обрывок старых, еще предновогодних следов, отрядили двух исключительных специалистов. Гуцин знал, где и что ему надо пытаться смотреть. Всей группой поднялись к чердачной двери подъезда Роминых.

Эксперты осмотрели дверь, замок. И сказали, что здесь нечего делать. Если и пользовались этой дверью, то достаточно давно. И открывали лишь родным ключом.

Но, все-таки, они на чердак поднялись.

В строении было четыре подъезда. Общее помещение над ними считалось техническим этажом, оттуда шли два выхода на крышу. И дверь одного из них была взломана, и на скорую руку закреплена изнутри обрезком трубы.

Снег сохранил цепочку вдавленных следов, ведущих к металлическому решетчатому ограждению, за которым начиналось падение окон и угроза для неосторожных людей. Следы имели направлением то пространство, где были окна Роминской квартиры. Специалисты отыскивали отпечатки крепления металлических тросов, иногда используемых промышленными альпинистами. Не сильно свежие, но и не старше трех недель.

Потом вернулись на чердак. И выяснили, что на двери, ведущей в подъезд номер три, абсолютно новый, средней сложности врезной замок. Связались с консьержкой, та позвонила в диспетчерскую, и сумела поймать плотника Трофимова.

- Вас ждет милиция, - и через пять минут Трофимов рассказал, как было дело.

- Да, это я замок менял. Перед рождеством, которое двадцать пятого декабря отмечают, жильцы из сорок пятой вызвали. Им эта дверь видна, когда свою открываешь. «Посмотрите, - говорят, - может у нас какие бомжи на чердаке бегают. Потому что дверь, как будто, взломана». Ну, я и посмотрел. Действительно, взломали дверь, замок кто-то дрелью обработал. Я чердак посмотрел тщательно. Там порядок, и никого. Что за

хулиганы пошли? Я и поставил замок новый, у нас в подсобке отыскал. А милицию, подумал, чего беспокоить зря. Ведь не украли ничего, а только поломали.

Виктор Васильич озаботился в конец. Еще одна возможная версия выплыла, и привнесла сомнения в безоговорочную вину Олега Разина.

***

Два диска – сухую запись диктофона и художественно оформленный прощальный диалог, Гушин отправил в лабораторию на экспертизу, озадачил компьютерных техников. Но, безусловно, распознать монтаж при безграничности теперешних возможностей, не взялся бы ни кто.

И когда ему позвонила Марина Рябина, он чуть не счел это знаком судьбы.

Но она лишь указала телефонный номер, по которому с ней можно, при необходимости, связаться. А на вопрос: «Мы не могли бы побеседовать?», спросила: «Это так необходимо?».

И он не смог ответить: «Да».

***

Ромин старший был крайне удивлен той прыти и решительности, которую продемонстрировал Женя Немченко. При Максиме Немченко, вроде, был самым доверенным лицом, и не возникало поводов для сомнений в его преданности. Более того, Максим считал его почти другом. И много информации, скрываемой от посторонних глаз, с ведущим менеджером обсуждалось.

Но от встречи с Калининым в офисе Петр Михайлович отказался, сославшись на нездоровье.

- Подожди ты, Вячеслав Петрович, горячку пороть. Немченко мы отпуск предоставили. Кто знает, где он сейчас? Ты попробуй выяснить у секретарши. Может, кто знает, как с ним связаться? Я тоже попробую выяснить. А не обнаружим его, и если не появится в должное время – тогда уже и можно заявлять о мошенничестве. И мы тоже пострадали не меньше тебя, ведь деньги из общего капитала. Ну, ладно, извини, совсем что-то мне нехорошо.

Калинин позвонил и Клавдии Ивановне. Та была искренне обескуражена, но единственно, что сказала:

- Это вы с Петром Михалычем в деловых вопросах разбирайтесь. А я что – совладелица новоиспеченная. Разыскивать, наверное, надо Немченко. И к ответу. А с тобой постараюсь в ближайшее время повидаться.

И это ближайшее время не заставило себя ждать.

Потому что поехал Петр Михайлович в поликлинику для дополнительной диагностики, и не вернулся. Клавдия встревожилась, когда прошло больше часа против ориентировочного времени его приезда. Он звонил на выходе, и не сказал, что будет куда-то заезжать. Он сам был за рулем «Пассата», что делал всякий раз при поездках на короткие расстояния. Клавдия набирала его постоянно, но Петр Михайлович был недоступен.

И когда, после полутора часов ожидания, Клавдия уже решила звонить куда-то, разыскивать, Петр позвонил. Голос был тих, напряжен и заряжен максимальной убедительностью:

- Слушай меня внимательно. Ты никуда не звонишь, кроме Калинина. Надо достать к послезавтра пятьсот тысяч. Да, пятьсот тысяч долларов. Завтра вечером я позвоню, и скажу, куда подвести. Если хочешь увидеть меня живым и остаться живой сама. Никаких звонков. Для всех – у нас все нормально. Я не подхожу к телефону – нездоров. А Калинину я позвоню, чтоб помог деньги достать. Вместе действуйте. Все от вас зависит. Позвоню завтра в девять.

И наступило молчание. Клавдия посмотрела – он звонил со своей трубки. Машинально нажала соединение – абонент недоступен. И мысли не работали, лишь сердце резко сжалось. Возникла и обрушилась беда.

Внезапно телефон зазвонил опять, и Клавдия, на миг, воспрянула надеждой.

Но это был Калинин. Взволнованный Вячеслав Петрович резко оглушил вопросом:

- Что у вас происходит? Петр Михалыч мне бред какой-то в трубку нес. Пьяный, что ли?

- Подъезжай ко мне. Он тоже мне звонил. Похоже, что беда.

Калинин, через полчаса, подъехал. Клавдия впустила его. Молча, прошли в гостиную.

- Так что стряслось? Где Петр Михалыч?

Клавдия дословно озвучила текст телефонных указаний.

Калинин, со словами: «Меня он просил сделать все, как ты просишь. И только мы с тобой должны об этом знать» - тяжело опустился в кресло.

И они долго молчали, пока Клавдия не сказала – полуутвердительно, полувопросительно:

- Давай, что ли, перекусить приготовлю?

Калинин не слышал, не слушал. Он подытожил свои мысли:

- Не думаю, что это розыгрыш. Но денег нет, и взять их негде. -

И в воздухе, пропитанном вопросами, все вытеснив, повисла безнадежность. Клавдия сделала попытку пробиться сквозь нее.

- Ты, Слава, знаешь, Петр не на срок какой-то в долг просит. Может, на него наехали – полно ведь всяких отморожков. А деньги он тут же вернет, как сможет до банка добраться.

- Денег нет на счетах компании. Я сам пустой. Какие пятьсот тысяч?

- А если в банк обратиться, кредит на фирму взять?

- За один день? Я новый человек в активном бизнесе, и я такой возможности не вижу.

- Но надо же что-то делать?

- Наверное. В милицию идти. Тебе.

И Калинин стал собираться. Клавдия его не задерживала. Лишь спросила на пороге:

- А ты не боишься? Ведь Петр говорил, ему смерть в лицо дышит. А ты ведь совсем один. Вдруг, и тебя также скрутит?

- Вас тоже немного. А я не боюсь. Ведь я, по совету, все деньги «надежно» определил для увеличения капитала. И меня ободрали, как липку.

Клавдия дверь заперла. И не знала, что же тут делать? Она промучилась всю ночь, а утром позвонила Гущину.

- Я понимаю вас и всячески сочувствую. Но мы работаем по делу Роминой, и вашего племянника. Хотя неправильно объединять. А о пропаже вашего родственника вы в районное УВД обратитесь. И заявление должны туда писать. А к нам пусть обращаются за справками, если какую связь отыщут. Да, может, он и сам появится. Ведь вам не муж, чего не загулять?

- Так он звонил, и деньги достать просил. И в милицию не обращаться.

- Ну, вот видите. У вас просили денег, и милицию не беспокоить. А вы - все наоборот. Вернется – вряд ли будет вам благодарен.

Совсем обескураженная, Клавдия Ивановна подумала: «Гори оно все синим пламенем. Если это история, то я не желаю быть крайней. А Петр столько раз из разных вод сухим выходил. Может, и на этот раз Бог милует».

И в РУВД не пошла.

***

Петр Михайлович вчера спешил домой. Он не любил и не хотел лечиться. Наверное, был слишком здоров для этого. Или считал так.

Он говорил, что надо к врачу. Поликлиника служила ему верным алиби всегда и во всем. Но в этот раз он решил пройти все амбулаторные обследования, чтоб быть спокойным – есть еще что тратить.

Кардиологи сошлись во мнении, что сердце может еще долго служить исправно. И Ромин спешил домой с этой радостной вестью.

Его «Пассат» был запаркован среди других немногочисленных машин посетителей и персонала на небольшой площадке во дворе. Она не имела охраны и специальной подсветки, но находилась на огороженной территории. Ярко освещенное здание достаточно рассеивало вечерний сумрак, а на выезде сидел сотрудник в будке – не сторож, просто штатный наблюдатель. Петр Михайлович, на подходе, открыл автомобиль с брелка. Но, сделав последние шаги, не удержался и выругался от возмущения. Должно быть, кто-то изощренно развлекался. Лобовые стекла трех машин подряд залили белой масляной краской. И «Пассат» Ромина - посередине.

- Что толку вы сидите? – набросился он на ошарашенного мужика из будки, - тут и магнитолы украдут, и колеса поснимают у вас под носом.

- Никогда такого безобразия не было, а я уж пятый год работаю, - подключился тот к возмущению. Но тут же откrestился от ответственности. – Я тут, чтоб заезжали и входили аккуратно. А кто там хулиганит – в милицию звоню. Сейчас вызову. Разберутся.

Ромин зашел к администратору на первом этаже, с которой был знаком, и обратился с просьбой.

- Вы, уж, пожалуйста, проверьте – что и как. На ней сейчас никуда не уедешь. А я вам позвоню попозже. Чтоб знать, что сотрудники все запротоколировали. И пришлю эвакуатор, пусть в сервис отвезут. Не ждать же. И так здоровья никакого.

И вышел на улицу, где достаточно оживленно двигался транспорт. Поймать машину не составило труда. Водитель согласился на короткий маршрут за нормальную плату. Поехали. Но через пять минут Ромин увидел, что свернули не туда. И в тот же момент на глаза нахлобучили шляпу, и накинули с заднего сидения трос, который лишил возможности двигаться.

Петр Михайлович хотел было истошно закричать, но почувствовал холод металла у затылка, и услышал зловещий приказ:

- Не рыпайся, старый дурак. А то вырублю на раз, попробуй только пикнуть и дернуться.

И машина стремилась куда-то. Но Ромин не видел направления. Единое чувство сковало Петра Михайловича. И это чувство было ужас.

***

Мчались по трассе, потом начались повороты. Съехали с асфальта, остановились. Явно не в городе, потому что тишина только усиливала малейший шум непогоды. Кто-то вышел из машины.

Потом проехали еще, и остановились капитально. Сидевший сзади негодяй убрал металл от головы, ослабил мертвую стяжку троса. Дверь для Петра Михайловича открылась, и тот же, «зловещий», сказал: «Выходи».

Ромин с трудом вылез, отодвинул с глаз шляпу. Исподтишка огляделся. Внутри забора темный небольшой домишка. Дачный отшиб, пустующие зимой наделы по шесть соток.

Но в домике зажегся свет. Один из похитителей скомандовал: «Иди». И его подтолкнули в спину, для убедительности. Их было двое, чуть-чуть сзади, по бокам.

По трем ступенькам лестницы, через какой-то закуток, его втолкнули в комнату со светом. И там был третий, тот, кто свет зажег. Наверно, главный. Он давал распоряженья.

- На стул возле печи. Вяжите ноги и туловище, к стулу и «буржуйке». А руки просто свяжите, к стулу пока не надо. И закройте ставни. Забор высокий, но кто знает – вдруг заметят свет. Правда, кроме бомжей сюда никто не навевывается.

И, пока исполняли указания, принес и включил торшер, и еще какой-то уродливый светильник. А потом взял стул для себя, поставил его напротив Ромина спинкой к дрожащему Петру Михайловичу. Уселся, оседлав. Снял бейсболку, и произнес, брезгливо и устрашающе:

- Ну, здравствуй..., дядя Петя.

Ромин щурился, медленно узнавая. И не веря своим глазам.

- Игорь...? Игорь Разин...? Не может быть, – мысль мучительно билась о решение. - Олег! - почти выкрикнул он почему-то почти радостно и облегченно.

А тот сидел, и молчал. И смотрел на «дядю Петю» с ледяным холодом презрения.

- Олег, тыфу ты. Ну, слава Богу, это ты. Нет, не волнуйся, ты, конечно, прав. И я все сделаю, что ты мне скажешь. Я тебя обидел? Ну, мы же почти свои. Помнишь, как вы с

Игорем к нам в гости приезжали? А ты ведь знаешь – Максим погиб, - и он резко замолк, а в глазах нарастал ужас от пришедшей догадки. И он будто обмяк на стуле, а шея тянула вперед трясущуюся голову.

– Максима... убили, - прошептал он чуть слышно.

Олег Разин молчал, и смотрел на Ромина, как на мерзкое существо, так умело рядившееся в человечье обличье, что все принимали его и звали Петром Михайловичем.

- Так ты еще и подумал, что я об такого мерзавца, как Максим, мараться стал? Ну, как же! Если для вас убить человека – раз плюнуть, то, значит, и все запросто могут. – Олег прошелся, вернее, потоптался по комнате. – Ну, значит, так тому и быть. Игорь вас о деньгах просил. Оттуда, из Америки, чтобы в живых остаться. Так сколько ему надо было?

- Он написал – пятьсот. Так мы думали – блажь какая. А приедет – разъяснится.

- Какого черта думать и решать! Он у вас свои деньги просил из чужой страны, где потерялся. Свои! А в этом «ООО» его денег много больше было. Так. Кто у тебя доверенные лица? Клавдия, эта старая развратница? Ты знаешь, что когда Максиму пятнадцать было, она обучила его всем премудростям секса, и Игоря в постель тащила? А меня, так просто возненавидела люто, за то, что я не возжелал ее прелестей? Ну, да ладно, это лирика. Вы думали – у Игоря блажь? Ну, так, у тебя теперь блажь будет.

И Олег четко, дважды, озвучил Ромину, что он должен сказать своей подруге. И еще: «Как его? Этому Калинину. Завтра в девять чтоб деньги готовы. А что не так вдруг заикнешься, то и денег тебе никаких ждать не надо, чтобы жизнь свою жалкую выкупить». При этих словах он сделал знак, которому повыше. Тот подошел и приставил пистолет Ромину к виску.

Так были обставлены переговоры Петра Михайловича с самыми близкими людьми.

***

Ночь и следующий день тянулись бесконечно. Но Петр не вспоминал, не подводил итоги. Его заклинило, и он, за разом раз, корил себя в удивительном идиотизме и безответственности, когда, не думая, пошел ловить машину.

«Ведь это был не я. Я не хожу ловить такси. Я, в худшем случае, его просто вызываю, что и должен был сделать в поликлинике. Какое-то затмение или потеря нюха. Потеря сына. Клавдия сволочь. А ведь я это знал, и думал – правильно. Пускай обучает мальчика, не к уличным же девицам обращаться. Тем более ей есть, что преподавать. Мои университеты. Давай же, Клава, работай, смышленная. Оплати путь к спасению. Этот змееныш совсем не то, что Игорь. Должно быть – он Максима уничтожил».

И Ромин застонал, и замотал головой – единственным, что мог привести в движение. А Олег не заходил. К нему лишь дважды подходил длинный, чтоб дать попить. Тот не ответил ничего на стон: «Мне нужно в туалет». И Ромин, с отвращением, сидел в своих отходах. А потом он даже перестал думать, и впал в забытие. Бог милостив к заблудшим своим детям.

- Откройте окна. Говно может сидеть в своем говне, а прочим нестерпимо, - услышал, внезапно, Ромин голос Разина. - Что, дядя Петя? Своей гадине звони.

А Клавдия, тем временем, сидела дома и со страхом списывала с дисплея незнакомый номер звонившего. Ромину дали другую трубку. Для усложнения поиска в сети, если милиция взялась за дело похищения. Но Клавдия смирилась с ходом событий там, за пределами ее возможностей. А Калинин просто выключил телефон, со злорадной мыслью: «Поделом тебе, старик». В то время, как Клава ждала - когда ж звонок замолкнет.

Лишь Ромин не верил, и слезно молил: «Дай, еще позвоню».

- Кончать все это надо, - сказал зловещий длинный, - вот только как его, вонючего, в машину загрузить?

Петра Михалыча от стула отвязали, и погрузили в прорезиненный мешок. Потом закинули в машину. И повезли. В последний ли путь, или к новому месту мучений - для Ромина все было все равно. Он потерял сознание, когда на звонки не ответил ни кто. Не потому, что дико ждал спасенья. А потому, что знал – спасенья нет.

Мешок сгрузили напротив храма, на повороте к Москве. Олег Разин велел посадить Петра к дереву, метрах в пятнадцати от дороги. Ромин дышал, но видел ли – не ясно.

- Что ж, дядя Петя, вот и повидались. От Игоря тебе привет. А ты хоть сможешь благодетелям своим спасибо сказать, что так спасли оперативно. Живи. Ты ведь завтра оботрешься, и опять заправлять жизнью станешь. Я лишь в памяти правду отметил. И настолько отвращением проникся, что смогу про вас теперь начисто забыть.

Когда автомобиль исчез за поворотом, Петр Михайлович понял, что видит, и дышит, и жив. Появилась и залаяла псина. А за ней человек, и окликнул:

-Ей, ты! Чего сидишь?

Вопрос остался без ответа. Но человек хотел помочь.

***

По возвращении в Москву Андрей Нечесов изложил все пункты своего досье на Разина Олега. И удивил начальство неожиданностью некоторых. Виктор Васильевич Гуцин решил, что время вести разговор наступило.

Вот уж что не про него было совсем, так это комплекс «маленького человека». Когда сверчок знать должен свой шесток. Он откровенно шел на разговор с любимым, кто мог быть следствию полезен. А Марине Рябининой задать вопросы были все основания. Он набрал телефон.

- Конечно, господин следователь. Я свободна и могу поговорить. Что вас интересует?

- Простите, но вопрос номер один – когда вы собираетесь в Москву?

- Совсем не собираюсь. Уж, в ближайшие полгода – вряд ли.

- Ну, это незадача. Нам, Марина Владиславовна, необходимо с вами побеседовать. И разговор пойдет не о ком то. А конкретно с вами, и в рамках следствия. Нам что, командировку оформлять? Или к себе вас приглашать повесткой?

- Вы лицо официальное, и уполномоченное. Я – гражданка законопослушная. Хотя представить не могу, чем я вам интересна? И могу быть полезной? Вы уверены, что наша встреча – необходимость?

- Да, это так. Иначе бы не стал вас беспокоить.

- Тогда я позвоню в течение часа. В Москве Анна Андреевна, буквально на два дня. Это к тому – может, и к ней у вас вопросы?

- Вот спасибо, за то, что сказали. Обязательно ей позвоню.

- А я перезвоню, как обещала.

- Отлично. Буду ждать.

***

Сначала Марина позвонила в Барселону. И Тина, как всегда, сказала «да?».

- Ты видишь, Валя, насколько я не забываю тебя. Что нового случилось в эти сутки?

- Ничего остросюжетного. Но у тебя какие новости в Сибири? Малышка Рина не несет плохих вестей?

- Я хотела узнать – атаман появился?

- Он здесь. Я вечером его увижу.

- Ты скажи ему – пускай побудет рядом. Мне звонил следователь по делу Роминых. Просит подъехать в Москву. «Не то в Сибирь, говорит, приеду!». Надо дать им во всех обстоятельствах ясность. И дальше жить спокойно.

- А что тебя волнует в этом постороннем деле? Елены не вернуть – единственно, что жалко. Но ее безудержно тянуло пуститься в пляс на острие ножа.

- Это верно. А Максим, в невежестве, не знал мифологической судьбы Эрихистона. И он не знал, что я, местами, нимфа. Дриада Марина Рябинина.

- А я типичная нимфа Калипсо, что в переводе значит – та, что прячет.

- А уж, бесспорно нимфа – твоя мама. Одна из посвященных Аполлоном в великую науку предсказаний. Я думаю, она сестра Харикло.

- Если это и так, мама вряд ли считает за честь. У нее прямые родственные русские связи, и оттуда предсказанья дар.

- Ладно, Валя. Я сейчас с отцом поговорю. Он, по-моему, в Москву должен ехать. Попрошу, чтоб меня захватил. А с тобой мы на связи. Целую.

- А я тебя. Дорогая моя, морозная, снежная. Самая близкая.

***

Владислав Анатольевич сразу со всем согласился.

- Да, мы едем, если ты так думаешь, что надо. А то ведь можно просто: он вопросы пришлет, наш нотариус твои ответы заверяет. И – вперед. Никто тебя тревожить не посмеет.

- Нет, Я лучше хочу поехать. А по дороге я тебе все расскажу, что для них в уточнении нуждается. Как я думаю. И все подробности истории, как я знаю. Мне будет нужен твой совет.

И позвонила Гущину.

- Да что вы так стремительно. Я же сказал – как сможете.

- Я этого не слышала. А в Москве так и так послезавтра буду. Я позвоню, и уточним время.

Гущин пометил в ежедневнике, и стал собираться. Анна Андревна назначила встречу в кафе.

***

Для консультаций в институте Сербского пригласили профессора Марью Егоровну. Она соскучилась по дочери и не хотела жить в гостинице. И Анна Вербина, недолго пробыв на Кавказе, вернулась в Москву окружить свою маму домашним уютом.

Днем, когда мама уезжала в институт, Анна Андреевна могла выкраивать время для встреч. Виктор Гуцин ждал ее в холле кафе. Она выбрала столик в углу, у окна.

И Гуцин рассказал о двух различных дисках. О том, как мысль направила обследовать чердак. И о следах крепежных тросов.

- Занятные штрихи и важные детали, - задумалась мечтательница вслух. – У меня и тогда не укладывалось, что за жестокая дикость – зверски убить любовницу за предательство, совершенное ее мужем в добрачный период. Олег, наверно, психопат, но вряд ли до безудержной агрессии. А чердак ничего в себе больше не может таить?

- Там вылизали все, до гвоздика в доске. Преступник настолько не наследил, что не на кого даже и подумать.

- У меня есть два часа. Мы можем подъехать в тот дом, чтобы мне не терзаться под грузом неясных догадок?

И, конечно, они поехали. Анна Андреевна попросила сразу провести ее в подъезд со сломанным затвором на чердак. Посмотрела на новый замок, но наверх не поднималась. А постояла на площадке какое-то время, и медленно, по лестнице, стала спускаться. Прошла один пролет, и задержалась возле шахты мусоропровода.

- Что происходит с мусором внизу?

- Наверное, попадает в какой-то контейнер.

- Давайте уточним и посмотрим.

Гуцин позвонил диспетчеру, прислали уборщицу Морозову. Шахта мусоропровода заканчивалась специальной комнатой, имевшей отдельный вход со двора. Уборщица Морозова открыла эту дверь. Под шахтой, как ловушка, действительно стоял контейнер. Но он был переполнен, и мусор выпадал на пол каморки.

- Это часто бывает, что контейнер не вмещает все? – спросила Вербина.

- Да всякий раз. Ведь никто не думает, что надо и меру знать. И бросают все, пока втолкнуть сумеют. Иной раз шахту чистим между этажами. Народ весь бескультурный, хотя и денег нахапали.

-Вы когда убираете здесь?

- Перед тем, как машина приходит. Утром. Зимой – часов в шесть.

- Вы помните тот день, когда в соседнем подъезде убили балерину? Перед Новым годом?

- Так мне к чему это помнить? Убили – не убили. Я утром убралась, и свободна на целые сутки, - отчеканила женщина механически. Но сразу уточнила - Помню. Все об этом говорили. Помню, что слышала. Но мне какое дело?

- Вот в чем вопрос: не видели в тот день чего-то странного в контейнере наверху, или возле него?

- Я не очень-то разбираюсь, что странного и не странного в мусоре. Люди выбрасывают, значит им избавиться надо. Да вы кто, гражданочка, милиция? Что вы меня все пытаете?

Гущин показал удостоверение.

- Да, милиция. Я следователь и майор. А дама – моя помощница.

- Вот именно, что дама. И нечего ей по помойкам шастать.

- Вас спросили – будьте добры отвечать, - строго и официально произнес Виктор Васильевич.

- Я не помню точно, в тот ли день. Но валялись здесь длиннющие веревки из металла, целый моток. С крючками на концах. Я и подумала: «Совсем уж люди обалдели, скоро камни в шахту полетят». И еще - широкий пояс из толстой кожи. Так веревки с крючками я в слесарку отнесла. Подумала, что это, может - их. Еще ругаться собиралась, что бросают. А ремень у меня валяется. Думала – может, надену? Только он не для носки, уж больно толстый. Если вам надо – принесу.

- Да. Вы недалеко живете?

- В «хрущевке», за углом.

- И покажите, как пройти в мастерскую.

В слесарке «веревки» валялись в углу. А один из рабочих достал со стеллажа и протянул Гущину как бы ботинки из толстой проволоки, опять-таки с крючками на подошве.

- Это тоже Морозова приволокла.

Вернулась женщина с ремнем, оснащенном прочнейшими металлическими креплениями.

- Вот и весь комплект для лазанья по стенам. Теперь бы узнать, кто им пользовался?

- Я думаю, я знаю, - решительно сказала Анна. И обратилась к уборщице – А что еще вы так упорно нам не хотите отдавать?

- Что вы? Все забрать хотите? Я с помойки много чего приношу.

- Нет. То, что было в этот день. И вам подошло.

- Шли бы сами сюда работать, раз вам завидно, чем мы разживаемся.

Вербина смотрела на Морозову в упор. Та глянула на Гущина, и поняла всю тщетность споров.

- Здесь, у меня, в нашей раздевалке лежит. Идемте.

Последним предметом была плотная куртка, типа «Пилот», на которую Морозова смотрела с огромным сожалением.

- Почти новая. Думала – сыну отдам. Он армию скоро дослужит. Не судьба.

***

- Куртку мы сразу в лабораторию. Должна что-нибудь о владельце сказать, - Виктор Васильич молодо блестел глазами.

- А я - от звезд, с вершин Кавказа, - Анна Андреевна дивилась переменам, - и к этой сцене у помойки. Пожалуй, лучше к маме, в санаторное.

- Только, уж, сначала скажите, что вы думаете – кто в этой куртке лазал?

- Мой ответ вам сейчас ничего не ускорит. Теперь мне пора домой. А завтра я позову вас на прогулку. Когда экспертиза вам даст результат?

- Я попрошу, и они постараются. Может, и к вечеру будет.

- Тогда дайте мне листок бумаги, и чем писать. Я напишу вам, я думаю – кто? А вы посмотрите, когда из лаборатории будет ответ. Это нормально. Потому что, вы же не читаете финал, отбросив все нити, что ведут к развязке?

- Договорились. Это счастье, что вы здесь. Простите. Это я о деле.

***

Гущин сразу хотел, чтоб ему объяснили.

- А как вы догадались, что это лазал он? Ведь отпечатков Ромина на обелиске нет.

- Так он и не снимал перчаток, когда с супругой расправлялся. А Поленов – художник, его внимание этот предмет мог привлечь. Тогда и в руки взял. – Анна Андревна обдумала этот момент. - А Разину, сам Бог велел изделие потрогать. Ведь вместе заказали, и для них он что-то значил. А Ромин ударил. А следы-то чужие, зачем стирать?

- Вы все же не сказали, что навело на мысль?

- Наверное, я и тогда бы поняла, когда еще Максим был жив. Но меня просили Ромину помочь найти убийцу, и я пошла на поводу. Но мысли у него о кошках были. Так называются железки, из тех, что мы нашли сегодня. На обувь крепятся. Да и вы его исключили из подозреваемых.

- А как не исключить? Консьержка видела – в десять ушел. Потом пришли другие. Анализ ДНК мы делали - с ней ночью был не он. Этот анализ нам помог и куртку опознать. На ней слюну нашли, и что-то там еще.

- Я хотела пригласить вас на прогулку. Мы можем завтра съездить к ним на дачу. Ну, к Роминым, в их загородный дом.

- Я думаю, что да. Ключи надо взять у родичей Максима Петровича. Вы во сколько бы хотели ехать?

- Часов в двенадцать, если вам удобно. Ведь это близко? Мне к пяти надо назад.

- Успеем. В крайнем случае, включу мигалку и сирену. Вмиг домчимся.

- Я не хочу мигалок и сирен. Мне дорог мой покой. Они его нарушат.

- Да я шучу.

- А я совсем всерьез.

***

Гущин позвонил во Внуково. Тогда, о пропаже, звонков больше не было. И сводок по городу. Но Клавдия Ивановна не спешила вступать в разговор, когда он представился. Потом спросила тихо:

- Так что же вы хотите?

- Во-первых, знать – ну, как у вас дела?

- Мы не из вашего района, – какой вам интерес?

- Мы следствие ведем по всей земле. А что, разве Петр Михайлович не объявлялся?

- Он дома. А что вы хотели?

- Так может, лучше с ним поговорить? Ключи от дома Максима нужны.

- Он нездоров, и к телефону не подходит. Подождите, я спрошу насчет ключей.

Клавдия постучала к Петру Михайловичу. Он не ответил. Она, тихонько, приоткрыла дверь.

- Там следователь Гуцин ключи от дома Максима просит. Не все там осмотрели.

Ромин лежал на диване и молчал. И смотрел в потолок.

- Так что, Петр Михайлович, мне как с ключами быть?

Он молчал. А потом посмотрел на Клавдию, как будто хотел убить.

- Ты что, совсем тупая? Милиция спрашивает, а она – как мне быть?

- Потому что все здесь ваше, и вам решать, что и кому давать. Я дам, я вы меня прибьете.

- Да кому ты нужна? Дай мне трубку. – Петр Михайлович приподнялся, полулежа. – Да, господин хороший, конечно подъезжайте. Да я в порядке. Так, к друзьям заехал. Да вы кого-нибудь пришлите. А возвратите как-нибудь. Никто туда не ездит.

Потом опять прилег. Клавдия продолжала стоять, прижимая мобильник к груди. И, все-таки, выстояла.

- Ты подожди, - вполголоса выговорил Ромин. – Не все я буду лежать и полеживать. Может – встану. - И, еще тише, уже прошептал. - А, может быть – нет. Но, скорей всего, встану. И мы ведь одни с тобой. Нам друг за друга держаться надо.

- Да, Петя, мы одни. Но как-то жили? Надо только сил набраться. И не думать.

- Я не думать могу. Но не могу не вспоминать. Да, ладно.

***

Дом в Крекшино был идеально чист. Проморожен насквозь. И пуст – кому топить? При Максиме были охранники, работники. И исчезли вместе с ним. Микрорайон имел и общую охрану, и дом стоял на сигнализации. Поэтому не разграбили.

- Нам надо кабинет, и спальную, наверное. Скорей всего - второй этаж.

И верно. Первый был для общего уюта. А кабинет и спальная хозяев были в правом крыле второго, напротив комнат для гостей. Максим не наводил порядок в

жилище, когда ушла гармония из жизни. И в этих комфортабельных покоях холод крепко сковал кавардак.

- Виктор Васильевич, взгляните в гардеробной. Нам интересна обувь господина Максима. Не в глубине порядка. Та, что на виду.

Когда Гуцин вытащил черный туфли, с традиционным классическим верхом и подошвой спортивного толка, небрежно сброшенные в угол. Анна Андреевна сказала:

- Посмотрите! На коже виден выдавленный след. Это крепились «кошки», хотя бы на обратный путь вверх. И нам нужны его личные вещи. Ведь те, что были у отца, все не представили каких-либо открытий.

Они переместились в кабинет. Анна Андреевна мыслила вслух.

- Уж если эти ботинки он никуда не решил зашвырнуть, то не мог уничтожить и то, что его толкнуло на убийство. Что это может быть? Не знаю. Отелло? Там платок. Ведь и у нас неверность супруги налицо. Арбенин? Там, вроде, перстень. А что у нас-то может быть? Какое-нибудь видео? Дневник убитой? Она же поэтесса. Возможно.

- Но все это в электронном виде. Все пишут в компьютере, и видео размещают.

- Не думаю, что в этом. Она здесь не жила. А только наездами. Что ж, написать дневник, и уехать?

- Ну, тогда он из того компьютера мог взять. Мне все достаточно странным казалось, что писательница – и никаких записок. Каких-то два жалких письма, и те привязанные к предстоящей смерти. Я думаю, что Ромин все там подчистил.

Анна Андреевна заметила, что в эркере окна, от общей площади задернутая тюлем, на постаменте, как музейный экспонат, застыла в бронзе статуэтка балерины. В одной руке был бронзовый цветок. А на другой висела сумка. И это создавало странный вид.

Вербина подошла к экспонату. «Сумка» была не балеринина. Продолговатый брелок был на нее навешен, как новогодний шар на елку, или на вешалку – пальто. Анна сняла брелок и протянула спутнику, с вопросом: «Что это?».

- Наверно, флэшка.

Анна Андреевна не очень разбиралась. Гуцин включал компьютер и, параллельно, проводил коротенький ликбез.

- Так этот электронный накопитель может хранить много информации, - понятно оценила Вербина.

- Зависит от его объема. Но нам хотя бы что-нибудь хранил, полезное для дела.

Гущин вставил флэшку, и открыл. Да, это было, что искали. Елена Гусева исполнила Сен-Санса. Потом какие-то записки, и стихи. И фотографии. Гущин сразу встретил ту, Еленину, с полными счастья глазами. «Прошлым летом, в Италии» - он пояснил.

И там же, у моря, счастливой Гусева снималась не одна. С ней был тот, кого подозревали как убийцу. На трех фотографиях Гусева с Разиным, в пляжных костюмах, творили скульптурные группы любви.

- Это, по-моему, Роден. Они этюды к «Вратам Ада» повторяют. Вот это – «Вечная весна», и «Вечный идол». А это «Поцелуй». Она-то балерина, с ней все ясно. А этот Разин – посмотрите, какая фактура. Да его и впрямь лепить надо, - Анна смотрела с интересом.

- А все- то думали, что его надо ловить и сажать. А, оказывается, лепить. Я уж думаю, что Ромин был другого мнения. И, все-таки, он трус. Конечно, женщину, под рукой, убить куда проще, чем такого атлета, который и сдачи может дать.

Но вот открыли новую страницу. Там были строки – эскиз.

Оттого, что ты мне часто снишься,

Лишь еще сильней хочу я встретиться.

Есть Париж, Нью-Йорк, Гаага, Ницца.

Город городов для нас Венеция.

Родом кто ты, и какого племени?

Алых губ я обожаю сок.

Завитки волос со лба до темени.

И любви нам не хватило времени.

Ночь да день. Еще бы. Хоть часок.

- И, смотрите, Анна Андреевна, - обрадовался следователь. – Опять-таки, снова, если первые буквы отделить, то и искать не надо, кому она писала. Образцовый свидетель по собственному делу. Просто молодец.

- Да. Налепили из себя скульптур Родена, и она вошла в «Ворота Ада». Я говорила Марине, что с Роминым не надо рядом быть. А Елена сама все решала, ведь кометам ничто не указ. А ядро, все равно, сохранилось. И где-то летит по вселенной. В добрый путь. Но тебе не нужны пожеланья. Никогда.

***

Отец и дочка Вдовины встретились вечером, когда влиянье темноты и мороза за окнами еще сильнее оттеняло атмосферу дома, где мир был соткан из уюта и тепла.

- Давай пойдем в малую гостиную, - Владислав Анатольич любил там вечером, с близкими, отдыхать. – И попросим чай, или, что ты там хочешь?

- Чай будет хорошо.

Во время чая приступили к разговору.

- Ты знаешь, Марина, я совсем не знаю подробностей. Я так думаю, что если что не так, ты, первым делом, обратилась бы ко мне. Ведь ты не просто дочь. Ведь мы с тобой друзья?

- Да, папа, что тут говорить. Но сейчас я хочу исповедаться. Ты должен все знать, хотя все это – личное. Но у меня нет личного, которое от тебя секретное. Я просто не беспокою по пустякам. А сейчас – помоги разобраться.

-Я уверен – ты сама разобралась. А сейчас, чтобы отцу было приятно, ты хочешь рассказать, как ты жила. И я ужасно благодарен жизни, что даровала мне твое доверие.

- А ей благодарна, что ты мне отец. – Марина отпустила чашку и готовилась вставать. - Ну, вот, поговорили. До свиданья.

Вдовин загасил улыбку, но теплоту из глаз не смог убрать. И взрослая дочь начала свой рассказ о событиях, встречах, поступках. О мотивах, победах, и крахе.

- Когда я, одинокая девушка, летела из Голландии в Москву, Сергей Мартынов «охранял» меня из кресла за спиной, в «окопе» следующего ряда в самолете. И подсел Максим Ромин, безобидный и добрый Максим. Из «Шереметьева» я ехала с Максимом, а «ребята» в машине следом. И в тот же день все разузнали про него.

Ромин был покорителем женских сердец и, по мнению всех, сексуальным гигантом. Ко мне он пришел открытым и простым. Может быть, это была одна из тактик. И ему почти все удалось. Даже, если он играл, то вдохновенно. Про тебя он все знал, Мартынов точно выяснил.

Ухаживал Максим за мной, как мальчик, и, даже, этим очень удивлял. Подыгрывал, шутил, и не тащил в постель. Ты веришь? Он мне нравился. Взрослый такой,

и очень в себе уверенный - со мной терялся, как парнишка. И это было так. Меня обманывать не просто. А он не лицедей, чтоб все сыграть. Так я думала. И обманулась, раз хотела обмануться. Меня тяготила девственность, она, во мне, рвалась к Максиму. И тогда я придумала наезд машины. Чтоб посмотреть, как на него стресс подействует.

- Ты что же, сама себя бросала под колеса? А если, что бы вдруг пошло не так?

- Валера за рулем, как бог. И я смотрела, как он пробовал маневры. Там было больше визга тормозов при мастерском заносе, а угрозы жизни никакой. Максим не показал, что трус. А стресс его толкнул на предложение сердца. Я отдалась ему сознательно, сама. И искренне, потому, что мне казалось, что это – любовь.

Но мне «ребята» рассказали, что Максим не прерывал и прежних отношений с секретаршей. И у него была и в доме кто-то под рукой. А мне такого счастья только не хватало, быть в очереди его наложниц. Он и Тину почти отымел. А когда увидел Гусеву, так стал совсем не свой.

Надо было заканчивать. Я повзрослела. Но, ты знаешь, и он стал другой. При первой встрече и в начале отношений, я думала: «Ну, что за примитив!». И за деньгами он гнался. Поэтому, тоже, он вышел в поход за Мариной. Конечно, красота его манила, и обаяние тянуло, как магнит.

- Ах, скромная моя! Но какие амуры тебе на долю выпали!

- Максим как будто понял, что есть другая жизнь. И высшее начало. Он, впечатление такое было, что прозрел. И его потянуло к загадкам. Думал – выпрыгнет за кругозор. Это его и сгубило.

- Так зачем тебя следователь видеть хочет?

- Я вела речь не о подследственной истории. О ней чуть позже. Но я и сейчас в том же мнении, что Ромин меня предавал, когда я отдала ему чистоту девичества, и готова была с ним жизнь связать, а он предавался разврату стремясь утолить свою похоть.

На какое-то время они замолчали. Марина думала, отец разглядывал ее. Потом Марина собралась, и приступила к продолжению.

- Ну, вот, теперь, о криминале. Минувшим декабрем я прилетела в Москву, И через пару дней в газетах, что зверски убили Елену Гусеву, а Ромин был на ней женат. Я говорила – это та балерина, что учила Тину. Серебряный век, чистое искусство. Не от мира сего, и красива. Птица не его полета. Но он же – не женился на миллионерше, ну и пусть. Тогда пусть Шамаханская царица украсит их фамилию. И вот, ее убили. Мне, в общем, было все равно. Анна Андреевна сказала – надо участие принять. Я позвонила вдовцу. И тут началось непонятное.

- Ты такие страсти рассказываешь. А где твои «ребята» были?

- Я спокойно хожу по земле, потому что они со мной рядом. Там, где надо. И не нуждаются в напоминаниях.

- И что непонятного случилось потом?

- Мы навелили насчет соболезнований. И чтобы Анна могла помочь, если надо. Он знал, что Вербина читает мысли. Я сказала, ненароком. И говорила ему – ты «Стихи о советском паспорте» про себя тверди, и мысли твои в сохранности будут. Это было давно. А после посещения Ромина Анна Андреевна немало удивилась: «Жену убили, а он думает о крышах и кошках, и хочет поэму об убитой писать. Как бы ни свихнулся». Но больше удивилась я.

- Хм, почему?

- Потому что Анна думала, что точно прочитала строки, и говорит «Уж время, начинаю я рассказ о Лене». Ан, перепутала. Ведь он долдонил: «Время, начинаю я о Ленине рассказ». Это же Маяковский, а мне ли не знать, как я его готовила к смотринам. Анна потом советовала: «Пусть Пастернака почитает. А то советского гиганта шпарит наизусть». Значит, он боялся, что узнают его мысли, Значит, совесть не чиста. И, значит, может – он убил. Я поняла, и сильно поплохела. Но никому об этом не сказала. А надо бы.

- Чепуха! Кому интересны домыслы бывшей невесты? Тебя бы послали туда, к Маяковскому.

- Но Анна сегодня звонила. Теперь уже ясно, что Ромин – убийца.

- А тогда бы сказали, что с твоей стороны это месть и навет.

- Но я еще, как идиотка, хотела Ромину помочь. Он попросил сходить к их домработнице. И выяснить, не сохранила ли она последних аудио записей Елены? Но я смогла сходить, когда и он погиб. Ведь эта смерть вослед предыдущей случилась.

- Ты, дочь моя, погрязла в ерунде. Что он Гекубе? Что ему Гекуба? Я не вижу, зачем тебе чужая жизнь и смерть?

- Ты встретил маму и нашел любовь и счастье. А другим тяжелее приходится. Но я буду искать, и найду.

- Так. И что же ты нашла у домработницы?

- Диск из компьютера. А там свидание Елены с еще одним, мне близким человеком происходит. Американцем русским. И его подозревали, как будто он убил.

- А кто убил?

- Теперь уж точно – Ромин. Но я все знала после Маяковского. И этот диск мне переделали. Я просила Мартынова. Сейчас любые голоса на пленке говорят то, что захочет техник. Я уточнила текст, что надо, чтоб звучало. И музыку, как фон, я сделала специально. Чтоб всякий понял, что все это театр.

- Ради чего ты так старалась?

- Потому что Олег... Нет. Он мне не врал. Он просто не сказал, что в Венеции он забавлялся с русской балериной.

- Этот американский русский? А что, ему нельзя?

- Можно. Но, лучше, не нужно. Потому что я его люблю.

- Так. С этого места, пожалуйста, поподробней.

- Да, я люблю его – нелепого, родного. Такого дикого, ранимого безумца.

- Но этот хоть живой? А то я Ромина не знал, хоть и слышан. И, может, познакомишь с кавалером?

- Они сейчас в Барселоне с Тиной. Но я хочу, чтобы приехали в Москву. Наверно, так и будет. Познакомлю.

- А все-таки, какие вопросы к тебе у следователя?

- Почему, я сказала, что Алик Раузен мне шапошный знакомый. Когда они наверняка узнали, он мой любовник уже больше года. И зачем я изменила диск. А я хотела: пусть они Олега арестуют, и улику дадут ему прослушать. А там Луи Армстронг, и Элла Фитцджеральд, и так красиво он Елену убивает. Он очень любит джаз.

- Ну и шуточки у вас, у молодежи. А если бы они не разобрались, и твой возлюбленный отправился в тюрьму?

- Анна Андреевна не разберется? Ну, папа, только не от тебя какие-то сомненья! Так что же мне в кабинете дознания рассказывать?

- Только правду. И очень подробно, со всеми чувствами и подоплеками. И на все вопросы - самые правдивые и точные ответы.

- Но есть один, на который я ответить не смогу. Кто убил Максима?

- А Алик твой не мог?

- Нет. Он не убивал. Он в это время был со мной у нас в квартире. Но у меня, порой, одна и та же мысль, внезапно, возникает. Когда мы простились с Анной Андреевной, и я поехала с Мартыновым домой, в меня вселился бес. И я твердила про

Максима с Маяковским, и, что, какая сволочь, что убил. Я вспоминала лебединые песни Гусевой. И все это растерзать, подмять и уничтожить. Я помню, я сказала: «Моя воля, я сделала бы так, чтоб он не жил». А Мартынов спросил: «Вы так хотите?». А я, в сердцах, воскликнула: «Хочу? Неправильное слово. Все во мне кипит от гнева. Я жажду».

- И что тебя смущает в разговоре?

- То, что Максим через сутки погиб.

- Ты спросила Сергея?

- Он сказал, что «ребята» не знают.

- Ну, вот и весь вопрос. Они тебе не могут лгать.

***

А в офисе компании «МАКГОР» Калинин приступил к активным действиям. Две недели отпуска прошли. Немченко домой не возвращался. И Вячеслав Петрович позвонил в ОБЭП. Состав преступления был налицо. Проверили маршрут поездки Евгения Сергеевича, и он привел, как, впрочем, ожидалось, в Лондон.

- Я действовал в рамках своих полномочий. А если, что не так и получилось, то это неподсудные дела.

Возвращаться он не собирался. А требовать выдачи? Что он за птица, чтоб сыр-бор затевать?

Вячеслав Петрович включился в деловой процесс. Там было с чем еще работать. Ромин не появлялся. А Клавдия Ивановна на звонок ответила.

- В силу обстоятельств мы сейчас, и в ближайшее время, не сможем поучаствовать в работе. Но мы – совет директоров, и акций пятьдесят процентов в активе. Так что ты, любезный друг, все вопросы сам решай. Но от нас будет уполномоченный представитель наблюдать. Пришлем на той неделе.

Из дальнего автосервиса позвонили. Решить проблему сами не могли, поэтому обратились к начальству.

- Тут, перед Новым годом еще, человек от Немченко его «Субару» пригнал битую. Так что ее, начать делать? Или его подождать?

Калинин сам заехал в сервис. А уж оттуда, актер вторых ролей, все-таки, позвонил Ромину.

- «Субару» Немченко со следующего дня от гибели Максима стоит в нашем сервисе на сохранении. И у нее помят бампер, и капот деформирован. Видно, был сильный удар.

Петр Михайлович и начал разговор через силу. И, после информации, не говорил, а только тихо слышалось: « да.... Да».

Потом устало, без эмоций молвил.

- Тебе счас Клавдия даст номер телефона. Не потому, что я сам не хочу позвонить. Но ты находку обнаружил, и это правильно, что сделаешь звонок. Следователь Виктор Васильевич Гуцин. Он дело Максима ведет. И, выходит, Немченко Максима на тот свет, возможно, и отправил. Вот, чертов сын, ядрить твою налево.

Автомобиль осмотрели. И эксперты сделали заключение, что повреждения от сильнейшего удара о предмет, который вполне мог быть человеком. По времени - появление машины на стоянке как раз пришлось к стыковке с жуткой гибелью Максима.

-Я знаю машины Евгения Сергеича. На этой он загород ездил. И если хотел погонять, - механик из сервиса был очень рад, что можно что-то обсуждать, когда кругом полно работы. – Пригнал ее не сам хозяин. Дело было при мне, в самом начале смены. Тот сказал: «Вот, Немченко велел поставить. Не к спеху делать. Он скажет, когда нужно». Ну, я и загнал ее в ангар, типа отстойника. А сейчас, когда, ведь, вроде Немченко пропал, так мы и позвонили. Нет, не могу сказать, кто пригонял. Он небольшого роста. Вроде, в шапке. Да кто не в шапке? На дворе зима. А Евгений Сергеич куда задевался?

Гуцин нашел в биографии Немченко эпизод, явно не в его пользу Он был под следствием, когда трое подростков, и он в том числе, забили пьяного до смерти. Евгению тогда было шестнадцать. А избиение было без повода. Так, молодежь веселилась. Одинокая жертва. Ни кола, ни двора. Ни того, кто мог его оплакать. А у мальчиков жизнь впереди. Ну, и убийство по неосторожности. Условный минимальный срок. И снятая судимость.

А в офисе сразу отыскался повод Немченко для устранения Ромина.

- Он разговаривал при мне с Максим Петровичем. Я слышу – тот орет, а Немченко меняется в лице, - вдруг вспомнила секретарь Ромина. – Это было тогда, когда супругу убили. А Немченко помощь предложил, с документами перед Новым годом разобраться. И, говорит, заверь мне право подписи. А тот кричит: «Уволю. Дай только мне до офиса добраться». Такой был разговор.

А Немченко был в Лондоне. И неизвестный пригнал тем утром в сервис лимузин. Появилась твердая гипотеза, без возможности проверок и доказательств. Но все сходилось. Это был предфинишный этап.

***

Анне Андреевне первой представили Разина. Приехали втроем – Марина, Тина и Олег. Обе девушки сразу прошли поближе к даме, и он стоял один напротив их. Тогда Тина сказала:

- Мамуля. Вот Олег.

Он стоял, и улыбался им по очереди. Сначала своим подружкам. А потом и Вербиной старшей. И она улыбнулась ему, потому что нельзя было не ответить на такую полную открытость и приветливость.

- Мы, мама, много лет назад встретились с ним на пляже. В тот вечер, когда в море упал самолет. Волны бились. Он сидел на гальке. Его родители погибли, - Тина взглянула на Олега, и продолжала, не сводя с мужчины глаз. – Я подошла и села рядом. С тех пор жизнь разводила нас, но он мне очень близкий человек.

- А я с ним познакомилась в Москве. И удивлялась – отчего с ним так легко? И продолжаю удивляться до сих пор.

- А я вас всех тогда увидел в Сочи. Но только с Тиной познакомился. Вас, Анна Андреевна, я очень знаю по рассказам. Буду рад личному знакомству, если вы не возражаете.

- Да какие возражения. Я столько думала о вас – зачем вы убили Елену? И, словно демон мести, прикончили Максима. Но вышло не так. Что же было, Олег?

- Насчет демона мести вы подметили точно. Я ненавидел Ромина, за то, что он Игоря предал. И все его деньги забрал.

- А Елена тут причем? Любовь?

- Нет. Но такую можно полюбить. Если бы я не любил другую.

Анна Андреевна смотрела озадачено. И пригласила всех к столу.

- Так у вас с ней был роман, и она вам стихи посвящала.

- На стихах ее заклинило. А какие там романы? Море, Италия. Ее томление в одиночестве. Я ненавидел Ромина. Поэтому сошелся с ней.

- Так просто говорите, будто чая стакан выпили.

- Ну, хорошо. Я ее пожалел. Ей попался в мужья негодяй. В мире разные люди бывают.

Анна Андреевна сменила, аккуратно, тему. Но, все равно, как ни крутилась общая беседа, непринужденность в ней не состоялась.

Когда Марина и Олег ушли, Анна, задумчиво, вернулась к «теме» Разина:

- Слушай, Тина, он как обиженный ребенок. И мысли у него простые, детские. Какое-то странное мышление. Мне показалось, будто он в другом пространстве для себя находится.

- В какие-то минуты он - ребенок. Ты, мамочка, его обезоружила. Он знает, что ты видишь всех насквозь. И совсем открылся. Вот ты и удивилась, что у могучего атлета такая детская душа. А и в писании сказано, что если не будете, как дети, то небесного царства не видать.

- Ничего себе дитя? Три женщины, три очень ярких женщины настолько любят, что он делает, что хочет. Я вижу – ты ведь тоже его любишь.

- Насчет Елены – она Олега ослепила. И покорила своей магией. Я сама никогда не забуду ее. И это не память, а преклоненье, или что-то в этом роде. В их встрече Елена Ниловна, как хозяйка Медной горы, а Олег – Данила мастер. Всех Катерин при ней забыл. Он, вообще, как третий брат Иванушка в сказаньях. Незадачливый, с какими-то мыслями странными. А в финале – победитель.

- Дурачок?

- Как хочешь, назови. Я знаю, что он умный.

- В наше время такая редкость....

- В наше время и не то бывает.

***

А у Гущина Разин был краток и строг. Так ему казалось.

- Мы случайно встретились в Венеции. Сошлись, как все у моря происходит. В Москву я приезжал из-за того, что столько есть предателей и трусов. Елена у моря клялась мне в любви. А в Москве удивилась, и я ей не нужен. Я просто думал, что Ромину досталась Афродита, а, оказалось, что она, как все. Я плюнул на порог. И все почти забыл.

- У вас какой-то поток сознания. Как вы уходили от Елены Гусевой?

- Она сказала: «Я провожать не буду». Я оделся и ушел. В лифт еще компания веселая ввалилась.

- Вы только раз с ней в Москве виделись?

- Я приходил до этого за день. Все так же было. А двадцать третьего я ей по мейлу написал, что вечером зайду.

- А с Роминым вы не встречались?

- С Максимом? Нет. Я видел только Петра Михалыча. Он, наверное, вам говорил.

- Никакой информации. Я ему сейчас позвоню.

Гущин связывался с Внуково. Разин терпеливо ждал.

- Все, спасибо, - Гущин закончил звонок. – Петр Михайлович сказал: «Да-да. Видались мимоходом».

- Ну, значит, так оно и есть. Источник верный.

- Вас только два обстоятельства выручают, которые обнаружили в ходе следствия. А то бы – из Нью-Йорка, и прямо в русскую тюрьму.

- Меня не надо выручать, я просто никого не трогал. И, вообще, убийства мне не по душе.

Виктор Васильич смотрел на Олега, и как-то, удивленно думал: «И Марину Вдовину, любовницу твою, мы можем только укорить, что водила нас за нос. Ну, что ж, герой-любовник. Иди, как говорят, и не греши».

***

У руководства Гущин доложил.

- Дело по убийству балерины Гусевой можно считать раскрытым. Оформлю и представлю. Ее убил муж, Максим Ромин. Из ревности – в тот вечер она принимала любовника. Убийство предумышленное – Ромин заранее продумал, как выйти сухим из воды. В тот день он в почте увидел, что любовник вечером придет. И ждал, пока тот из дома не вышел. Потом пробрался на чердак через соседний подъезд. Там в этот вечер никто не дежурил. Жильцы попроще, и дежурство не налажено. Спустился с крыши альпинистом на балкон. И убил свою жену. Но все бы это были только домыслы, если бы не следы крови на Роминской куртке. И цветок.

Шеф взглянул вопросительно.

- В прихожей убитой стояли зеленые цветы в вазе. Я посчитал, когда на смерть приехали. Их было восемь. «Что ж, - подумал я, - кто станет, как покойнику, дарить четное число?». Потом уже спросил у Разина, любовника. Тот девять подарил, как полагается. А одну хризантему нашли, когда крышу обследовали тщательно. Словно горный цветок эдельвейс она лежала на снегу, припорошенная, в загибе козырька. Этот Ромин от своей покойницы заразился тягой к театральным эффектам. Когда настала смерть, он и цветок, теперь лишний, забрал насовсем. Наверное, выпал, когда Максим Петрович вершину крыши покорял.

Доклад о Гусевой был с мельчайшими подробностями. А о Максиме было мало что сказать.

- А самого его убил, почти на сто процентов, сотрудник фирмы «Макгор», которому Ромин дороги вверх не давал. Там много побуждений. И на машине след удара. Эксперты говорят, что явно кого-то сбили на огромной скорости. И отпечатков пальцев этого Немченко полно. Но это его «Субару». А в сервис пригонял какой-то неизвестный. И следов не оставил. Зима, конечно. Но зачем он вел в перчатках? Немченко и фирму ограбил. Сейчас в Лондоне. Надо просить выдачи. Поводов предостаточно.

Решили оформлять запрос. И Гущин вздохнул с облегчением.

***

Москва неожиданно, за день, совсем изменила лицо. Какие-то ветры надули тепло. С утра начавшийся снегопад, к вечеру таял на уровне крыш и дождем уничтожал сугробы. Огромные пробки душили столицу. Марья Егоровна курила у окна и наблюдала два встречных, застывших потока машин в размытом свете фонарей.

- Какой знакомый поворот погоды. Нарочно для меня – пора домой, в Санкт-Петербург. Моя Балтийская зима меня зовет обратно.

- Ты помнишь, мама Аня рассказала? Как я только научилась говорить, каждый вечер, просила: «Бабучка! Посиди околдо меня!». Давай хоть просто «околдо» побудем. Еще немного. А уж потом – все в разные концы.

- Да, милая моя Валюша. Я только с тобой вспоминаю, что Мария Егоровна лишь часть моего существа. И, когда ты говоришь мне: «бабушка», это важней всех вместе взятых ученых советов.

- Мама где-то задержалась. Я соберу на стол, и подождем ее с ужином.

- Да. Расскажи мне, как с «наследством предка» дела обстоят? Все Аннушка тебя преемницей считает?

- Я больше так сильно маме не подыгрываю. И, думаю, она давно спокойна. Ведь, если «дар» не проявился на все сто, то что ж поделаешь. Я, в юности, старалась «соответствовать». И забивала голову эротикой. А мама думала: «А он и впрямь мой дед. По нашей ветви дарования ниспосланы. Матрена только танцевать умела. И то - не хорошо».

- У Анны странности - расплата за достоинства. Она живет в своем особом мире. И научилась защищать его. И никто не разрушит ее смотровое окно в будущее. И дар осмысливать чужие мысли, как слышим мы слова при разговоре.

- Я это знаю, и Марина тоже. А ближе нас у нее никого нет. Но для себя я знаю, что никакой Распутин мне не нужен. Я - от тебя. От Лизы, от папы-звездочета. И я сегодня здесь свою осваиваю жизнь. Мама – чудо. И охранять ее – это часть моей жизни.

- Вот и у нас ученый совет происходит. Видно, это мой удел. И никуда никогда не надо спешить ехать. Потому, что спешить – некуда. Послушай внука бабушки наказ. Кто-то мудрый все это придумал.

- Только хочется есть. Но мы дождемся маму.

***

Тоскливое ненастье, бедлам на автострадах – ничто не помешало Анне Вербиной успеть немало дел. Вдовин прислал ей машину. Они встретились в полдень, и пили, с беседами, чай.

А потом состоялось знакомство Вдовина с Олегом. И Анна видела, что все прошло успешно. Разин пришелся по душе Владиславу. Да и Анна разобралась вполне. И увидела, что юноша намного больше чем неплох. А Вдовин, так сказал: «Какой орел!». Ну, не ему, конечно. А Марине.

- Какие планы, молодые люди? Насколько понял – вы, Олег, похоже, пропускаете семестр?

- Семестр – конечно. Но, Владислав Анатольевич, можно откровенность? Я думаю, сейчас такой момент, чтобы не пропустить самого главного. Мне нужно подумать, и крепко.

- Я что-то тоже пропускаю, - Марина размышляла вслух. – Но это все не так уж важно. Папа, можно мы к Анне Андревне поедим? Там Лермонтов, Пушкин, и, главное, Анна Андревна. Глядишь, что умное и придет в голову.

- Если вас хозяйка пригласит.

- Вы построили замок в горах. Я там смотрительница и храню очаг. Марине незачем спрашивать. Мы ведь только и ждем, когда молодость наполнит жизнью стены.

- Только сначала со мной возвратимся. Я хочу на охоту, в тайгу, с твоим другом Олегом сходить. Ведь не охотились, наверное?

- Нет. И пойду с огромным наслаждением. Правда, на меня тут хотели охоту повесить. Но неправда не состоялась.

А Анна что-то думала серьезно, и поспешила тревогу открыть.

- Мне очень не нравится, что Елена Гусева с Максимом Роминым лежит в одной ограде. Понятно, кто же будет колотиться? Но, может быть, мы можем что-то сделать? Я говорю от Тины и себя.

Вопрос повис в тишине, потому что все ушли в раздумья. Но Вдовин умел быстро выйти на решение.

- И не будет. Я попрошу разобраться. Только где ее, бедняжку, будет лучше похоронить?

- Папа, давай на Ваганьковском. Там много людей искусства. И память о Елене пусть меж ними будет.

- Хорошо. Все будет сделано, а результат доложен.

- Ну, и, слава Богу. – Анна Вербина вздохнула с облегчением. – А то убийца с жертвой рядом. Я, Влад, сегодня встречусь с Гущиным, он мне звонил вчера. И спрошу – пускай поможет с оформлением документов.

И Анна распрощалась, Гущин ждал. Они решили посидеть в кафе у дома Вербиной, где уже как-то встречались. И Гущин сказал очень искренне, просто:

- Я, Анна Андреевна, очень судьбе благодарен, что мы вместе работали по этому странному делу. И, вообще, что жизнь свела нас с вами. И у меня есть одна просьба. Можно сказать? Я хотел бы надеяться, что мы когда-нибудь еще поработаем вместе.

- Только чтобы не моих знакомых убивали! Конечно, Виктор Васильевич. Если я буду в Москве, и будет что-нибудь со сложной психологией.... А, может, без нее. Я буду рада, чем смогу, помочь.

И Гущин даже Вербину растрогал. Он ей торжественно, насколько смог, вручил благодарственное письмо от начальника Управления «за неоценимую помощь в раскрытии сложного дела».

Анна успела к ужину домой. Ведь мама с дочкой терпеливо ждали.

***

Говорили о том, и о сем. Просто парили в атмосфере особого домашнего уюта, когда – родные, близкие не виделись давно. И все тепло выплескивают разом. Марья Егоровна была особо важной. Ведь Вербины пересекались часто. И все вниманье было к старшей даме. В какой-то момент Тина с бабушкой вспомнили давнее приключение, и Анна любовалась, отстраненно. И задержала взгляд на дочери. И не сводила впрямь.

- Что ты, мамочка, не сводишь с меня глаз? Я изменилась, или так, любишь?

- Ты, Тина, изменилась. И меня меняешь.

- Да, что вы, мои родные? Какие изменения случились?

Тина и Анна смотрели друг другу в глаза. И Тина отвела свой взор. Не к бабушке. На окна. И Анна Андреевна тихо промолвила:

- Вот так сюрприз. Да и какая радость!

Валя скромно потупила взор. Марья Егоровна просила разъяснений.

- У мамы бабушка спрости. Она больше чем кто-либо знает.

- Мама! Скоро ты будешь прабабушка! – Воскликнула Анна. Глаза торжественно блестели, и Тина отражалась в них.

- Так, может, и нет ничего, - попыталась Валентина успокоить. – Ведь бывает, что тест неправильно покажет. И срок невероятно мал.

- Нет. Я ж увидела, что это совершилось. И осенью внучка появится. Ты, Тиночка, куда хотела ехать?

- Откуда и приехала. В Испанию.

- Нет, милая моя. Испания потом. Сначала ты родишь нам внучку. И тогда еще резвей на радостях запляшешь.

Бабушка Маша хотела подробностей.

- Что вы толком ничего не говорите. А кто отец ребенка?

Анна глянула на дочь, и медленно сказала, с расстановкой.

- Это дитя любви. У ней будут и папа, и мама, и тетя. Не говоря уже, мама, о нас с тобой. Да и бабушка Лиза – даст Бог – успеет порадоваться.

- Так кто отец-то?

- Отца зовут Олег, - все объяснила Тина. – Я, бабушка, вас познакомлю. И в ближайшее время.

- Ты уж поспеши. Не ровен час, - Анна Андреевна никогда не была так серьезна, - А то он в Сибирь собрался, на охоту.

- А ты уже и знаешь, что будет девочка, - Марья Егоровна пыталась дочь.

- Да, девочка. И знаю, как назвать. Мы назовем ее Еленой.

***

Вербины недолго, еще недели две, оставались в столице. Потом собрались на Кавказ, и немало удивили астронома Георгия приездом дочери на долгий срок и с такими благими намерениями.

Вдовин узнал, что необученный Олег, сумел за день постичь премудрости охоты. И был настолько смел, что звери сами гибли в страхе. Без какой-либо тени сомнений Владислав Анатольич решился разрешить поездку Марины с Разиным в горы. Только напомнил взять с собой «ребят» - везде встречаются лихие люди.

Разин и Марина с Тиной так радовались жизни на Кавказе. И очень полюбили телескоп. Искать меж звезд заветные пути - почти что, как крылатой сделать душу.

Потом Марина и Олег собрались на Тибет. Чтоб посмотреть, как ищут смысл жизни. С собой в поездку, из «ребят», позвали Мартынова и Михаила. Вдовин согласился, потому что из всей команды они и впрямь телохранители. Однако Марина отреклась от радикальных пожеланий, чтоб, ненароком, не создать прецедент для сомнений. Мобильной группой отправились в края, куда, в поисках познаний, стремятся все. Тем более, что времени до возвращения было отпущено не много. До осени, когда Тине пора рожать.

И, действительно, лучшего имени, чем Елена, для девочки не нашли.
